

Л. Фандеева

Если бы не ты...

Из серии: «Семейные узы»

16+

Лилия Фандеева

Если бы не ты...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56442940

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05186-7

Аннотация

Первая любовь – чувство настолько сильное, что не забывается спустя годы. Она вспыхивает как яркая звезда и иногда затухает. Но кто сказал, что она погасла совсем? Почему её следует оставить, не дать возможности возродиться и стать для двоих путеводной?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	31
Глава 3	64
Глава 4	90
Глава 5	123
Глава 6	144
Глава 7	178
Глава 8	201
Глава 9	221
Глава 10	245
Глава 11	272

Пролог

Проснувшись раньше звонка будильника, девушка стояла у открытого окна и смотрела на рассвет. Небо на востоке начинало обретать лёгкий персиковый оттенок, словно пушистым одеялом окутывая восходящее солнце. «Утро! Рождается новый день! Что может быть прекраснее? Я искренне порадовалась бы новому дню, ласковым лучикам, нежному свету солнца, если бы ни эти два «но», которые мне обязательно нужно сегодня решить, – думала Милана, присаживаясь на подоконник. – Вот и получается, что на самом деле утро – это далеко не самое приятное время суток, если все твои мысли, где-то между полуднем и вечером. Сегодня пятница, девятое июня две тысячи шестого года. Я почти не готова к сдаче экзамена, и совсем не готова к встрече с доктором Затонским. Зачем я это делаю? Не знаю! Я прочитала письмо мамы после её похорон и не думала раскрывать кому-либо её сомнения или тайну. Но после сороковин, всё перевернулось в моей голове. Я не только приоткрыла для себя завесу этой тайны, но и узнала о страшной болезни молодого парня. Как мне правильно поступить? С одной стороны – я внесу смуту в семью, не зная, как воспримут и чем закончится некая правда. С другой стороны – только я могу попытаться помочь и, возможно, не допущу трагедии. Ладно. Как бы там ни было, экзамен я смогу и пересдать, лишившись при

этом стипендии. Она такая, что горевать особо не приходится. А вот встречу с доктором отменять нельзя. Я никогда не думала о том, что кому-то понадобится моя группа крови и не была донором. Как вообще меня примет Затонский? Захочет ли слушать и понять бред, который я буду нести? Ладно, скажу, как смогу. Кто сказал, что чудес не бывает?»

Милана приняла душ, включила чайник и сделала бутерброд. Она уже месяц жила в съёмной квартире в десяти минутах ходьбы от университета. Это было одно из её условий отцу. После похорон матери, она откровенно поговорила с ним и поставила два условия. «Пап, я понимаю, не маленькая, что жизнь продолжается, но дай мне время. Не приводи Свету в дом до девяти дней и сними мне на месяц квартиру. Мама знала о вас. У меня к вам нет претензий. Свету я знаю с самого детства, но мне к этой мысли нужно как-то привыкнуть. Пойми», – говорила она. Отец снял квартиру. Милана, перевезя часть вещей, перебралась в город. Теперь она могла не появляться в доме отца за городом, в котором прожила счастливые три года семьей. Она приезжала только по необходимости и только в будний день, когда Светлана и отец были на работе. Милана не испытывала неприязни к мачехе, которая была ей крёстной мамой, однокурсницей и подругой матери, а теперь и отца, вспоминая строки из письма мамы. Запретить кого-то любить нельзя.

Милана Тихонова экзамен сдала больше чем на «хорошо». Она была успевающей студенткой и зимнюю сессию

сдала на «отлично». Выйдя из аудитории, Милана увидела Павла Антонова, стоявшего у окна. Друг детства и юности второй месяц навязчиво пытался «скрасить» её одиночество, узнав о том, что Тихонова рассталась со своим бывшим парнем, выпускником университета, с которым дружила два года.

– Привет! Как экзамен? Стоил он моей вчерашней отставки? – спросил он, обнимая её за плечи и целуя в щеку. – Едем к тебе на квартиру обмывать переход на четвёртый курс? Еще один год и диплом в кармане.

– Паш, мне нужно заехать в одно место и это не обсуждается, – ответила Милана. – Можешь подвезти?

– Куда на этот раз? – недовольно спросил он.

– В клинику, – она назвала адрес. – Если нет времени, можешь не ждать. Чем вчера занимался? Как вообще сдал экзамен?

– К экзамену готовился, получил семьдесят пять баллов, – с усмешкой сказал он, открывая перед ней двери авто. – Мне, Лана, в отличие от тебя, есть чем заняться и без экзаменов. – Он занял водительское место и выехал со стоянки. – Что у тебя за дела в клинике?

– Вернусь, возможно, расскажу, но не сейчас, – задумчиво сказала девушка. – Паш, у тебя вода есть? В горле пересохло.

– Посмотри в кармане чехла за моей спиной, – ответил он.

Милана развернулась назад, насколько позволял ремень безопасности, протянула руку за сидение водителя и опеши-

ла. На полу у заднего сидения лежали женские трусики, упаковки от презервативов и использованные смятые салфетки.

– Что-то мне пить расхотелось. Останови здесь, – попросила она. – И наведи в машине порядок, прежде чем напрашиваться в гости. Скажи, это забывчивость или демонстрация сексуальности?

Павел притормозил у обочины, оглянулся, посмотрел назад и невозмутимо пожал плечами.

– А ты думала, я буду ждать тебя, пока ты решишь все свои проблемы, которым не видно конца? – спросил он с каким-то укором. – Ты находишь время для всех, кроме меня. Думаешь, я совсем глупый и не понимаю, что ты меня просто «бортуешь»?

– Антонов, я вообще о тебе не думала, – открывая дверь, говорила Милана. – Я случайно услышала и знала о твоём пари с Егором. Ты за этим напрашивался ко мне в гости? Для Егора пари вышло выигрышным, но, в целом, вы оба идиоты. Я хотела понять, что в тебе есть такого, что от тебя у девочек крышу сносит?

– Поняла? – усмехнувшись, спросил он. – И какой результат?

– Я поняла, что ты обычный мажор. Когда ты стал таким? – с недоумением спросила Милана. – Что-то я пропустила за крайние два года.

– Ты сама не из золотой молодёжи? – усмехнувшись, спросил он. – Хотя, о чём я? У тебя в друзьях ходит «бюджетный

вариант», кроме Полинки.

– Скажем – из бронзовой. Я никогда бы не воспользовалась непростой ситуацией, в которую попал человек. Ты, Паш, не просто мажор, ты урод бездушный, – обижено сказала Милана.

– Что же ты так долго терпела мое уродство? Объясни, – с вызовом задал вопрос Павел. – Хотела иметь запасной аэродром?

– Дурак ты, Пашка. Мы в последние годы мало общаемся, и я не ожидала, что ты так мог измениться. Сначала думала, что ты меня искренне хочешь поддержать в непростой ситуации, а пари просто повод. Ну, так бывает, когда человек хочет помочь другому, но при этом остаться незамеченным. Чуть позже, мне уже было не до тебя, а еще позднее – ждала, когда ты сам откажешься от своей затеи, но не дождалась, – говорила Милана, глядя на Павла. – Ты считаешь, что я тебе что-то должна? Почему ты так уверен в своей неотразимости и сексуальности? Ты решил, что я, расставшись с Егором, захочу переспать с тобой? Ты ради спортивного интереса решил повторить попытку? Тебе было семнадцать, теперь двадцать, но ты не поумнел, Пашка. Или вынашивал всё это время обиду за уязвленное самолюбие? Ты не можешь не понимать, что дружба и влюбленность, разные вещи. Мы дружим с тобой лет пятнадцать, но это далеко не те чувства, которые я испытывала к Егору. Скажи честно, чего ты доби- ваешься?

– Дура ты, Тихонова. Если бы дело было только в пари, я давно нашёл хороший способ затащить тебя в кровать. Напоить, обмануть, взять насильно, много чего можно придумать. Только за три года ты изменилась не только внешне, ты стала другой. Меня тянет к тебе и не только для секса. В этом деле у меня не бывает простоев. Чем я хуже Егора? – с вызовом спросил Павел.

– А чем лучше? Ты собирался меня морально поддержать в постели – это я поняла. Мы с Егором расстались, и пари можно было не продолжать. Глупый ты, Пашка. Я не занимаюсь любовью ради любопытства или интереса, – сказала она, выходя из машины. – Боюсь, что с таким отношением, наша дружба может скоро закончиться. Передай вместе с выигрышем привет Егору.

Милана добралась до клиники на такси и попала на приём к доктору Затонскому в назначенный час, который понравился ей сразу. Что-то в его внешности вызывало не только симпатию, но и доверие. Это был молодой человек до тридцати лет с правильными чертами лица, греческим носом, короткой стрижкой темных волос и синими глазами. Судя по пропорциям тела, он не встал со стула, рост его мог быть от метра восьмидесяти до двух. Доктор гематолог видел, что девушка волнуется и готов был помочь, если это в его силах.

– Ваша фамилия Тихонова? – спросил он. – Что Вас беспокоит и где карточка, анализы, документы?

– Сергей Ильич, у меня к Вам необычный разговор и

просьба. Я знаю, что у Вас лежит на лечении Тихомиров Руслан. Я знаю, что такое врачебная тайна и не прошу мне её раскрывать. Я прошу у Вас совсем немного: давайте вместе попробуем ему помочь. Что для этого нужно?

– Руслану требуется пересадка. Отправлять его в Москву или за границу бессмысленно. С его группой крови и резус фактором нужен редкий донор, а таких пока нет. Когда пересадку костного мозга начнут заменять стволовыми клетками из периферийной крови, будет больше шансов. Но это всё в обозримом будущем. Вы ему кто? Как Вы о нём узнали?

– Полтора месяца назад моя мама умерла от онкологии. Мои родители и отец Тихомирова Руслана учились вместе в институте. Я слышала на поминках разговор его отца с моим папой. Сергей Ильич, пожалуйста, возьмите у меня все возможные анализы. Если я подойду – расскажу Вам обо всем и всё, а если нет – пусть всё останется в секрете. Мне двадцать лет, я студентка, местная, здоровая. Что скажете?

– Что я могу сказать? Давайте попробуем. Завтра приходите к восьми часам, и займёмся Вашими анализами. Шансы невелики, но попробовать стоит. Вы меня заинтриговали.

– Попробовать нужно обязательно. Что-то мне подсказывает, что я могу помочь. Прошу Вас не говорить ничего и ни кому пока не будет результатов.

– Видите ли, Милана, как правило, неродственные доноры всегда остаются «в тени». Это своего рода страховка от шантажа родственников реципиента. А Вы пришли помочь кон-

кретному человеку, но при этом хотите остаться неизвестной, – говорил доктор Затонский. – Что Вами движет? Вы знаете, что можете не получить ничего за свой порыв? Я говорю о деньгах.

– Я о них не думаю. Я «покопалась» в интернете и знаю, что донорство дело добровольное, что сама процедура не опасна. Вы мне расскажете об этом, но после результатов. Договорились? Встретимся завтра в восемь утра. Всего доброго.

Глава 1

Абитуриенты местного университета познакомились на вступительных экзаменах, а подружились, будучи студентами в сентябре восемьдесят первого года. Уже через год «великолепная» шестерка разделилась по парам: Антонов и Гаврилова, Тихомиров и Илюхина, Тихонов и Баева. В начале пятого курса Анатолий Антонов и Елена Гаврилова поженились, а Алексей Тихомиров и Наталья Илюхина расстались. Алёшка был тот еще «ходок», а Наташа всё время находила ему оправдания. Последней каплей в чаше её терпения оказалась студентка третьего курса. Наташа встретила её в таком месте, где слова оправдания «не работают». Она пришла в женскую консультацию на приём, где встретила маму Леонида Тихонова, работающую здесь доктором, и получила подтверждение беременности в четыре-пять недель. Уже на выходе она увидела Алексея с девушкой, и они ссорились. Визит в женскую консультацию почти всегда происходит по одной причине. Наташа вернулась домой расстроенной и подавленной. Она не так болезненно восприняла предстоящий неизбежный разрыв с Алексеем, как приговор врача. Ей нельзя было делать аборт. «Хорошо встретили Новый год, – думала она. – Папа и мама меня поймут. Я успею сдать экзамены и получить диплом. Как мне поступить с Тихомировым? Месяца через три, беременность уже будет не

скрыть. Пожалуй, я подожду и расстанусь с ним мирно». Через неделю между Наташей и Леонидом Тихоновым произошёл разговор, который изменил жизнь не только их, но и друзей.

– Наташка, что произошло между тобой и Тихомировым? – спросил Тихонов. – Вы с Лёхой расстались?

– Мы с Лёхой плывем разными курсами, и у нас теперь нет общего порта причаливания. Вопросы еще есть? – не глядя на Тихонова, сказала Илюхина.

– Есть и ни один, – ответил Леонид, не обращая особого внимания на ее тон.

– Валяй! – равнодушно ответила Наташа. – Особо не надейся, что все мои ответы будут правдивыми.

– Скажи честно, я тебе совсем не нравлюсь?

– Лёнь, мы дружим почти пять лет. Ты хороший друг.

– Ты, Илюхина, от ответа не уходи. Почему ты в своё время выбрала Тихомирова, а не меня? Так, вопрос звучит конкретнее? – настаивал Тихонов.

– Какой вопрос, такой и ответ. Вы мне оба нравились. Лёшка был решительнее и настойчивее, ухаживал красиво, – ответила Наташа, вспоминая события прошедших лет. – Теперь я знаю, что он совсем не герой моего романа, а тогда вскружил голову. Ты хочешь меня пожалеть?

– Я хочу на тебе жениться. Я тебя люблю, – выпалил Леонид.

– А ты спросил, хочу ли я этого? Ты хочешь скрасить моё

одинокчество? А как же Света?

– Мы с Бaeвой никогда не были близки. Я знаю о том, что ты беременная и уже сказал своим родителям, что ребёнок мой. Ты попробуй доказать обратное. Мне остаётся сообщить об этом твоим родителям и сделать тебе предложение.

– Тихонов, ты нормальный? Тебе это зачем? Тебе обо всём рассказала мать? – удивлённо спрашивала Наташа. – Я никогда не приму такой жертвы.

– А кто тебе сказал, что я жертва? Аборт я тебе сделать не позволю. О твоём положении мне доложила мама. Жить мы после регистрации будем вместе, а время, для принятия меня в качестве мужа, я тебе дам. Если твоё отношение ко мне через год не изменится – разведёмся. Сегодня двадцать первое января. Завтра мы пойдем в загс, в марте регистрируемся, выходим на диплом, сдаем государственные экзамены. Что тебе в моём предложении не нравится? – вопросительно смотрел Леонид на Наталью.

– Мне не нравится ВСЁ. Почему, а главное зачем, ты вдруг всё решил за меня? – сердито спрашивала Наташа.

– Считаю, что я воспользовался моментом. Я тебя слишком люблю, чтобы упустить тот единственный шанс, который у меня появился. Я отступлю только в том случае, если ты сама решишь вернуться к Тихомирову и, если я тебе настолько неприятен в своей откровенности. Слово за тобой. Подумай.

Наташа Илюхина подумала. Леонид Тихонов нравился ей всегда. Он не уступал Алексею ни во внешности, ни в остальном. Просто Леня был тихим романтиком, а Лёшка – нарцисс сияющий. Почему она выбрала Тихомирова, а не Тихонова оставалось для всех загадкой. Первого марта восемьдесят шестого года состоялась регистрация, и Наташа стала Тихоновой. В июне этого же года они получили дипломы об окончании университета. Двадцать седьмого сентября в семье родилась дочь, которую назвали Миланой. «Она такая маленькая и миленькая – пусть будет Миланой», – говорил счастливый отец. Чуть раньше в семье Антоновых родился сын Павел. Семьи Антоновых и Тихоновых после рождения детей ещё больше сдружились. Алексей Тихомиров пропал из поля зрения друзей лет на десять, а Светлана Баева продолжала дружить с семьёй Тихоновых и была крёстной матерью подросток Миланы.

У Миланы были дедушка и бабушка со стороны матери и отца, но тянулась она больше к Илюхиным старшим. Мария Васильевна была проще и понятнее для Миланы, чем Антонина Степановна. Да и Николай Никитич больше занимался внучкой, чем Михаил Васильевич. Илюхины могли выслушать Милану, посоветовать, подсказать, попросить, научить, а Тихоновы часто выказывали недовольство по разным причинам и хотели видеть в лице Миланы образцовую внучку.

Милана полностью соответствовала своему имени. Она не была красавицей, но была очень миловидной девушкой.

Тёмная шатенка с синими глазами привлекала взгляды многих. При росте до ста семидесяти сантиметров и весе в шестьдесят килограммов, она была подвижной без всяких дополнительных физических нагрузок. Она хорошо водила машину, плавала, каталась на коньках и роликах, и даже целый год посещала регулярно секцию самообороны. Иногда с грустью вспоминала, что в своё время бросила танцы и музыкальную школу. Она очень быстро загоралась идеей научиться тому и другому, но её хватало на год-два, и интерес пропадал. Родители не настаивали и давали свободу выбора. Первое время у неё были проблемы в школе с английским языком. Школа была с углубленным изучением языка, и пришлось заниматься с репетитором. Это помогло ей сдать английский в одиннадцатом классе на «отлично». ЕГЭ она сдала без особых проблем и поступила на экономический факультет в университет, где раньше учились ее родители. Милана была доброй, нежной и дипломатичной. С ней было интересно общаться, она умела выслушать собеседника и дать практичный совет. Но, в тоже время предпочитала держать людей на расстоянии. Много времени и внимания уделяла своей внешности, следила за модой и одевалась стильно и со вкусом. При этом вещей было немного. Они менялись только тогда, когда вышедшие из моды были «реализованы». Она была романтичной натурой, постоянно находилась в поиске новых впечатлений, обстановки и людей. Умела поднять настроение, завести душевную беседу и поддержать близких

людей в сложный момент жизни. Милана, или как её называли домашние Лана, благодаря урокам бабушки, вкусно готовила, любила принимать гостей. Были у неё и отрицательные черты характера: нетерпимость и требовательность к окружающим. Это, при всех достоинствах, не мешало ей жить. Близких друзей, кроме детей Антоновых, она не заводила, а одноклассники и однокурсники были её приятелями.

С Павлом и Полиной Антоновыми Милана дружила с раннего детства. Павел поступил после школы в университет, но учился на коммерческой основе на одном факультете с Миланой, а Полине оставался еще год обучения в школе. Теперь обе семьи жили за городом в десяти минутах езды друг от друга. Бизнес Тихоновых был меньше, и дом выглядел скромнее. Антоновы поднялись с помощью отца Елены, который не столько хотел помочь зятю, сколько обеспечить дочь и внуков. Две семьи отмечали в доме Антоновых поступление детей в университет, когда Павел поцеловал Милану в своей комнате. Она еле освободилась из его объятий.

– С ума сошёл? – вытирая губы тыльной стороной ладони, еле переводя дух, спросила Милана. – Может, и под юбку полезешь?

– Полезу! – подталкивая её к кровати, сказал он.

– Не подходи, – прошептала Милана.

– Кричать ты не будешь, постесняешься, – говорил Павел. – Скажи ещё, что ты этого не хочешь. Ланка, ну что ты как не родная. Я тебя очень хочу. Ты сегодня такая соблаз-

нительная. Чего ты упрямишься? Нас родители уже давно поженили.

– Значит так, жених, или ты приходишь в себя и открываешь дверь, или я устраиваю в твоей комнате погром. Объяснять будешь всё и всем сам, – говорила она, беря с тумбочки тяжелый светильник. – Ну!

– Не нукай. Можно подумать я у тебя первый, – говорил он, поворачивая ключ в замке.

– А ты не думай. Ты не будешь даже десятым, придурок. Часто ты практикуешь секс при наличии гостей? Извиниться не хочешь? – спрашивала Милана, ставя на место светильник.

– Извини. Мне казалось ты не против тесного общения, мы же дружим.

– Крестись, когда, кажется. Еще одна подобная выходка и нашей дружбе придёт конец. Ты вообще подумал, чем может обернуться это твое «хочу»? Я тебе повод дала? С чего ты ко мне воспылал? – сердилась искренне Милана.

– Ладно, забудь и иди вниз к нашим, – сказал он, упав на кровать. Это у семнадцатилетнего Павла был первый случай поражения, и его следовало пережить.

Милана познакомилась с Егором Ланским на вечере посвящения в студенты. Егор учился на третьем курсе юрфака, и ему было двадцать лет. Это был шатен с серо-голубыми глазами. Правда, на ярком солнце его стрижка слегка отдавала рыжиной. Стройный, подтянутый, где-то даже с во-

енной выправкой молодой человек, сразу понравился неискушённой девушке. Милане в сентябре исполнилось только семнадцать, и она была самой юной на курсе студенткой. Познакомиться познакомились, но встречаться стали только после зимней сессии. Милана не могла себе позволить «навязываться», а Егор не мог решиться сделать шаг первым, наблюдая, как рядом с девушкой всё время находится Павел Антонов. Милана и Павел продолжали дружить, но теперь она уже не доверяла Павлу своих тайн.

Павел отмечал своё восемнадцатилетие второго апреля в клубе. Милана знала, что родители в гостях у Антоновых. Подъехав к своему дому и заметив отсутствие света, она пригласила Егора в гости. Их поцелуи закончились близостью в её комнате.

– Милана, что с тобой? Что-то не так? – смущённо спросил Егор.

– Я думала, ЭТО бывает как-то иначе. Ты как будто спешил и укладывался в отведённые рамки времени, – смущённо ответила она.

– Прости. Я виноват. Меня так удивило и одновременно подстегнуло одно обстоятельство, что я уже себя не контролировал. Я исправлю свою поспешность, и ты узнаешь, как это бывает, но в следующий раз, а сегодня, для тебя повторение будет лишним, – целуя её, говорил Егор.

Он пригласил Милану к себе домой и «показал», как это бывает, устроив ей романтический ужин при свечах. Теперь

она знала, что секс с Егором нечто необычное. Через пять месяцев Милане исполнилось восемнадцать лет. Отношения между ними оставались близкими. Он бывал в доме у Тихоновых, она бывала в квартире Ланских. Егор относился к ней с теплотой и нежностью, и Милане казалось, что она нашла свою любовь.

Наталья Тихонова заболела осенью две тысячи пятого года. Теперь времени для Егора стало не хватать. Из университета она ехала в больницу, возвращалась домой, чтобы приготовить ужин отцу. Перед Новым две тысячи шестым годом, Наталью выписали из больницы домой. В дом Тихоновых переехала её мама, бабушка Миланы. Наталья проводила месяц в больнице, месяц дома. Болезнь развивалась быстро. Химиотерапия результатов почти не дала, а оперировать было поздно. Милана очень изменилась за время болезни матери. Отец её еле уговорил поехать с Егором на пару часов и поздравить Павла с двадцатилетием. Милана поехала не ради себя, а ради Егора. Он оканчивал университет и умудрялся готовиться и к защите, и успевал поддерживать её и помогать ей. Прошло около часа с тех пор, как они с Егором приехали в клуб. Настроение Миланы не принимало веселья. Решение поехать домой, уйдя по-английски, пришло внезапно. Лишь в последний момент перед вызовом такси, она передумала уезжать без Егора. Возвращаясь к своему столику, она услышала знакомые голоса у стойки бара и замерла за колонной в полутьме зала.

– Вы с Миланой поссорились? – услышала она голос Павла.

– С чего ты взял? У неё сейчас трудный период. Мы с отцом еле уговорили её прийти сюда, – ответил Егор.

– Здесь что-то другое. Милана мне давно нравится, я её с детства знаю. Может она тебя разлюбила? Если отобью, обид не будет? Хочешь, проверим? – спросил Павел.

– Зачем? У нас с ней нет секретов. Говоришь, что знаешь её, а забываешь, что она не умеет врать. Просто так я тебе Милану не отдам, если только она сама не примет такое решение, – ответил Егор. – К чему ты затеял этот разговор? Хочешь меня подставить?

– Ты сам с этим справляешься. Хотел бы подставить, давно бы познакомил её с Викой. Я уведу у тебя милую Милану. До конца курса она будет со мной. На пятьдесят штук спорим.

– Ты себе льстишь, Паш. Не делай глупостей. Тебе двадцать, а не двенадцать. Думай головой. Милана моя девушка и спорить я с тобой не буду, – ответил сердито Егор. – Хочешь в качестве подарка получить в морду? – спросил он, выпивая очередную порцию и направляясь на танцпол.

Минут через десять Милана наблюдала «красивую картину». Егор уже танцевал с девушкой так, как будто они в зале были одни.

– Хороша парочка? – спросил знакомый голос. – Ты для этого вернулась? Любишься! В этом зале я один непутёвый,

отвергнутый и оскорблённый, – злорадствовал Павел.

– Да пошли вы оба далеко и надолго, – ответила Милана.

Она села в такси и поехала домой. «Павел знает больше, чем говорит, – думала она. – Это пари он предложил не случайно. Егор отказался на словах, а не успела я уйти, нашел себе утешение. Что теперь делать мне? – думала Милана, прислонившись головой к стеклу. – Пашка то же хорош! Нашел время подбивать клинья, идиот. Самовлюбленный павлин. Я тебе это припомню. Вряд ли ты не скажешь Егору о моём возвращении. А Егор? Он устал от моих бесконечных проблем, но простить то, чему была свидетелем я не смогу».

В понедельник у университета перед началом занятий Милану ждал Егор.

– Привет! – сказал он, пытаясь поцеловать ее в щёку.

– Привет, – уворачиваясь от него, ответила Милана. – У тебя же нет занятий. Что-то случилось?

– Милана, всё, что ты видела – несерьёзно. Это ни то, о чём ты думаешь, – говорил он. – Как-то навалилось всё сразу. Прости.

– Егор, я вообще о тебе больше не думаю. У меня нет на это ни времени, ни желания. Пусть о тебе теперь думают те, на кого ты меня променял. К тебе у меня нет претензий. Видимо, в горе и радости не наш случай. Ты устал, и я тебя отпускаю без обиды.

– Милана, ну перебрал я немного. Извини. Ты своему другу Павлу не особо доверяй.

– Антонов не мой формат. К тому же я его слишком хорошо знаю, чтобы слепо верить. Извини, Егор, но разговора больше не будет. Мне нечего тебе сказать. Я и тебе больше не верю. Прощай. Удачи тебе, – сказала Милана. Слёзы готовы были брызнуть из глаз, но помешала вчерашняя картина, которая стояла перед ними. Она горько усмехнулась. Испытания для неё только начинались.

Наталью Тихонову выписали из больницы двадцать четвертого апреля. Это Милана настояла на выписке мамы домой.

«Раз вы уже ни чем не можете ей помочь, пусть она будет дома в привычной для неё обстановке», – сказала она доктору. Теперь Милана старалась проводить рядом с мамой всё своё время. Наталья Николаевна Тихонова умерла в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое апреля. Когда ты точно знаешь, что смерть ходит где-то рядом, ты всё равно не готов принять её визит и подсознательно ждёшь его отсрочки. Уже утром приехали работники похоронного бюро и увезли гроб с телом в траурный зал. Кроме родителей отца и матери Миланы и друзей, в доме появились чужие люди. Она поднялась наверх в свою комнату. Истерики не было. Внутри было холодно и пусто. Милана упала на кровать и тихо лежала без слёз, уткнувшись в подушку. «Я с тобой, – услышала она голос Егора, который присел рядом и взял её за руку. – Светлана Владимировна просила тебя выпить это, – он протянул ей стакан с водой и таблетку. – Тебе нужно от-

дохнуть». Милана молча, взяла воду и таблетку, не глядя на Егора, а выпив, поставила стакан на стол и прикрыла глаза. Она проспала до семи вечера, и всё это время Егор находился рядом. Приведя себя в порядок, Милана спустилась вниз. Светлана и бабушка Тоня возились на кухне. Она прошла в родительскую комнату, где отдыхала бабушка Мария.

– Бабуля, ты как? – спросила она, беря бабушку за руку.

– Держусь, девочка моя. Завтра трудный день, – ответила бабушка. – Это неправильно, когда дети уходят раньше родителей.

– Хочешь, я поживу, какое-то время, с вами? – предложила Милана. – Со мной вам будет не так одиноко, – целуя бабушку, добавила она.

– Тебе от нас добираться ещё дольше, чем отсюда. Мы с дедом справимся. Будем думать, что Наташенька уехала в командировку, как десять лет назад. Егор твой где?

– В гостиной. Я его приходу не рада. Что-то сломалось у меня внутри. Я ему, бабуля, не верю, – сказала Милана с грустью.

– Ты, Лана, не руби с плеча. У тебя сейчас трудный период в жизни. Возьми паузу, а позже разберёшься в своих чувствах. Время всё расставит по своим местам, не спеши, внученька. Егор хороший парень. Верить или не верить ему – это твоё дело, ты его, прежде всего, пойми.

Милана плохо помнила и сами похороны, и поминки, но всё время чувствовала рядом с собой присутствие Егора.

Уже через день после похорон она поговорила с отцом, прочитав оставленное мамой письмо, но, не сказав ему об этом.

– Пап, мне в сентябре будет двадцать, я взрослая и многое понимаю. У меня не будет к тебе претензий, если ты сделаешь всего два дела. Я тебя очень прошу, пусть тётя Света не приходит к нам в дом до девяти дней, а потом может переехать, – просила она, глядя отцу в глаза. – Не надо на меня так смотреть. Я тебя очень люблю, и ты имеешь право быть счастливым. Но ты должен снять мне квартиру до конца учебного года. Я должна привыкнуть к переменам в нашей жизни.

– Зачем так радикально? Мы будем жить с тобой вдвоём. Что ещё тебе рассказала мама?

– Пап, это неправильно. Я знаю, что Света беременная. У неё возраст, и матери твоего ребёнка нужны положительные эмоции. Я не из вредности установила этот срок. Я думаю о ней и малыше, об их здоровье. Я была у Отца Павла. Это он мне посоветовал. Мама просила вас не разлучать, да и мне Света не чужая. Вы оба мне близкие люди и вам всего по сорок лет. Жизнь продолжается, папка. Я могу рассчитывать на квартиру?

– Раз ты считаешь, что это необходимо, я сделаю.

– Спасибо, пап. Я сдам летнюю сессию и вернусь домой, – сказала Милана, поцеловав отца, и поднялась в свою комнату. Она достала письмо матери, которое нашла после похорон в ящике её тумбочки и прочитала его в десятый раз.

«Милана, девочка моя дорогая, не суди обо мне строго, дочитав письмо до конца. Я прожила счастливую жизнь, хотя и недолгую. Я сделала всего одну ошибку в жизни, когда выбрала не того мужчину, обо всём остальном я не жалею. Наши папа знает, что ты ему не родная дочь, а вот о том, что я могу оказаться не твоей мамой, не знаю даже я. Лана, ты родилась в один день и час с девочкой, от которой мать отказалась. Роды у меня были тяжёлыми. Я была не в себе, когда узнала, что не смогу больше родить ребенка, но хорошо слышала разговор акушерки о том, что одна из вас не доживёт до утра. Была при этом подмена или её не было, я не знаю, но и «утопить» людей, которые искренне хотели помочь, одними догадками, я не могла. Я приняла всё, как должное. Отец обеих новорожденных девочек, а значит твой, Тихомиров Алексей. Так случилось, что именно по этой причине я с ним рассталась. Он привёл её на аборт, о чём просил и меня. Мать девочки звали Людмила Журавлёва. Это я узнала позже, когда слух об отказе от ребёнка уже гулял по отделению. Мы с папой любим тебя всем сердцем. Прости меня, родная моя девочка, если сможешь. Двадцать лет назад я приняла предложение папы и вышла за него замуж. Он сумел сделать меня счастливой, а я хочу, чтобы он и дальше был счастлив. Светлана любит его давно, и пусть она теперь подарит ему счастье. Жизнь продолжается. Прошу тебя, дочка, не разлучай их. Я хочу, мои родные, чтобы вы все были счастливыми. Егор

хороший парень и ты будешь с ним счастлива, поверь. Я вас всех очень люблю. Не грустите и простите меня за всё, что было не так. Мама».

Милана сложила письмо и убрала его в ящик. «Папа не должен узнать о том, что я могу оказаться и не маминой. Это всего лишь догадки мамы. Для нее правда уже ничего не даст, а вот для дедушек и бабушек это будет если не ударом, то неприятным сюрпризом. Я не уверена, что они знают правду и об отце, – думала она с болью. – Мне двадцать лет, а я как маленькая. У меня была мама, есть отец и их родители. Это люди, которые меня искренно любят, а я их. Мне не нужна другая семья. Не нужно открывать ящик Пандоры. Кто знает, что за люди эти Тихомировы и Журавлёвы? Какое мне дело до них, если им не было дела до меня».

– Ты меня избегаешь? – спросил Егор, опуская сумку с вещами Миланы в прихожей съёмной квартиры. – Мы же с тобой помирились.

– Мы и не ссорились, Егор. Мы стали смотреть на наши отношения по-разному. Вернее, я стала смотреть на тебя иначе. Возможно, я не современная, и чего-то не догоняю, – говорила Милана. – Твои руки обнимают другую, твои губы так страстно целуют эту другую. Ты бы видел себя со стороны: так был увлечён, что готов был прямо там залезть ей под юбку. Извини, но я этого не могу принять. Мне без тебя плохо, я этого не скрываю, но с тобой мне еще хуже – это не просто ревность, это...

– Лана, я же извинился. Прости ты меня, – просил Егор.

– Ты скажи это моему сердцу. Простить я могу, а как быть с чувствами. Ты рядом, а я не испытываю к тебе ничего. Это разве нормально? Я не знаю, что для тебя лучше: остаться в квартире, как часть интерьера или уйти и дать мне время? Решай сам. Чтобы тебе меня лучше понять, представь меня рядом с Антоновым, который намеренно лезет ко мне под юбку.

– Я, пожалуй, пойду. Простить тебе Антонова я бы не смог. Это удар ниже пояса, – откровенно ответил Егор.

– Через месяц, сдав экзамены, я вернусь домой. Тебе тоже следует готовиться и получить диплом. Удачи.

– Я могу тебе звонить? – с надеждой спросил Егор.

– Звони. Будь уверен, что эта квартира мне нужна не для свиданий. Пока.

Месяц, прожитый Миланой в съёмной квартире, пролетел быстро. За это время самыми неприятными моментами, были три-четыре эпизода, когда Павел Антонов напрашивался к ней в гости. Они встречались с ним на экзаменах. Милане приходилось на ходу выдумывать причину отказа. Она оказывалась в квартире старших Илюхиных или Тихоновых без звонка и внеурочно.

– Ты опять сбежала от Паши? – спрашивала бабушка Мария Васильевна. – Может, зря бегаешь? Егору дала отставку, Павла не признаёшь. Ты, часом, не перебираешь?

– Бабуля, Пашка так умело играет роль хорошего парня

только для вас. Он давно вырос и изменился. Это избалованный эгоист. Я ему и не нужна, нужна еще одна победа на его счету, – говорила Милана. – Ты, думаешь, я, зная всё это, суну голову в петлю? Нет, бабуленька. Во-первых, он мне не симпатичен, а во-вторых, даже мои дружеские чувства к нему закончились. Меня утешает только то, что он не идёт, как танк на пролом, понимая слова.

Милана ходила в небольшую церковь, где её крестили почти взрослой, и куда она часто заходила последние полгода. Поставив свечу, она увидела священника, который сам подошёл к ней.

– Вижу, мучает тебя что-то, Меланья. Ты не суди, дочь моя, ни мать, ни отца. Время все расставит по своим местам. Кому бы Господь отпускал грехи, будь все безгрешные?

– Мама была на исповеди? – спросила Милана, догадавшись, о чём говорит священник.

– Была, Меланья, была. Обещала и тебе рассказать обо всём.

– Сказала, Отец Павел, вернее написала, – ответила Милана.

– Нет в том её греха. А ложь? Она была во спасение.

– Она не спасёт от разочарования моих дедушек и бабушек. Они могут не принять это спасение. Я для них всех могу оказаться чужой. Двадцать лет лжи могут дорого обойтись всем.

– Ты запомни, дочь моя, родство душ и кровное родство –

это как два полюса. Кровное родство не гарантия родственных чувств. Есть много семей с приёмными детьми, где нет кровного родства, но есть родство душ, любовь и гармония. Твои родные грамотные и образованные люди, и они не смогут разлюбить тебя, если конечно, любили по-настоящему. Любовь, она идёт от сердца, которому нет дела, состоишь ты в родстве или нет.

Глава 2

Седьмого июня в доме Тихоновых собрались родные и друзья однокурсники, чтобы отметить сорок дней со дня смерти Натальи Тихоновой. Еще сидя за столом Милана с интересом рассматривала Алексея Александровича Тихомирова. Внешне Тихонов Леонид явно проигрывал однокурснику. «Два папаши и ни одной мамы», – подумала она, помогая Светлане заменить тарелки. Через полчаса она вся обратилась «в слух», когда Анатолий Антонов и два отца начали разговор о детях и их проблемах.

– С болезнью сына я, сам того не ведая, разворошил такое осиное гнездо, страшно вспомнить, – говорил Тихомиров. – Отец, после развода с матерью, женился на Виктории, которая была моложе его на двадцать шесть лет. У меня в девяностом родился Руслан, а у них в девяносто первом Влад. Когда встал вопрос о донорстве, поговорили с парнем, он согласился. Сдали анализы, и выяснилось, что он не брат мне, а сын.

– Ты всегда был любвеобильным, – сказал Тихонов. – И что теперь?

– Ничего хорошего. Отец с Викторией развелся, но оставил Влада с собой. Мальчишку в тонкости не посвящали. Как донор он может подойти, но не как родственник. Слишком много взял от матери. Руслан теряет надежду из-за редкой

группы крови. Месяц у него есть, а потом будут пробовать то, что ближе к его показателям.

Проводив друзей, отец Миланы помог навести женщинам порядок на кухне и заметил, что дочь чем-то озабочена.

– Лана, у тебя всё в порядке? – задал он ей вопрос.

– Все нормально, пап. Через день я сдам последний экзамен за третий курс и вернусь домой. У меня есть к тебе разговор. Можешь подняться ко мне? Я соберу некоторые вещи и отправлюсь к себе, – попросила она, глядя на фото матери в траурной рамке.

Небольшая сумка уже стояла у двери, когда отец осторожно постучал в дверь её комнаты.

– Что за секреты, дочка? – спросил он, присаживаясь рядом с ней на кровать.

– Пап, как ты думаешь, мне стоит сдать анализы и, возможно, помочь сыну вашего друга?

– Лана, ты сейчас о чём говоришь? – удивлённо спросил отец.

– Пап, ты мой самый родной и любимый, но не надо делать тайну из того, что я знаю. Мне хочется помочь парню, который ещё и не жил. Я сделаю все анонимно. Бабушкам и дедушкам можно ничего и не объяснять. Они не разберут всех тонкостей. Если не подойду, Тихомирову об этом можно и не докладывать, ну а, если подойду – пусть узнает правду и позавидует тебе, – Лана смотрела на отца с надеждой. – Я знаю, ты человек разумный, поймёшь меня и дашь правиль-

ный совет. Ты только помни одно – вы моя семья и другой мне не надо.

– Если я правильно тебя понял, ты хочешь помочь брату, но пока сохранить тайну родства. Если подойдёшь как донор – расскажешь обо всём Тихомирову. А что дальше будет? – спросил отец. – Сможешь мне объяснить, как ты себе это представляешь?

– А дальше все будет зависеть от него. Я полистала интернет и выяснила, что сама процедура почти безболезненная и нестрашная, но мне придётся уехать туда, где парня будут лечить. Перелёт, пребывание в клинике и прочие мелочи на совести нашего папаши. Поэтому, я сдам экзамен и после этого пойду к доктору за советом и, возможно, консультацией. Он сможет мне популярно объяснить всё в деталях.

– Ты хочешь получить моё согласие, а для себя уже всё решила, лиса, – сказал отец. – Ладно, делай так, как считаешь нужным, но если всё получится – к доктору мы пойдём вдвоём. Я должен сам услышать от него насколько всё это безопасно. Сдавай анализы и держи меня в курсе. Лана, ты взрослая, но ты остаёшься моей дочерью и твоё здоровье мне безразлично. Сколько времени займет подобная процедура?

– Если верить написанному: для меня – неделя, дней десять, а для него – от месяца до двух. Полной гарантии того, что болезнь не вернётся, нет, но шанс нужно использовать. Пишут, чем моложе пациент, тем больше шансов победить

болезнь. Ты знаешь, что не всегда статьям в социальных сетях можно и нужно верить. Я поеду готовиться к экзамену. Пока, – сказала Милана, целуя отца в щёку и подхватывая стоящую у порога сумку.

Десятого июня она сдала анализы и теперь ждала результаты. Ей удалось даже познакомиться с Тихомировым Русланом. Она вошла в палату, где он находился один. Парень лежал с закрытыми глазами, слушая музыку через наушники. Милана присела на стул рядом с кроватью и с интересом рассматривала лицо подростка. Оно было бледным, с тёмными кругами под глазами. На голове красовалась цветная бандана. Заметив сходство паренька с собой, она улыбнулась.

– Что слушаешь? – спросила она, заметив, что подросток открыл глаза и снял наушники.

– Ты кто? – спросил он недовольно, оставляя её вопрос без ответа. – Что здесь делаешь?

– Тебе в рифму ответить или и так поймёшь? Я не виновата в том, что тебе не до меня, хотя очень хочу тебе помочь. Я сдала анализы, особо обнадёживать не буду. Меня Миланой зовут. Мне двадцать лет и я студентка четвёртого курса нашего университета.

– Откуда ты обо мне узнала, студентка Милана? – спросил Руслан Тихомиров.

– Не сотрясай воздух, Руслан. Если результаты окажутся положительными, мы с тобой познакомимся ближе. Не надо выпускать колючки. У тебя есть ещё надежда, а вот у меня

мамы больше нет. Я пришла тебя не жалеть, а предложить свою помощь, поэтому не принимай меня в штыки.

Доктор Затонский позвонил ей рано утром в четверг.

– Милана, я не знаю как это возможно, но ты идеальный донор для Руслана. Когда ты сможешь приехать? Захвати с собой свою медицинскую карту.

Через пару часов Милана приехала в клинику. Рассказав лишь половину всей правды о своем рождении, она попросила:

– Сергей Ильич, я готова встретиться с его родителями, но для Руслана пусть всё останется простым совпадением. Я могу поехать когда угодно и куда угодно, но все вопросы пусть решает его семья.

– Я отправил результаты в Москву. Мне нужно знать только одно – проходить тебе обследование здесь или всё будут делать там. Теперь вопрос с поездкой упирается в их решение. С его отцом ты встречаешься через час в кафе. Держи адрес, – говорил доктор Затонский, протягивая ей бумажный листок. – Я не знаю, почему он выбрал кафе, но я, как ты и просила, не сказал кто ты.

Милана видела, как Тихомиров подъехал к кафе на машине. Вид у него был взволнованный. Она вошла в кафе минуты через две-три и подошла к его столику.

– Милана? Извини, но у меня здесь встреча, – сказал он, оглядывая зал.

– Волнуетесь? – спросила она, присаживаясь за столик.

– Очень. Дело касается моего сына, – рассеяно сказал он, поглядывая по сторонам.

– Я тоже волнуюсь. Папа хотел мне помочь, но я отказалась и решила сама предложить Вам помощь, – негромко сказала Милана, глядя на биологического отца.

– Ты о чём? О какой помощи идёт речь? – рассеяно спросил Алексей Александрович.

– О нас с Вами. Помощь нужна Вашему сыну и моему брату. Разговор пойдёт о доноре, которого Вы ждёте, и о котором говорил доктор Затонский. Этот донор сидит сейчас перед Вами. Папа не позволил сделать маме аборт и воспитал меня как свою дочь. Мы с Русланом, получается, брат с сестрой.

– Милана, Лёня знал об этом и молчал столько времени? – задал вопрос, огорошенный Тихомиров.

– Он бы и до сих пор молчал. О том, что Вы мой отец я узнала от мамы, а когда услышала о беде в Вашей семье, поговорила с папой. Это решение мы принимали вместе. У Вас есть к нему претензии? – спросила Милана, глядя биологическому отцу в глаза.

– Нет. Ты меня осуждаешь? – спросил Тихомиров, плохо соображая от услышанной новости.

– Дети не выбирают себе родителей, но мне с моими повезло. Я хочу помочь, а Вы свои семейные проблемы, с моим появлением, решайте сами без Руслана. Я не знаю, как он отнесётся к нашему родству. Где я живу, и мой номер теле-

фона Вы знаете. Теперь только от Вас зависит, как быстро Вы сможете помочь сыну.

– Милана, я могу поговорить с твоим отцом? – спросил Тихомиров. Он не до конца ещё осознал всё услышанное, и у него была масса вопросов к бывшему однокурснику. Его переполняли эмоции, связанные с появлением донора, и этим редким донором оказывалась его дочь, о которой он ничего не знал двадцать лет.

– Валяйте. Только имейте в виду, что его родители, как и родители мамы, могут не знать всего. Мне не хотелось бы стать в один миг для них чужой. Звоните. До свидания.

Милана вышла из кафе, а Тихомиров сидел и не мог поверить в происходящее. Он хорошо помнил Наташу Илюхину и всё, что было с ней связано. «Значит, она не сделала того, на чём я так настаивал. Приняла предложение Лёни, вышла замуж и подарила ему мою дочь. А ведь я с ума сходил от ревности, когда она всем объявила о свадьбе, едва расставшись со мной, – вспоминал он. – Наша девочка должна была меня презирать за мать, а она решила помочь».

Пока Милана проходила обследование, она подружилась не только с Русланом и доктором Затонским, но и с его сыном Ильёй. Егор получил диплом и позвонил ей пятнадцатого июня. Он звонил ей и раньше, и они даже встречались на нейтральной территории то в кафе, то в парке. Теперь он пригласил её к себе домой.

– Прости, Егор, но я не могу прийти к вам в гости и раз-

делить с тобой успех. Как я объясню своё поведение твоим родителям? Хорошо, приезжай к нам сам. Пока.

– Егор приедет в субботу? – спросила Светлана. – Что между вами происходит? Ты его больше не любишь?

– Я люблю его на расстоянии, по привычке. Мне не хватает его, а его появление меня больше огорчает, чем радует, – говорила грустно Милана. – Кажется, я простила ему его выходку, но какой-то внутренний барьер не могу преодолеть. Хочу и не могу. Такое чувство, что сделаю я этот шаг и пожалею об этом.

– А не сделаешь, так и будешь в неведении. Проясни для себя ситуацию, а иначе твоё безграничное воображение зайдёт слишком далеко. Дай ему шанс.

– Спасибо, Свет, я попытаюсь это сделать.

После обеда устроенного в честь Егора, получившего диплом, он сам завел разговор о поездке, которую они планировали вдвоём с Миланой ещё зимой.

– Когда мы с тобой выберемся? Ты мне обещала. Я понимаю, что тебе хочется помочь, но ты и меня пойми. Я переживаю за тебя, за процедуру, которая тебе предстоит.

– Я помню и согласна, но не сейчас, а, скажем, через месяц. Я сделаю то, что важнее, а ты поступай как хочешь. От меня многое зависит. Надумаешь дождаться меня – поедем отдыхать вместе, а нет – отдыхай один.

– Лана, мне нужна здоровая жена, – сказал Егор, и в его голосе Милана слышала нотки недовольства.

– Ты собираешься на мне жениться? – с удивлением спросила Милана. – Ты считаешь это возможным?

– Собираюсь через пару лет. Мне нужно время, чтобы встать на ноги и ни от кого не зависеть.

– В таком случае вернёмся к разговору о моём здоровье через два года. Я могу и без донорства не устроить тебя через время. Так уже было, – обижено сказала Милана. – Ты меня не слышишь.

– Сколько тебе пообещал Тихомиров, что ты так вцепилась в этого парня? – сердито спросил Егор.

– Не смей меня подозревать в корысти! Я приняла решение до того, как встретила с Алексеем Александровичем. Мне кажется, что дело не в моём отъезде и заботе о парне, есть что-то ещё. Что? Мы в последнее время не находим общего языка ни в чём. Может всё дело в тебе?

– Может быть. Делай, как знаешь, но я дождусь тебя, – в сердцах сказал Егор, и Милана видела, что молодого человека что-то беспокоит, что-то он не договаривает.

Двадцать третьего июня Милана вылетела в Москву вместе с Тихомировым и Русланом. Устроившись с комфортом в палате клиники и пройдя все положенные процедуры в течение дня, она к вечеру вышла в небольшой парк на территории больницы. После короткого разговора с отцом по телефону, Милана присела на скамейку, «переваривая» важную для неё информацию, которой с ней «поделился» столичный доктор. Рядом с ней присел мужчина лет шестидесяти. До-

стал таблетки и положил одну из них себе в рот.

– Вам плохо? Помощь нужна? – спросила Милана, поглядывая на него и положила свою руку на его ладонь.

– Тем, кто находится в здании гораздо хуже, – ответил он и посмотрел на девушку. – Сейчас пройдёт. Переволновался, беседуя с медицинскими светилами. Внук у меня здесь лежит, – добавил он, и замолчал на пару минут. – Тебе позволили гулять? Сколько тебе лет?

– В сентябре будет двадцать, – ответила Милана не решаясь встать и оставить мужчину одного. – Я не пациентка, я донор для брата. Все решиться завтра утром. Очень хочется ему помочь.

– А родители ваши где? – спросил мужчина, глядя на Милану.

– Его отец в клинике, а мой дома. Моя мама умерла, а о его матери я не спрашивала, а он не говорил. Мы прилетели из другого города. Руслан мой сводный брат, а может не сводный. Всё так запутано, я уже голову себе «сломала», эту информацию мой мозг не может переварить.

– Рассказывай, а я послушаю и отдышусь. Может, что тебе и посоветую, – сказал мужчина, усаживаясь удобнее.

– О существовании биологического отца я узнала после смерти мамы, а на сороковинах впервые его увидела и узнала о трагедии в его семье. Мой папа всегда знал, что я ему неродная и все двадцать лет молчал. Я с ним посоветовалась, и мы решили попытаться помочь. Дома доктор сказал, что я

идеальный донор для Руслана. Но выяснилось и другое. Мой набор ДНК не просто родственный по отцовской линии, но он близкий и по материнской. Получается, что мама Руслана может быть либо моей матерью, либо тётёй. Как это возможно? – взволновано говорила Милана, а сама вспоминала письмо мамы.

– Тебя это огорчает? – спросил собеседник. – Тебе было плохо в семье, которая тебя воспитывала?

– Моя семья самая лучшая. Я не могу себя представить в какой-то другой семье. У меня есть бабушки и дедушки, у меня есть отец, они всегда все меня любили.

– Значит, у тебя нет повода ворошить прошлое. Ты знаешь, что у тебя теперь есть ещё один отец, но ты же не перестанешь любить своего, который все эти годы был рядом? А мама? Её нет больше рядом, а другая мама тебе и не нужна. Я правильно думаю?

– Правильно. Меня беспокоит только то, чтобы не стать чужой для старшего поколения. Вы понимаете, что я могу в один момент лишиться бабушек и дедушек? Сейчас мы все живём в мире и согласии. А узнают Тихоновы, что я им никто, как они станут относиться к Илюхиным? Им немного за шестьдесят лет, и я не уверена, что для них это пройдёт безболезненно, – грустно говорила Милана. – Правда всё равно выплывет рано или поздно.

– Мне кажется, твои опасения напрасны. Твои родные мудрые люди. В этом возрасте голова и сердце думают одина-

ково. В нашей жизни много чего случается без нашего прямого участия. Я вот развёлся с первой женой мирно, женился второй раз на молодой, и она родила мне ребёнка, который мне приходится ни сыном, а внуком, – говорил мужчина, глядя мимо Миланы.

– Вы её отбили у своего сына? – спросила Милана, чтобы просто продолжить разговор. Она выговорила сама, и теперь давала возможность выговориться собеседнику.

– Она сама прибилась ко мне, а я не возражал. Теперь у меня нет законных жён, но есть два внука. Мальчишке четырнадцать, и я к нему за столько лет привык. Развод оформил, а с завещанием как быть не знаю. Надо бы юридически всё правильно оформить. Правильно – это значит признаться ему, что я дед, а не отец. Как он воспримет моего сына, как папашу? Как видишь, моя история не уступает твоей. Разница лишь в том, что твоя больше в прошлом, а моя в настоящем. Я сделал огромную ошибку в своей жизни, когда развёлся с первой женой. Мы прожили с ней почти тридцать лет, и она единственная, кто любил меня по-настоящему, а я её предал.

– Ошибки надо признавать и исправлять по возможности. Человек в любом возрасте должен быть счастливым. Не хотите вернуться к жене и попытаться наладить отношения? – спросила Милана, вспоминая отца и Светлану. – Думаете, мне легко видеть в доме, после смерти мамы, другую женщину, пусть и знакомую тысячу лет? Но я вижу, как они нуж-

ны друг другу. Я бы могла обвинить Светлану в том, что она утешала отца не в самое простое для него время. Кому бы стало от этого лучше? Отец очень любил маму, я люблю отца, а Светлана двадцать лет любит безответно папу. Их нельзя назвать предателями. Теперь у неё появился шанс стать счастливой и сделать счастливым папу. Я не имею права их разлучать, – говорила Милана. – Меня и мама об этом просила.

– У тебя доброе сердце, – сказал собеседник. – Ты учишься?

– Четвёртый курс университета. Через год получу диплом бакалавра, – ответила Милана.

– Не хотела бы продолжить обучение, скажем, в Англии или в Москве? – поинтересовался собеседник.

– Я об этом не думала. Наш университет не хуже столичного, а пройти стажировку и узнать, как в других местах, было бы очень интересно, – говорила она, понимая, что неприятные разговоры закончились.

– А как дела на личном фронте? Извини, что я тебе допрос устроил, – улыбнулся собеседник. – Дело молодое.

– На личном фронте, кажется, терпим поражение. Я оказалась проблемной барышней. Кавалер меня либо не понимает, либо не хочет понять. Возможно, устал поддерживать меня в моей такой непростой ситуации, а, возможно, я сама стала смотреть на неё по-другому. Не знаю. Мы больше двух лет дружим и планировали провести с ним часть лета на мо-

ре, когда он получит диплом. Скажите, при данных обстоятельствах я могла поехать к морю, а не полететь сюда? Егору двадцать три и он не может не понимать всей серьезности момента, – с грустью спросила Милана. – Знаете, что он мне сказал? «Зачем ты взваливаешь на себя чужой чемодан, да еще без ручки?» Даже не будь Руслан моим братом, я попыталась бы помочь парню. Это ревность Егора или эгоизм? Где гарантия, что ему самому или его близким не понадобится чья-либо помощь? Простите, я Вас совсем заговорила. Как Вы себя чувствуете?

– Спасибо. Мне уже хорошо. Тебе что-нибудь нужно?

– Не беспокойтесь. Алексей Александрович обещал обо всем позаботиться. Я останусь здесь столько, сколько нужно. Доктора сами не могут определиться, что будет эффективнее и как по полной программе использовать такого «идеального» донора. В любом случае, неделя в московской клинике мне обеспечена, – шутила Милана.

– Боишься? – спросил сосед по скамейке.

– Боюсь, но не самой процедуры, а её последствий. Реакция моего организма может быть предсказуема, а вот примет ли мои клетки организм Руслана – большой вопрос. Очень хочется надеяться на хорошее. Мы с ним успели подружиться, но он не знает кто я. Вас проводить? – спросила Милана, видя, что мужчина встаёт.

– У меня машина на стоянке с водителем.

– Тогда я провожу Вас до машины. Мне так будет спокой-

нее. С Вашим внуком будет всё хорошо. Нужна надежда и вера.

– Спасибо. Тебя, красавица, как зовут? – садясь в салон авто спросил мужчина.

– Милана Тихонова, – ответила она.

– А меня Александр Степанович. Мы с тобой еще увидимся. «Надо же, судьба преподнесла мне дорогой подарок. Я приеду сюда завтра и расскажу этой замечательной девчужке всю правду о себе. Будет сложнее признаться позже, – думал Тихомиров А.А. старший, сидя в машине. – У меня есть такая взрослая, добрая, просто замечательная внучка».

Тридцатого июня Милане позволили вернуться домой. Внизу её ожидал Тихомиров Алексей Александрович.

– Милана, ты очень торопишься или мы можем выходные пробыть в Москве? Мать Руслана прилетает завтра. Ты давно была в Москве?

– Я бывала только в московских аэропортах, а в самом городе только в далёком детстве, – смущенно ответила она. – Вы хотите мне устроить экскурсию по городу?

– Я хочу тебя познакомить с отцом и оставить тебя на его попечение, а сам улечу. Есть экскурсовод, ему четырнадцать лет и он знает гораздо больше, чем я.

– Я остаюсь. Позвоню только папе, пусть он меня встречает второго, – ответила Милана. Она уже догадалась о ком идёт речь. Александр Степанович навещал её в клинике, не сказав, кто он. Она поинтересовалась, кто он такой и доктор

ей объяснил. В самые первые минуты она расстроилась, что была слишком откровенна с третьим дедом, но почти сразу успокоилась. «Я ничего не сказала лишнего и не солгала. Он был тоже со мной откровенным. Видимо, ему еще труднее, чем мне признаться», – думала она по дороге к деду.

– Чем займёшься, вернувшись из Москвы? – спросил Тихомиров младший.

– Буду брать у Светланы уроки «мастерства». Папа хочет, чтобы я поработала с ним, когда Светлана уйдёт в декретный отпуск. Через год, когда получу диплом, возможно, буду уже при должности, – улыбнулась Милана. – Компания небольшая, у меня четвёртый курс, будем пробовать, чему я научилась.

– У нас в компании не хочешь проверить свои силы? – глядя на дочь, предложил Тихомиров.

– Зачем Вам человек с незаконченным образованием? – не отводя взгляда, спросила Милана. – Мне нужна практика, но там, где я буду чувствовать себя не лишней.

Познакомившись с Тихомировым старшим во второй раз, Милана, глядя на него, спросила:

– Почему Вы не сказали мне всего сразу?

– Тогда бы разговор был не столь откровенным, а через день тебе уже было не до разговоров и душевных бесед. Знакомься, это Влад, – ответил он, «подталкивая» к ней подростка.

– Здравствуйте, – сказал парнишка, протянув ей руку. –

Ты Милана? Руслан поправится?

– Он обязан это сделать ради нас всех. У тебя со свободным временем как обстоят дела? Ты сможешь мне показать свою Москву? Те места, которые тебе самому нравятся? Красную площадь я могу посмотреть и сама. У вас в Москве только слепой может заблудиться. Что скажешь? – задавала она вопросы.

– Без проблем. Ты по жизни кто? – с интересом спросил Влад.

– Крутой я себя не считаю, но кое-что умею. Ты предлагаешь – я выбираю. Экстрим мне недели две-три не осилить, как и средние физические нагрузки, а вот карт, байк, байк на воде мне подойдут. Там нагрузок не так много, – оправдывалась Милана, видя, как загорелись глаза у мальчишки.

– Ты точно потянешь водный транспорт? – недоверчиво спросил подросток.

– Я то потяну, а ты не струсил? – улыбаясь, спросила она. – У тебя свой интерес к этому виду транспорта?

– Сегодня я тебя отвезу в офис, посмотришь, где я тружусь, потом погуляешь по городу, а завтра с утра мы поедем втроём на водохранилище и отдохнём на лоне природы. Будет вам и катание, и костёр и шашлык, – говорил за завтраком Тихомиров старший.

– А я? – задал вопрос Влад.

– Хочешь со мной? У меня одно условие – не ныть, пока я буду выбирать подарки домашним. Будешь хорошо себя

вести, я куплю тебе мороженое, – предупредила Милана.

– Ты берёшь меня с собой? А денег у тебя достаточно? Я очень прожорливый, – улыбнулся Влад.

– Я тоже люблю сладкое, но рисковать твоим горлом не буду. Максимум две порции в течение двух часов. Идёт?

Они разговаривали так, как будто находились за столом одни. Отец и сын Тихомировы слушали этот диалог, переглядывались, слегка улыбаясь. Влад не был трудным ребенком, но после развода, он стал несколько замкнутым, плохо шёл на контакт, старался бывать меньше дома. Он боялся того, что Тихомиров старший, который, как оказалось, не приходится ему отцом, передумает и передаст его матери. Этой своей проблемой он поделился с Миланой.

– Послушай меня внимательно, Влад, – говорила Милана подростку, – меня двадцать лет воспитывал неродной отец. Он любит меня, а я люблю его. Он все эти годы был рядом. Моему отцу сорок, а твоему шестьдесят. Разницу улавливаешь? Вы с ним прожили почти пятнадцать лет, и как бы ты к нему не относился, ты должен его беречь, больше доверять. Дети родителей не выбирают. Мы, брат, с тобой почти на равных. Разница лишь в том, что тебя воспитывает кровный родственник, а меня чужой дядя. Не замыкайся в себе, не бойся перемен в жизни. Трагедии в вашей семье нет, а все проблемы решаемы. Поговори с ним откровенно о том, что тебя беспокоит. Тебе станет проще, когда ты эти слова услышишь не от меня, а от него. Как не крути, вы с ним родные

люди. Доводится он тебе отцом или дедом не так и важно. Главное вы любите друг друга. Я не пытаюсь тебя успокоить или утешить. Ты принял эту новость? Принял. Перестань себя жалеть, обвинять мать и береги отца и деда в одном лице. Кто знает, как повернётся твоя жизнь через десять лет. Забудь о плохом прошлом и будь собой. Ты – это ты. Хорошим или плохим ты не сможешь быть для всех. Главное, не будь эгоистом в своей большой семье.

Милана понимала, что её «пламенная» речь может быть не услышана и не понята, что парень, с которым она познакомилась всего пару часов назад, может вообще не воспринимать её слова. Она должна была, как-то прореагировать на его несуществующую проблему.

– Ты ждёшь ребёнка? – спросил Влад, следуя за Миланой по торговому залу магазина «Детский мир».

– Малыша ждёт мой отец со своею женой, – ответила она, выбирая комплект для новорожденного.

– Ты позволила ему жениться? – удивился Влад.

– Влад, папа заслуживает счастья. Это его жизнь. Он может и должен воспитывать своего сына, – убеждала Милана брата.

– Я бы так не смог. Если бы отец женился, я ушёл бы из дому.

– Да ты, брат, уже эгоист. И кому бы от этого стало хуже? Ушёл ты, а уверенность есть, что тебя станут искать, и ты кому-то нужен? Ушёл и ушёл. Александр Степанович вряд

ли женится, а вот вернуться в первую семью может. Что в этом плохого, объясни?

– Раиса Степановна добрая. Она мне теперь как бабушка, Руслан – брат, а ты – сестра?

– Получается, что так. Видишь, как всё хорошо складывается, а ты собрался из дому убежать, дурила. Пойдём, братишка, в кафе за обещанной порцией мороженого.

Два дня Влад не отходил от Миланы. Они чудесно провели втроём время на водохранилище. Влад был в восторге от своей такой разносторонней сестры. Дед только изредка напоминал ему, что Милана еще не восстановила форму и ей бы себя побережечь. Это он принимал. В аэропорту, проводив Милану на посадку, он задал Тихомирову вопрос: «Когда поправится Руслан, мы сможем все вместе поехать в город, где живёт Милана? Или переехать и жить всем вместе?» «Окончишь девятый класс, и мы займёмся этим вопросом», – ответил Тихомиров, обнимая внука.

В аэропорту родного города в воскресенье её встречал отец.

– Как у вас всех дела? Как Светлана? – обнимая отца, спрашивала Милана. – Я вам подарки привезла. Мы сразу домой?

– Поедем через рынок. Как дела у нас – сама увидишь, а от тебя я жду объяснений. Ты почему задержалась на целых двое суток? Тебе денег хватило или жила за чужой счёт?

– Вы, Леонид Михайлович на меня сердитесь? За что?

Пап, ты меня ревнуешь к Тихомировым? Это даже не смешно. Я тебе позвонила, прежде чем задержаться. Знай, я о такой реакции – прилетела бы сразу. Деньги у меня ещё остались, а жила я на полном пансионе, который предоставила клиника.

– Прости. Я два дня сам не свой. Да, я ревную, – признался отец. – Ничего не могу поделать с собой.

– Глупо! Мне было любопытно посмотреть, как живут в Москве, познакомиться с Тихомировым старшим и Владом. Знаешь, как здорово мы провели выходные за городом. А ещё я познакомилась с матерью Руслана, – сказала Милана и вспомнила минутный разговор.

– *Вот значит, ты какая внебрачная дочь Алексея Тихомирова, – сказала незнакомая женщина с каштановыми волосами Милане, которая только закончила свой разговор с врачом.*

– *Вы мама Руслана? Меня зовут Милана, – представилась она, внимательно разглядывая женщину. – Я дочь однокурсников Алексея Александровича.*

– *Это не мешает тебе претендовать на наследство. Передо мной не нужно изображать своё бескорыстие, – сказала язвительно дама. – Меня зовут Людмила. Сколько тебя заплатили и сколько ты ещё хочешь?*

– *Это хорошо, что Вы с мужем в разводе и мне не придётся выслушивать ваши глупые вопросы. А теперь послушайте меня очень внимательно и запомните хорошо одно усло-*

вие – если по Вашей вине Руслану станет хуже, Вам, простое отлучение от дома, покажется детской шалостью. Вы полностью лишитесь своего содержания, если я расскажу, как Вы двадцать лет назад отказались от новорождённой дочери. Молитесь, чтобы Ваш сын поправился, Людмила Журавлёва. Прощайте.

– И как знакомство?

– Да ни как. В ближайшее время её к Руслану не пустят. Он сейчас в стерильном боксе, а она не будет там сидеть круглые сутки, ни та натура. Потом его отец вернётся, да и дед рядом, – сказала равнодушно Милана. – Она обвинила меня в корысти, но я не рассказала о ней Тихомировым.

– Я хотел о деде и поговорить. Мне Алексей звонил и сказал, что дед на твоё имя сделал перевод в полтора миллиона. Узнал сколько стоит поиск донора, перевёл сумму в рубли и переслал.

– Пап, речи о деньгах не было. Он возил меня в офис своей компании, разговаривали об учёбе и стажировке за границей, но это были просто разговоры. Деньги надо вернуть.

– Лана, у меня другое предложение. Дождись результатов лечения Руслана. Если ему понадобится ещё твоя помощь, можно будет не ждать Тихомировых.

– Пап, ты считаешь, что я могла продаться за большие деньги? Ты еще Светлане скажи об этом. Я рада, что вы с ней вместе. Я бы приняла и другую мачеху, но не сразу и, ни так радушно. Младший Тихомиров предлагал мне работу, но я

отказалась. Знаешь почему? Я соврала ему. Сказала, что ты, проводив жену в декретный отпуск, доверишь её место мне.

– Нет в этом ни капельки лжи. Мы так и поступим. Будешь работать по свободному графику, а получишь диплом – полный

день. Ты позвони старикам – они переживают, – предложил отец.

– Пап, я съезжу к ним прямо сегодня. Отмечусь дома, возьму машину и поеду. Ты не знаешь, кто у кого сегодня обедает? – спросила Милана. «До болезни мамы родители родителей каждый выходной собирались в нашем доме. Теперь они встречаются по очереди в своих квартирах на воскресный обед», – вспомнила она. – Они же через неделю летят к морю.

– А ты? Вы с Егором собирались ехать отдыхать. Передумали?

– Если Ланской не передумал, обязательно поедем. Я даже за ним скупала. На мне овощи, фрукты и другие продукты? – смеясь, спросила дочь.

– На мне – мясо, рыба, колбаса, – улыбнулся отец. – Выбери хорошую местную клубнику с учётом стариков. Они вечно денег жалеют. Держи деньги.

Отец и дочь разошлись своими «маршрутами». Уже давно поездка на рынок и распределения покупок было для них делом привычным. Милана купила практически всё. Дело оставалось за ягодой. Она придирчиво осматривала напол-

ненные лукошки и никак не могла определиться, какую ягоду лучше взять.

– Продайте мне на выбор четыре контейнера, а я заплачу вам на тридцать процентов больше, – шутя, предложила она женщине. – Обещаю не копать, а брать ягоду сверху.

– Давай сорок процентов и выбирай сама, – согласилась та.

Милана сложила контейнера с ягодой в пакет, рассчиталась и собиралась покинуть рынок. Вот уж кого она не ожидала встретить здесь, так это Егора. В первые минуты она засомневалась, но парочка шла ей навстречу и сомнения исчезли. Егор шёл, держа под руку беременную спутницу. Милана узнала в молодой женщине девушку из клуба, с которой видела Егора на дне рождения Павла Антонова.

– Привет, – сказала она, поравнявшись с парочкой. – Тебя можно поздравить? Ты долго собирался скрывать этот факт? – спросила она с улыбкой. Вместо гримасы растерянности от такой неожиданной встречи, на её лице отразилась именно улыбка.

– Ты когда вернулась? Позвонила и я бы встретил, – растеряно говорил Егор. – Познакомься – это Вика.

– Извини, но у меня нет желания знакомиться с твоими подружками, – ответила Милана. – Меня встретил папа. Мы прямо из аэропорта заехали на рынок. Извини, меня отец ждёт, – добавила она, ещё не до конца «переварив» увиденное, поэтому глаза были сухими, и пошла к выходу.

– Милана, постой, выслушай меня, – догнал её Егор.

– Ребёнок твой? – спросила Милана на ходу, не сбавляя шага и не останавливаясь.

– Не знаю, но может оказаться моим, – ответил виновато Егор.

– Значит, на дне рождения Павла она не была случайной знакомой? Что ты в таком случае можешь мне сказать? Отдых на море отменяется? – спросила Милана.

– Мы можем поехать отдыхать в любое время. Я не могу отказаться от ребёнка, если он мой, но я не собираюсь связывать свою жизнь с Викой. Она родит, и я сделаю тест, а пока я ей просто помогаю, – пытался оправдаться Егор, не готовый к этой встрече.

– Значит, моя помощь Тихомировым была тобой не понятна, а ты хочешь, чтобы я поняла твою помощь женщине в положении, которая носит, возможно, твоего ребёнка и о котором я ничего не знала, – остановившись, говорила Милана. – Ты сделаешь тест. И что это даст? Как он оправдает сам факт измены? Как он оправдает тебя в моих глазах? Я соглашусь с тобой, что я далеко не подарок, но зачем ты пытался возобновить наши отношения при таких вот обстоятельствах? Ты рассчитывал на то, что я не узнаю об этом? Это Егор даже не цинично, это подло с твоей стороны. Глядя на её живот, ты врал мне, по меньшей мере, полгода. Зачем ты это делал? Как ты вообще мог так со мной поступить? Да мы не клялись с тобой в любви до гроба, но обещали не лгать и доверять

друг другу. Ты понимаешь, как я себя сейчас чувствую?

– Прости меня. Я очень виноват перед тобой. Я струсил, не хотел потерять тебя, потому и молчал. Мне нужно многое тебе объяснить, – говорил Егор, глядя ей прямо в глаза. – Милана, давай мы с тобой встретимся и спокойно поговорим.

– О чём, Егор? Чтобы ты мне не сказал, я знаю, каким образом получают дети, и беременность подруги не исчезнет от твоих оправданий до срока. Тебе просто нужно было сказать мне правду. Возможно, я и не простила бы, но отнеслась с пониманием, сейчас я тебя ненавижу, и встречаться нам больше не стоит. Не звони мне больше. Прощай, – сказала она, направляясь к выходу и не оглядываясь назад.

– Лана, ты, что такая бледная? – спросил отец, укладывая покупки в багажник авто. – Сядь в машину. С тобой всё в порядке?

– Я клубнику возьму в салон. Ты воды купил? Достань одну бутылку из упаковки. Знаешь, кого я встретила на рынке? Егора с беременной спутницей, – сказала Милана, сделав пару глотков воды из бутылки. – Ты представляешь эту картину?

– Ты не ошиблась? – удивлённо спросил отец.

– Пап, я разговаривала с ним, как с тобой, а ей месяца через два рожать. Он даже не отрицает возможности отцовства. Поехали домой, – попросила Милана.

– Расстроилась? – глядя на дочь, спросил Тихонов. – Лана,

а что, если всё это выдумки?

– Есть немного. Я была готова к разрыву, но не по этой причине. Чтобы так искусно лгать полгода, нужна веская причина. Не из-за большой же и светлой любви ко мне он водил меня за нос?

– Может и не говорил потому, что боялся твоей реакции. Вас больше двух лет связывает. А если это всё же любовь? Тебе с ним поговорить нужно спокойно, – советовал отец.

– Пап, и ты туда же, – сердилась Милана. – Он мне тоже предложил поговорить. О чём, пап? У него не хватило смелости сказать мне обо всём в своё время, а что он может сказать мне сейчас. Может мне стать наложницей в его гареме? Антонов мог постараться рассорить нас, ему это было выгодно, но не думаю, что Пашка уложил его в постель насильно.

– Пашка не мог так с тобой поступить, вы же выросли вместе, – предположил отец. – Мы все очень надеялись, что ваша дружба перерастёт во что-то большее.

– Ошибаешься. Пашка очень изменился в худшую сторону. Я не удивлюсь, если он принимает наркотик. От алкоголя у него крышу уже сносило. Это трудно не заметить. Я пыталась с Полиной поговорить, но разговора не получилось. Попробуй поговорить с отцом Пашки, а о Егоре больше не говори ни слова. Договорились?

Вручив отцу и Светлане подарки из Москвы за поздним завтраком, Милана собрала купленные старикам продукты, положила сверху презенты из столицы. Выгнала из гаража ма-

шину марки «Мазда», раньше принадлежавшую её матери, и поехала к Тихоновым старшим. Именно у них сегодня обедали Илюхины. Обе семьи были рады приезду Миланы, она была единственной внучкой. Около часа она рассказывала дедушкам и бабушкам о своей поездке, отвечала на их вопросы.

– Вы с Егоркой, когда собираетесь отдыхать? – спросил дед Николай.

– Никогда, дедуля. Я дала ему полную свободу. Больше между нами, мои дорогие, не будет разговоров о нём. Договорились? Я предстала перед вами живая и здоровая, а теперь откланиваюсь.

– Лана, внученька, а может, с нами поедешь? – спросила бабушка. – Место конечно не молодёжное, но всё равно Юг. Наш Михаил Васильевич отказывается ехать, а билет его мы ещё не сдали.

– Ты, дедуля, почему бунтуешь? Чем тебя славный город Геленджик не устраивает? – улыбаясь, спросила Милана. – Ты у нас об островах мечтаешь?

– Да ну это море. Я лучше с Николаем на рыбалку с ночёвкой поеду дня на два. Я и не рвался в эту бухту с её водорослями, так уговаривали полгода. Выручи деда, поезжай с бабками, сделай милость, – просил дед внучку.

– Я поговорю с папой и приеду завтра. Договорились? – целуя по очереди стариков, говорила она. – Не скучайте, я завтра заеду, и решим этот вопрос.

Милана вернулась домой и рассказала отцу и Светлане о предложении стариков. Они и не были стариками, им было чуть больше шестидесяти лет, а точнее шестьдесят два года.

– Да ты у нас дочка прямо нарасхват, – выслушав её, сказал отец. – Посмотри, что тебе принёс курьер, – протягивая конверт, говорил он.

В конверте лежала путёвка на её имя на десять дней в Италию, билет с датой вылета первого августа из московского аэропорта, карточка и короткая записка. «Надеюсь на встречу в Москве первого числа в клинике. Позвони. Тихомиров». Милана набрала номер Тихомирова и без всяких предисловий сказала:

– Почему Италия, а не Франция или Испания? Вы теперь будете баловать меня до пенсии? – не давая возможности ответить на свои вопросы, спрашивала она. – Давайте договоримся, если мне нужна будет помощь, я у Вас её попрошу. Больше никакой самостоятельности с Вашей стороны. Как Руслан?

– Состояние тяжёлое, но стабильное, – ответил Тихомиров. – Ты обижена? Я взял то, что было в наличии до начала занятий в университете. Обещаю, больше не проявлять инициативу.

– Пожалуйста, держите меня в курсе состояния здоровья Руслана. Я буду звонить раз в три-четыре дня. До свидания. – Пап, что опять не так? Ты слышал весь разговор. Меня не было в доме, когда принесли этот чёртов конверт. В конце

концов, это твой друг, которого сам Бог привёл за руку к нам в дом, где он обрёл надежду. То, что сделала я, не гарантия здоровья Руслана. Приживутся эти клетки или нет, сколько пройдёт времени и будет ли толк говорить рано. Я тебя очень люблю, но доказывать это каждый день я не буду, – сердилась на отца Милана.

– Лана, отец тебя просто ревнует, – говорила Светлана, когда отец вышел. – Это пройдёт со временем, потерпи. Сосредоточься на поездках и проведи лето с пользой для себя. Когда у тебя появится возможность отдохнуть сразу на двух морях за одно лето? Скажи, мы можем поговорить с тобой наедине? – спросила она.

– Я не хочу говорить о Егоре, – сказала Милана. – Не хочу о нем не говорить, не думать. Пожалуйста, давай оставим эту тему.

– Я не о нём. Присядь, пожалуйста. Ответь мне всего на один вопрос: ты, действительно, простила меня или терпишь ради отца моё присутствие? Мне хотелось бы услышать правду, какой бы она не была.

– Свет, мне не за что тебя прощать. Мы с тобой давно друг друга знаем и всегда находили общий язык. У нас с тобой даже были секреты. Мама просила меня вас не разлучать, да я бы этого и не сделала. Я хочу, чтобы вы были у меня счастливыми. Знаешь, если бы вы начали свои отношения раньше, возможно, я приняла бы это в штыки и посчитала предательством, а так, я не имею право вас осуждать. Маму

не вернуть, папа будет воспитывать своего ребёнка, а мы с тобой больше не возвращаемся к этой теме. Тебе нужны положительные эмоции, а мне здоровый брат.

– Спасибо. Я постараюсь быть тебе хорошей мачехой.

Отпуск с бабушками удался. Женщины давали внучке полную свободу действий. Они ходили на пляж вместе два дня, после чего Милана стала ходить на час позже и в другое место, чтобы они отдыхали спокойно. При этом твёрдо пообещала им не садиться на водный мотоцикл. Здесь же она решила на разговор с бабушкой Тоней.

– Бабуля, скажи, ты слишком расстроилась, узнав о моём родстве с Тихомировыми?

– Нет, моя родная. Я расстроилась, когда стала видеть часто Светлану в вашем доме. Лёня мне хотя и сын, но Наташа была нам хорошей снохой. Я начала его отчитывать, упрекать, он мне обо всём и рассказал. Узнав о Светиной беременности, порадовалась за обоих. Ребёнок после сорока большой риск и для ребенка, и для матери. Это я тебе как врач говорю. Маша с Николаем, видимо, знали от Наташи правду, что и они Свету приняли. В корысти её не обвинишь. Кто ей мог запретить любить Лёню? Двадцать лет наблюдать, как твой любимый любит другую – это пытка. Она своё счастье выстрадала. Ты и та её приняла.

– Меня мама просила об этом.

– А нас, девочка моя, и просить не надо. Ты наша первая внучка и мы все тебя любим. Алексей Тихомиров любил На-

ташу. Только любовь у твоих отцов была разная. Раз уж так судьбой дано, надо принимать. Теперь у тебя вместо двух де-дов и бабок стало трое.

– Я очень переживала, что вы меня разлюбите и бросите.

– Не надейся. Мы ещё, родная моя, правнуков дождёмся.

Десять дней пролетели быстро. Вернувшись домой, Милана уже через день «принимала» в гости Павла и Полину Антоновых. Милана заметила, что поведение Павла как-то изменилось. Она поговорила с Полиной, задав ей прямой во-прос:

– Поля, что с Пашкой?

– Мне кажется, я почти уверена, что он принимает нарко-тики.

– Ты родителям говорила об этом. Он же пропадёт.

– Мама и слышать ничего не хочет. Он её сумел убедить, что всё это враньё, а отец кроме работы и своих девок ничего вокруг не замечает. Что я могу?

– Я попрошу папу поговорить с твоим отцом.

– Мой папаша и обвинит тебя в том, что Пашка из-за тебя скатился. «Мой сын страдает, а ей и дела до него нет. Что он в ней нашёл?» – эта фраза была брошена в твой адрес. Не будет он дядю Лёню слушать.

Тридцать первого июля Милана поднималась на борт са-молёта, который доставил её в Москву. Руслан до сих пор был в клинике, но состояние его было намного лучше и они даже встретились.

– Не подводи меня, брат. Через десять дней я вернусь, и мы вместе отправимся домой, – говорила она прощаясь.

Глава 3

Север Апенинского полуострова и Венецианская Ривьера Милане запомнятся надолго. Красивые места, удивительные люди, хорошая погода и отличное настроение. Она сидела в небольшом кафе, где стала свидетелем небольшого скандала между своими соотечественниками. Один из молодых людей явно скрывал своё русское происхождение, пытаясь изъясняться на итальянском языке. Чтобы не раскрывать «аборигена», она попросила его на английском «простить несдержанность её спутника». Взяла под руку «русского туриста» и усадила его за свой столик.

– И зачем ты вмешалась? Кто тебя просил? – сердился он.

– Ты чего с ним сцепился? Он даже на вид сильнее тебя. Ты хочешь провести ночь в участке? – недоумевала Милана. – Я не хотела вмешиваться, но ты, ни дома.

– Я просто хотел поговорить, – оправдывался он. – Меня Олег зовут, Олег Шейн.

– Милана, – глядя на него, сказала она, рассматривала нового знакомого. Рост выше среднего, тёмно-русые волосы, короткая стрижка, серо-голубые глаза. Светлое поло, брюки в тон и лёгкие туфли. Ни каких особых примет, не считая очков в дорогой оправе.

– По путёвке отдыхаешь или сама по себе? – спросил, немного успокоившись, он.

– Приехала по путёвке, а отдыхаю, как та кошка сама по себе. Ты о чём хотел поговорить с «итальянцем»? Он, как это тебе не покажется странным, наш земляк. С такой фигурой Аполлона и внешностью он дурит головы туристкам и зарабатывает на этом. Я видела его на причале, где швартуется весь водный транспорт. Так что тебе от него надо? – спросила Милана с интересом.

– Я работаю в небольшой адвокатской конторе отца. У нас на носу развод одной пары. Между ними заключён брачный контракт, согласно которого сторона, уличённая в измене, не получает ничего. Наша клиентка утверждает, что у неё не было никакого романа с этим типом, а супруг утверждает, что курортный роман был. Что он нанял фотографа, чтобы зафиксировать факт поведения жены. В подтверждение приложил это фото. Оно абсолютно безобидное. Но со слов истца – пикантные фото он уничтожил, – говорил Олег, протягивая Милане копию, сделанную с фотографии. – Клиентка утверждает, что не знает даже имени этого героя, а фотографий действительно было несколько. Они отдыхали с мужем вдвоём и фотографировались вдвоём с мужем, и втроём, и снимал их местный фотограф. Одним словом, у каждого своя правда.

– Ты от парня чего хотел? Повезёшь его в Россию, как свидетеля? Глупо. Он может сказать неправду, может за деньги сочинить новую историю. Да и не поедет он никуда. Давай мы с тобой встретимся с утра на пляже. Я попробую с ним

поговорить сама. Не спрашивай о чём, потому, что я ещё не знаю. Пообщаюсь и спрошу: помнит ли он женщину с фотографии. Это, возможно, и не признательные показания, но будем знать, что их связывало. А, если это выдумка супруга, желающего развестись с наименьшими для себя финансовыми потерями? Пока. Не ввязывайся больше в драку, – предложила Милана.

Олег Милану едва узнал. Вчера она была в длинном сарафане, с подобранными волосами. Сегодня на ней была короткая туника, едва прикрывающая бедра, тёмные очки, а волосы развевались от лёгкого ветерка. Она помахала Олегу рукой, сняла с себя тунику, оставшись в закрытом купальнике, и ступила на деревянный настил причала. Подошла к гидрориклам, один из которых «оседлал» объект, собрала распущенные волосы в небольшую косу, окинула равнодушным взглядом многочисленных туристов, которые уже начали свой день и собравшийся «персонал», готовый к лёгкому заработку. «Абориген» смотрел на неё не как на объект заработка, а как на сексуальный объект. Девушка была молодой и милой, а её купальник слился с фигурой, подчёркивая прелести. Она сама обратилась к нему.

– Привет! – посмотрев на него пристально, сказала Милана. – Не узнал? Вчерашний вечер, кафе и небольшая потасовка. Не надо говорить, что ты не понимаешь русского языка. Твой итальянский в десять раз хуже моего английского.

– Я не похож на итальянца? – улыбнувшись, спросил он.

Он прекрасно знал, что к его фигуре Аполлона улыбка добавляет ещё больше интереса женской половины отдыхающих. – Ты сегодня совсем другая, но всё равно интересная. А где твой спутник?

– Ты больше похож на грека, – ответила Милана. – Но если тебе нравится изображать итальянца, будь им. Спутник не любит риск. Часто гоняешь?

– Чаще пытаюсь заработать на извозе. Беру недорого. Хочешь, прокачу с ветерком? – предложил он.

– Тебя как зовут, извозчик? – улыбнулась Милана. Она тоже знала, что многим нравилась её улыбка.

– Альбано, – ответил он. – Хочешь, зови Альберт. А тебя?

– Милана. Ты давно здесь прописался? Чем занимаешься, я примерно, догадываюсь. Сам откуда?

– Зачем это тебе? – перестав улыбаться, спросил он.

– Я похожа на человека из эмиграционной службы? Я не настаиваю, а ты можешь не отвечать, – сказала она обижено и отвернулась.

– Ты пришла проветриться или поболтать? – миролюбиво спросил Альбано.

– Одно скажу определенно: ты не в моём вкусе и не надо себе льстить. Одной как-то не весело выходить в море, и страшновато. Устроим с тобой заезд долларов на сто?

– Откуда у меня сто долларов? – задал он вопрос. – Ты где каталась?

– На реке, на водохранилище, один раз на море. А доллары

– заработай. Струсил, так и скажи. – Она развернулась лицом к владельцу байков и что-то сказала по-английски. Тот протянул ей жилет и показал на «Спарк». Милана протянула ему денежную купюру и свою тунику. Оседлала гидроцикл и пару минут неспеша проехала вдоль берега, чтобы почувствовать машину. – Ты не созрел, Аполлон? – крикнула она.

Возможно, самолюбие Альберта было задето, а скорее возможность заработать, «сорвали» его с места. Он подъехал и, глядя на девушку, задал вопрос:

– Какие условия?

– Ты же местный, акваторию знаешь, предлагай. Куда будем держать курс? Что у вас здесь можно, чего нельзя. Я человек приезжий, – ответила Милана, согласная на любые его условия и правила. Ей было важно увлечь молодого человека, вызвать азарт. «А деньги? Деньги будет платить Олег. Это издержки его профессии», – думала она, слушая Альберта. – Я согласна.

Старт был дан и теперь два «Спарка» мчались, удаляясь от берега. Милане не важен был выигрыш. Она решила, не отступая от основных условий, устроить для Альберта «небольшой экстрим на воде», но при этом избегать рисков для себя и противной стороны.

Альберт «пришёл» к финишу вторым. Он был не столько испуган тем, что «вытворяла» на воде Милана, сколько удивлён бесстрашием самой «девочки». Милане, по его мнению, было лет двадцать. Она не просто не боялась скорости,

она на этой скорости пыталась заставить бояться его самого. На берегу их встречали немногочисленные зрители овациями.

– Я думал, ты меня угробишь, – сказал новый знакомый. – И было уже не до заветного приза в сто долларов. Ты очень, Милана, азартная и бесстрашная.

– Азартная, но не бесстрашная. Не грусти. У тебя осталась ещё возможность заработать фантик с президентом, – успокаивала его Милана.

– Каким образом? С тобой опасно связываться, но я, пожалуй, рискну ещё. Что на этот раз? – улыбнулся он.

– Пустяки. Ты часто позируешь на фото с туристками? – спросила Милана, заметив Олега и махнув ему рукой.

– Бывает. Здесь, например, любят фотографироваться на фоне яхт. Чем к дорогой яхте ближе, тем дороже. Ты хочешь устроить фотосессию? У меня есть знакомый фотограф, – говорил Альберт, глядя на Милану.

– Это ты на фото? – спросила она, протягивая ему копию. – Не пугайся. Нет никакого криминала. Нам надо знать когда, где и кем была сделана эта фотография. Одним словом, коротко её историю.

– И всё? – удивился он.

– И всё. Попробуй вспомнить подробности. Чтобы тебе помочь, скажу следующее: у женщины неприятности из-за этой фотографии. Муж использует это фото в качестве доказательства неверности жены.

– Бред сивой кобылы, – усмехнулся Альберт. – Фото вполне приличное. Я на палубе яхты обнял женщину за талию и целую руку. Это можно расценить как факт измены?

– А доказать невинность фото ты сможешь? – спросила Милана. – Может фото сделано до интима между вами, может после. Обстановка располагает.

– Когда она отдыхала? На фото должна быть дата, а её нет. У меня всего один фотограф, и я очень редко «подставляюсь». Если честно, то бывают случаи для мелкого шантажа, но не с моей стороны. Алекс делает фото, где есть не только дата и время, но и его, своего рода, логотип. Да, я вхожу в роль богатого и коварного соблазнителя. Это работает с теми, кому не удаётся зацепить ухажёра. А фотография – это доказательство хорошо проведенного отпуска. Только все мои клиентки в курсе такого рода услуг. Я не предлагаю им интим и не принимаю его даже даром. Принцип у меня такой. Эту женщину я не помню.

– Ладно, зайдём с другой стороны. Где нам найти Алекса? Что, если у него сохранилась плёнка? – спросила Милана. – Ты ещё хочешь заработать сотню? Тогда помогай.

Через час они уже были у Алекса и перебирали плёнки с конца июня. Альберт вспомнил, что парочка фотографировалась и вместе, и что муж сам «руководил» съёмкой, советуя и смеясь как лучше позировать. Алекс распечатал все имеющиеся кадры с фотоплёнки, где была запечатлена пара, где ясно просматривались дата и время. Рассчитавшись за

фото и услугу с соотечественниками, Милана и Олег с ними простились.

– Будешь скучать, знаешь, где меня найти, – сказал Альберт Милане. – Обещаю – для тебя я не буду входить в образ.

– Милана, я твой должник, – сказал Олег, провожая Милану в отель. – Может, поужинаем вместе? Ночью я улетаю.

– Я тебя ввела в большие расходы? – улыбнулась она.

– Ты меня спасла. У меня теперь есть отличное доказательство лжи со стороны истца. Запись с диктофона могут и не принять во внимание, но на этом можно сыграть до суда. Спасибо тебе.

Они провели вечер в ресторане, а прощаясь, Олег, протягивая ей визитку, попросил: – «Вернёшься в город – позвони мне».

Ещё неделю Милана встречала Альбано на причале. Они мило беседовали пять-десять минут до её «заезда». Ей иногда казалось, что «азартный итальянец» делает ставки на её гонки с желающими. Обвинить голословно молодого человека в этом она не могла, у неё не было ни доказательств, ни желания. Альбано же, после «заезда», предлагал ей хороший коктейль или сок и свою компанию минут на десять. Он не делал попыток сблизится с Миланой, которая дала понять сразу, что не намерена заводить интрижки. У неё была слишком насыщенная программа отдыха и болезненная реакция на молодых людей.

Милана прилетев из Италии, задержалась на два дня в

Москве. Она узнала, что Руслан к первому сентября вернётся домой, а Влад пойдёт в девятый класс в Москве и будет жить здесь с Александром Степановичем. Здесь же её застало известие о похоронах Павла Антонова. Пашка всё же «пропал».

– Что-то случилось? – спросил Руслан, видя, как изменилась в лице сестра.

– Друг у меня был с самого раннего детства, а наши родители дружили. Пашка умер от передозировки, сегодня были похороны. Вот так всё просто. Жил, учился, дружил, ни в чём не знал отказа, а закончил как последний наркоман, – говорила она, вспоминая Павла, а на глаза наворачивались слёзы. – Если с вами случится подобное – я не приду даже проститься. Одни борются за жизнь, а другие её сознательно губят. – Прилетишь в город – позвони, и я приеду, – сказала она Руслану. – А тебя, брат Влад, я жду на следующий год. До этого времени, будь добр, звони раз в неделю, в месяц. Договорились?

Милана вернулась в город, но позвонила Олегу только восемнадцатого августа.

– У тебя всё нормально? – спросил он. – Я уже не надеялся, что ты мне позвонишь. Мы можем с тобой встретиться? За мной ужин.

– Не будем ждать вечера и пообедаем завтра, если хочешь, – ответила Милана. – Позвони завтра.

Их роман развивался постепенно. Они встречались два-

три раза в неделю по вечерам. Одновременно с началом учебного года, Милана стала работать в фирме отца под чутким руководством Светланы. Учёба на последнем курсе и работа занимали будние дни, а в выходные она старалась помочь дома и навестить Руслана. Все непонятные вопросы по работе решались дома. Светлана уходила в декретный отпуск с шестого октября, а до этого времени ей предложили лечь в больницу на сохранение.

– Лана, девочка моя, я поживу пока у родителей, – говорил отец. – Справишься одна? Мне будет удобнее после работы и до неё заезжать к Свете. Мама сможет готовить для неё.

– Пап, я справлюсь. Тебе действительно будет удобнее в городе и не надо оправдываться. Мне двадцать лет и я взрослая девочка.

Тридцатого сентября Милана отметила своё двадцатилетие. Отец привёз дедушек и бабушек в пятницу после работы. Руслан и Влад поздравили её звонками, а Тихомиров привёз подарок рано утром в субботу. Гостей было семь человек. Старшее поколение, отец, Олег и Полина.

– Почему не в клубе? – спросила Полина Антонова, которой исполнилось восемнадцать.

– Как ты себе представляешь моих пенсионеров в молодёжной тусовке? – смеялась Милана. – Ты можешь сама продолжить вечер в клубе.

– У тебя с Олегом серьёзные отношения? – поинтересовалась Полина.

– Ты не о том думаешь, подруга. Вот, где сейчас Егор со своими отношениями? Мы с ним два года дружили. Рано об этом говорить. Мы знакомы меньше двух месяцев.

– А если я его у тебя отобью? – спросила Полина серьёзно. – Он мне нравится, и совсем не похож на моих малолетних друзей.

– О чём тогда вообще речь? Олег мужчина интересный, с этим я согласна, но не забывай, что он не из твоей тусовки, ему двадцать шесть лет, и чтобы удивить его и обратить на себя внимание, тебе нужно очень постараться, – ответила Милана.

С середины октября погода сменилась осенним ненастьем. Второй день шёл мелкий дождь с холодным ветром. Утром, выезжая из гаража, Милана почувствовала, что педаль тормоза её плохо слушается. «В такую погоду и с плохими тормозами я далеко уеду», – подумала она, закрыла гараж, оставив машину во дворе. Позвонив в автосервис, где пообещали забрать машину после работы, она вызвала такси. Отсидев в университете две пары, добралась до работы, слегка промокнув, на маршрутном такси. Зонт не спасал от дождя из-за сильного ветра. Просить отца подвезти её домой Милана не стала, решив, что сама доберётся общественным транспортом. Она «пропустила» одну маршрутку и ждала следующую, когда позвонил Олег.

– Стань под навес и жди, я подъеду, – сказал он, узнав о проблеме с машиной. – Почему не позвонила сразу? – спро-

сил он, когда через пять минут Милана садилась в машину. – Ты вся дрожишь.

– Ладно, теперь уже поздно меня воспитывать. Приеду домой, выпью горячий чай, влезу в сухую одежду и буду надеяться, что пронесёт, – отвечала она.

Подъехав к дому, Олег поставил свою машину так, чтобы она не мешала работникам автосервиса, если они всё же приедут.

– Иди в дом бегом и под горячий душ, – говорил Олег, ставя свою машину на сигнализацию.

Проходя мимо своей машины, Милана пнула ногой по колесу и сказала: – «Если я заболею, ты одна будешь в этом виновата. Так, подруга, не честно». Приняв горячий душ и согревшись, она надела сухую тёплую одежду и залезла под одеяло. Первым позвонил отец и поинтересовался, как она добралась домой. Успокоив родителя, Милана уже отвечала Полине.

– Извини, Полинка, мне не до приёмов. Во-первых, я сильно промокла, а во-вторых, мне завтра на учёбу и работу, а в-третьих, у меня уже есть один гость. Спасибо. Олег мне поможет. Пока.

Олег сделал Милане бутерброды, горячий чай и принёс всё в комнату на второй этаж. Он в первый раз был в её комнате и с интересом рассматривал всё вокруг.

– Кто звонил? – спросил он, поглядывая на часы. – На часах шестнадцать сорок, вряд ли твои ремонтники приедут

сегодня.

– Первый звонок был от папы, потом позвонила Полина, – ответила Милана, жуя бутерброд. – Тебе колбасы не хватило или батона. Не стесняйся. Если не голоден, выпей чай или сделай кофе. В шкафу есть конфеты и печенье. Пока папа временно живёт у своих родителей, я готовлю только ужин и только под настроение. Начну худеть, буду заезжать на ужин к бабушке, если машину быстро приведут в порядок.

Прошло не меньше часа, когда прозвенел входной звонок. Олег спустился вниз, открыл калитку и впустил в дом людей, попросив предъявить удостоверения.

– Милана, спустись, пожалуйста, вниз, – сказал он громко. – К тебе милиция.

– Милана Леонидовна Тихонова? – задал ей вопрос человек в штатском. – Следователь Ильченко. Мы можем поговорить?

– Это я. Проходите, присаживайтесь. Что случилось? – спрашивала она, спускаясь вниз и присаживаясь на диван в гостиной.

– Машина «Мазда-3» красного цвета Ваша? – спросил он и назвал гос. номер.

– Моя. Она стоит во дворе. Утром я засомневалась в тормозах, позвонила на сервис и в город уехала на такси. Машину обещали забрать после работы. Вернулись мы вдвоём на его машине около четырёх. Мазда стояла на месте. Вы не могли её не видеть.

– Извините, но во дворе машины нет. Мало того, на ней сбили человека сорок минут назад. Ничего не хотите объяснить? – глядя на неё в упор, спросил Ильченко.

– Хочу. Я, по-вашему, похожа на самоубийцу? Звоню в сервис о неисправности тормозов, знаю об этом и сажусь за руль? Меня привезли из города промокшую, я её пнула по колесу от злости, около четырёх, приняла душ и больше не выходила из дому. Да, что я Вам объясняю. Во дворе камера, в машине регистратор – сами разбирайтесь, – в сердцах сказала Милана.

– Регистратор мы сняли. Хотите посмотреть? – спросил Ильченко и включил «кино».

– Хочу, – ответила она и сосредоточилась на видеосъёмке. – Лица не видно, но это не я. У меня есть точно такая куртка, она висит в шкафу. Если это я на пленке, значит, куртка должна быть мокрой? Правильно? Эти куртки привез нам отец Полины Антоновой. Она звонила мне в четыре часа с минутами. Можете посмотреть входящий звонок.

– Разве на регистраторе нет момента нашего возвращения? Или момента выезда машины за пределы двора? Что-то же должно было остаться до того, как горе водитель покинул машину? – спросил Олег.

– Есть запись с момента угона машины и это не хозяйка, – сказал мужчина в погонах. – Вам знакома эта девушка?

– Это Полина Антонова. Зачем ей это было нужно? – удивилась Милана. – Она прекрасно знала о камере во дворе и

не скрывала своё лицо. Она знала, как попасть во двор потому, что была не раз в этом доме. Мы дружим семьями.

– А Вам, зачем было нужно оставлять машину открытой, с ключами в замке? – язвительно спросил Ильченко.

– Машина стояла, заметьте, в её собственном дворе и под камерой, – уточнил Олег. – Это не просто угон, это проникновения на частную территорию. Моя машина стоит за двором. Она закрыта и ключи при мне.

– Вы, молодой человек, адвокат? – задал он вопрос Олегу.

– Нет, его помощник. Вы понимаете, что Милана Тихонова не виновата в наезде и знаете теперь виновника ДТП. Действуйте.

– Координаты Полины Антоновой я могу у Вас попросить?

– Запишите или запомните? – спросила Милана, называя адрес. – Прямо по улице до перекрестка, потом направо до следующего, опять направо и третий дом справа.

– Я позвоню Вам завтра, заберёте машину и сдадите в ремонт. Повреждения несерьёзные, но вид у неё не очень. Поправляйтесь. Извините за вторжение. Это моя работа, – сказал на прощание следователь.

– Человек жив? Кто он? – спросила Милана.

– Средняя тяжесть. Сейчас он в больнице. Дождь, скорость была небольшая. Возможно, неисправность тормозов и оказалась причиной наезда.

– Зачем нужно было меня так подставлять? – не понима-

ла Милана. – Зачем Полине угонять мою машину на виду у камеры?

– Разберёмся. До свидания.

– Хорошо моих дома нет. Лишние волнения им не к чему. Олег, ты можешь остаться? Погода ужасная, как и моё настроение.

– Могу. Может тебе чай с лимоном или с мёдом?

– Коньяк с лимоном. Я о простуде, с появлением милиции, забыла. Меня теперь наезд беспокоит. Заезжай во двор, запирай все двери на замки, а я приготовлю что-нибудь на ужин.

Они ужинали, выпив по рюмке, когда телефон Миланы зазвонил. Абонентом был отец Полины – Анатолий Антонов.

– Анатолий Борисович, Вы, что от меня хотите? У меня угнали машину, сбили на ней человека в то время, когда я была дома. Писать заявление я не буду в том случае, если она объяснит мне свой поступок, а Вы почините мне машину. Я не хочу с Вами ссориться, но таковы мои условия. Я, согласитесь, не так много прошу. До завтра, – ответила Милана абоненту.

За разговорами под кофе, так и не придя к единому выводу, Милана и Олег поднялись в её комнату. Стоя у окна, за которым уже сгустились сумерки, а по стеклу так и стучал дождь, Милана думала об Олеге. Молодой человек нравился ей, мало того ей хотелось с ним близости. Это желание пришло к ней внезапно. Ещё сидя за ужином, при разговоре, он

положил свою руку на её ладонь и тихо сказал: «Не переживай. Я тебе помогу». За время знакомства между ними были безобидные поцелуи при встрече или расставании. Он не торопил события, и она была благодарна ему за эту сдержанность. Олег был к ней равнодушен, и она это чувствовала. Олег подошёл к ней со спины.

– Ты как, Лана? – спросил он, обняв её за плечи.

– В порядке. Я уже не думаю ни о милиции, ни о машине, ни о Полине.

– Почему тогда грустишь? – спросил он.

– За окном осень. Пора очарований кончилась и началась пора ненастья, – грустно ответила она.

– Не грусти. Будут еще солнечные дни, – говорил он, разворачивая её к себе лицом. – У природы нет плохой погоды, как в песне. – Он посмотрел в глаза Милане и нежно её поцеловал. Любовная прелюдия и игра захватила неискuschenную Милану...

– Милана, подъем! – услышала она голос Олега, который присел на край кровати и нежно поцеловал её. – Поднимайся. Я отвезу тебя на занятия и поеду в милицию. Дай мне телефон сервиса и обязательно позвони, как закончишь работать. Я заеду.

– Олег, у тебя девушка есть? – спросила Милана, поднимаясь с постели.

– Есть. Юная, умная и очень милая. Её так и зовут – Милана. Ты не против? Ты мне очень нравишься, но обещать,

что я на тебе женюсь, я не буду, – подхватывая её на руки и кружа по комнате, говорил он.

– Чем же я вам, сударь, не подхожу? – смеялась Милана.

– Во-первых, и это главное, ты не воспринимаешь меня всерьёз. Во-вторых, ты слишком молода для семьи. Тебе стоит пожить немного для себя. В-третьих, я не хочу тебе доставлять неприятности. Их у тебя хватает и без моего вранья. Как ты поступишь с Антоновыми?

– Пусть отремонтируют машину и оставят меня в покое. Поля не станет извиняться, хотя может прийти в дом. Её родители во всём, что случилось, обвинят меня, а дочь будут защищать. Что касается тебя лично – ты мне нравишься, но замуж, действительно, мне рано.

– Ты думаешь, твои родители позволят нам встречаться? – задал он вопрос и теперь ждал ответа, глядя на неё.

– Встречаться и спать – разные вещи. Я сама не смогу спать с тобой, когда они будут дома, а вот бегать к тебе на свидания, мне никто не может запретить, – говорила Милана, готовя завтрак на скорую руку.

– У меня в городе есть своя квартира. Она не апартаменты, но вполне приличная и просторная. Дед удружил, мы с ним дружим. Отец мне периодически находит невесту, но мы с дедом держим круговую оборону. Отец к деду прислушивается, я прислушиваюсь к нему, но делаю по-своему.

После занятий и работы, Милана заехала к Светлане в больницу.

– Что у тебя с Олегом? – спросила она и улыбнулась. – Отец говорил о его визите в милицию. Дурочка малолетняя совсем с ума сошла, а Антонов её защищает.

– Она его дочь, хотя и совершеннолетняя. Олег очень вовремя оказался в доме. Он меня промокшую привёз домой. Я эту чёртову машину ещё ногой пнула, а через пару часов визит милиции. Олег мне нравится, но сказать, что я в него влюблена, я не могу. Да и знакомы мы с ним пару месяцев. Ты сама, как себя чувствуешь? Папа надолго переселился к бабушке?

– Не сердись. Через неделю выпишусь, и будет всё как раньше. Ты навести Илюхиных и Тихоновых, и не ешь дома одни бутерброды.

– Я так быстро отвыкла от общественного транспорта, даже самой странно. Я займусь в выходной стиркой и уборкой, а ты меня не жди. Толку от моих визитов никакого. Бабушка готовит, папа привозит, а я только нагружаю рабочими вопросами. «Если заехать сегодня с Илюхиным и Тихоновым, завтра можно оставаться дома», – думала она, выходя из палаты Светланы. В девятнадцать часов она покинула квартиру Тихоновых, где её накормили, а в двадцать – звонила в квартиру Илюхиных.

– Милана, девочка моя, – говорила бабушка, чуть не плача, обнимая её, – приехала.

– Бабуля, не причитай. Я была неделю назад, а звоню каждый день. Всё у меня хорошо. Я со вчерашнего дня безло-

шадная, что-то с тормозами, машина в сервисе, приехала к вам на общественном транспорте. Пока машину не починят – не ждите. Я вчера так промокла, что спас только коньяк. Сорока на хвосте все новости принесла? – улыбаясь, спросила Милана.

– Всё шутишь? – спросил дед. – Они могли тебя задержать, а уж потом разбираться. Молодец, что не растерялась. Тебе без машины нельзя. Ладно, была бы только учёба, а ещё и работа, и домой добраться. Скоро день короче станет, да и холод не за горами. Ты устрой себе выходной с новым кавалером.

– Вот нельзя вам ни о чём рассказывать. Что ни знакомый, то кавалер. – Да, Олег. Извини, я у бабушки с бабушкой в городе. Хорошо, запоминай адрес, – ответила она на телефонный звонок и назвала адрес. – Сейчас за мной заедет адвокат Шейн и доложит обо всём.

– Слышала, мать? У нас теперь в адвокатах ни кто-нибудь, а еврей. – Придётся ему, внучка, подняться в квартиру. Ты же не хочешь, чтобы томный вечер превратился в переговорный?

Олегу пришлось подняться в квартиру Илюхиных и рассказать о визите в милицию, и о визите на автосервис и ещё многое, что интересовало Николая Никитича. Мария Васильевна предложила Олегу ужин, и он счёл своим долгом рассчитаться за него полезной информацией.

– Забавные у тебя старики, точнее заботливые, но совсем

не любопытные. Теперь тебе стоит познакомиться с моим дедом и родителями. Я взял лёгкий ужин в ресторане, не считывая на тёплый приём, но теперь я сыт.

– Молодец! Это хорошо, что машину пригонят в воскресенье, а ремонт оплачен. Буду ждать визита Полины. Для знакомства с твоими родителями нужен хороший повод. Я не готова просто идти на смотрины, – сказала Милана и прикрыла глаза.

От дома Илюхиных до дома отца дорога нанимала около получаса и Милана успела подремать. Она проснулась, когда машина Олега въехала во двор.

– Как ты умудрился это сделать? – удивилась она.

– Элементарно, Ватсон! Я оставил ключи от машины, а брелок забрал с собой. Иди в дом, я принесу пакеты, – без лишних слов ответил он, уверенный в том, что поступил правильно.

– Ты меня так разбалуешь, – разбирая пакеты, говорила она.

– Завтра я до обеда буду на работе. Чем займёшься? Задал он вопрос, обняв её за талию.

– Хозяйственными делами до обеда и визитом к Руслану после него. Воскресный обед отменяется, в связи с сегодняшним, не запланированным. Машина будет в порядке, Светлана вернётся домой, и я сумею навещать их после работы, – ответила Милана.

– Давай дуй в кровать, ты на ходу спишь, а я поработаю

пару часиков, – предложил Олег. – Мне устроиться рядом с тобой или поработать в гостиной?

– Где тебе удобнее, там и устраивайся. Спокойной ночи, – сказала Милана, поцеловав его легонько в щёку.

Она проснулась неожиданно, почувствовав чьи-то лёгкие объятия, кого-то рядом. Милана, кроме вчерашней ночи, всегда спала в собственной кровати одна. Да, она спала с Егором, но это был и не сон, а отдых после секса. Они встречались с Егором в отсутствии родителей, но знали, что время ограничено. Сознание того, что тебя никто не потревожит, рождало новые ощущения. Она замерла, продолжая делать вид, что спит. Рука Олега «прошлась» по пижаме, расстёгивая пуговицы и разводя полочки, и скользнула ниже, а губы коснулись её груди. Эти прикосновения вызвали у Миланы приятное тепло внизу живота, а тело начинало жить своей жизнью. Сон сняло как рукой, а притворяться уже не было сил...

– Милана, боюсь, мне теперь трудно будет без таких ночей, – признался Олег. – Страсть сводит меня с ума.

– Не огорчайся раньше времени. У нас с тобой есть неделя, пока Свету выпишут из больницы. Ну, а, если страсть не пройдёт, буду бегать в твою квартиру, – говорила шутливо Милана. – Это ты у нас сексуальный мужчина, а я только учусь.

– Может, ты переедешь ко мне? – нерешительно предложил Олег.

– Олег, предложение преждевременное. Не будем торопить события. Поживём – увидим.

– Хорошо, как скажешь. К Руслану поедешь одна или дождёшься меня? – поинтересовался Олег.

– Управлюсь с домашними делами, и, если не будет дождя, поеду сама. Работай спокойно.

Милана заканчивала уборку, когда пришла Полина, пришла без звонка.

– Проходи, располагайся. Дай мне пять минут – я сегодня за прачку и горничную.

– А Олег где? – спросила она, довольная тем, что молодого человека в доме нет.

– Может дома, может на работе. Уехал утром, приехать обещал к вечеру. Ты пришла к нему или ко мне? – спросила Милана, глядя на подругу в упор.

– К тебе. Ты с ним спишь? – обижено спросила Полина.

– Тебя что конкретно интересует, мой сон или занятие сексом с ним? Да, мы занимаемся сексом, а потом спим в одной постели две ночи подряд. Ты зачем меня подставила? – спросила Милана, присаживаясь рядом с Полиной на диван.

– Не знаю. Замкнуло что-то от ревности.

– От какой ревности? Ты кого к кому ревнуешь? Олег был моим знакомым. И, если ты не сумела его увлечь, я здесь причём? Ты хотела обратить его внимание на себя? У тебя это получилось, но такое внимание, с его стороны, вряд ли тебе понравится. Идём в кухню. Я предложу тебе чай или ко-

фе. Ты же пришла не с пустыми руками, – говорила Милана, вставая с дивана и протягивая Полине руку.

– Ланка, прости меня, – просила Полина.

– Да, простить то я прощу, Поля. Только как мы теперь будем дружить с тобой? Чего мне от тебя ждать? Я перестала доверять тебе. Мы дружили с детства, а выходит, я тебя совсем не знаю. Чего ты хотела добиться своей выходкой? Теперь проблемы у меня, у твоего отца и у потерпевшего.

– Я просто хотела угнать у тебя машину, сорвать свою злость на тебя. Я не знаю, почему мне эта мысль пришла в голову. Ты со мной давно не общаешься, как раньше. Всё лето разъезжала где-то, к Паше не приехала на похороны. Ты очень изменилась, Лана.

– Ты обвиняешь меня в том, что я о тебе забыла? Мне начинать оправдываться? – спросила Лана, разливая чай и глядя на Полину. – Я действительно изменилась, и началось это весной. Тебе причину напомнить? Ты, как и Егор, считаешь, что я не должна была помогать Руслану и что хотела заработать на чужом горе? О Павле речь не идёт, я тебя предупредила об этом. Да, я провела месяц на двух морях. А разве ты не отдыхала летом? Я учусь и работаю, в выходные навещаю стариков и брата. Да, у меня мало времени и я устаю. Тебе, что мешала ко мне прийти? Чем ты занята? Время на клубы ты находишь, на занятия ходишь через день. Пришла бы, помогла по-дружески, пообщались, может и пошли куда вместе. Теперь об Олеге. Полина, он не мальчик первокурс-

ник. Олегу двадцать шесть лет и я совсем не уверена, что у него ко мне серьёзные чувства. Но уверена в том, что сказки про принца и Золушку не будет ни для меня, ни для тебя.

– Почему? Зачем ты с ним встречаешься? – не понимала Поля Милану.

– На глупые вопросы получишь глупые ответы. Он мне нравится – умный, образованный, симпатичный, лишнего не обещает, в любви не клянется. Меня всё устраивает. Такие, как Олег, женятся либо на красивых, либо на состоявшихся женщинах с хорошим приданым. Мы с тобой, Поленька, не подходим под эту категорию. Симпатичные студентки из обеспеченных, но не состоятельных семей. Возможно, лет через пять мы себя проявим и заработаем свой первый миллион, но кто сказал, что он будет ждать эти пять лет. Как часто ты меняешь своих кавалеров?

– Когда нахожу другого кавалера, – ответила Полина, всё ещё не понимая, к чему клонит Милана.

– Считай, что я нашла своего, – грустно ответила Милана.

– А если он уйдёт? Мне твой Олег очень нравится.

– Я его не держу, и тоже могу уйти, если влюблюсь. Сколько ты горячо любила, а потом забыла?

– Не помню, – честно ответила подруга детства.

– А я Егора иногда вспоминаю. Может поэтому я позволила себе этот роман. Я не знаю, как долго он продлится, но точно знаю, что сейчас это то, что мне нужно. Мы бываем с ним в кафе, в клубах, но не долго. Ты давно была в цирке?

А я напросилась, и он меня туда повёл. Он внимательный, мне с ним интересно. Олег мне делает подарки, дарит цветы. Это даже не влюблённость, Полинка, это, если так можно выразиться, обоюдный интерес. Возможно, он перерастёт во что-то другое, а возможно закончится. Мне нравится, что он с пониманием относится к нашим отношениям, назначая свидания тогда, когда мы оба свободны от дел, когда не нарушаем планов друг друга. Даже он понимает это, а ты меня упрекаешь в занятости. Ты на машине?

– Тебя отвезти к Руслану? Я никуда не спешу и отвезу. Ты когда справишься? Помочь?

– Сиди, помощница. Ты когда в последний раз брала в руки тряпку?

Глава 4

Визит к Руслану не столько обрадовал, сколько огорчил. Если со здоровьем был относительный порядок, то морально парень был «на взводе».

– Что-то с отцом происходит. Он вчера обидел бабушку, придя домой под градусом. Она не жалуется, но я видел, как она плачет. Называл нас нахлебниками, деда ругал. Видимо денег просил, а тот отказал, – говорил он, с какой-то тоской в голосе. – Я не знаю, что с ним, но мне не по себе, Лана. Это как ожидание чего-то неприятного, которое точно произойдёт, но не знаешь в какой момент.

– Тебе когда на приём? – спросила Милана. Она видела, что Руслан не просто расстроен, он подавлен.

– В понедельник. Бабушка поедет со мной на такси потому, что отец будет занят, – ответил он. – У него нет времени на меня.

– Я позвоню Сергею Ильичу. Если мне завтра пригонят машину, я за тобою заеду и отвезу. Вечером созвонимся. Не раскисай. Давай, позвоним деду, и летите к нему. Думаю, он не будет против вашего приезда. А отец за это время перебесится.

Вернувшись домой и, дождаввшись Олега, она рассказала ему о проблеме.

– Олег, нужно что-то делать. Добром это не кончится, –

говорила Милана. – Ты что-нибудь слышал о матери Руслана или о самом Тихомирове? Он человек «на виду», компания крепко стоит на ногах, а сплетни о богатом холостяке должны «гулять» по городу. Интересно, где сейчас его жена?

– Она в городе. Знаешь, с кем живёт бывшая жена Тихомирова и мать Руслана? Она живёт с владельцем подпольного казино. А сам Тихомиров, по непроверенным источникам, частый гость этого казино, – говорил Олег, глядя на Милану.

– Ты думаешь, его хотят разорить? – удивилась она. – Тогда понятно, почему он приходит домой злой и пьяный.

– Не совсем. Мне кажется, его хотят лишить родительских прав и оформить опеку на Руслана. Это только моё предположение. Бывшей жене нужны деньги Тихомирова. Ей не выгодно его разорять.

– Скажи, ты можешь узнать: куда вылетала, если вылетала, Людмила Тихомирова из Москвы со второго июля в течение недели и куда? – спросила Милана, думая о матери Руслана.

– Что это тебе даст? – спросил Олег, не понимая пока замысла Миланы.

– Прежде чем встретиться с этим владельцем, я хочу знать, где она была, когда её сын лежал в клинике, – ответила она. – Что-то мне подсказывает, что её поездка в Москву была только поводом.

– А кто тебе сказал, что он захочет с тобой встречаться? – удивился Олег. – Лана, ты понимаешь кто ты и кто он?

– Я всё понимаю, всё осознаю, я даже не знаю, что я могу

ему сказать, но я что-нибудь придумаю. Что ты о нём вообще знаешь? – спросила она, а сама уже думала к кому ещё можно обратиться с подобным вопросом.

– Ему лет шестьдесят. Я покажу тебе его фото, – сказал Олег, открывая компьютер. – Капустин Петр Степанович, для своих – Доллар. Состояние сколотил в лихих девяностых, как всё старшее поколение граждан СССР. Все статьи отбытия наказания у него экономические. Я попробую раздобыть его номер телефона или найду способ, как с ним можно связаться, но без гарантии. В конце концов он не президент и не король с большой охраной.

Олег сдержал слово, хотя далось это не просто. Человек был публичный и не скрывался, но встречался он ни со всеми. Милане отвели на встречу в среду всего десять минут.

– Пришла просить денег? – не здороваясь, язвительно, спросил Капустин. – Я перестал быть «добрым дядей» и не занимаюсь больше благотворительностью.

– Я не попрошу у Вас ни копейки и хочу сократить Ваши расходы, – ответила Милана ему в тон.

– Каким образом? – удивился хозяин.

– У меня только десять минут. Я изложу Вам свою просьбу, а потом, если захотите, поговорим о Ваших финансах. Я прошу Вас оставить Тихомирова в покое. Вы решили разорить его по просьбе своей любовницы и его бывшей жены? Или она хочет вернуть сына и остатки капитала? Вы уверены, что ей нужен сын? Тогда почему ей была не нужна

дочь? – говорила Милана Капустину, сбитая с толку сообщением о трёх миллионах и забывшая заготовленную речь.

– О чём ты, девочка? Какая дочь? Я тебе даю ещё десять минут, и ты не говоришь загадками. Тебе мало трёх миллионов, которые я перевёл в Москву, а Людмила передала их тебе, и ты решилась на шантаж? Не боишься? – спросил он. – Говори откровенно и по делу.

– Не боюсь. Я не получала от неё никаких денег и у меня нет причины заниматься шантажом. Как Вы думаете, почему я стала идеальным донором для её сына? Ни за горами и морями, а здесь в родном городе нашёлся донор. Да потому, что двадцать лет назад она отказалась от дочери в роддоме. Скажите, сколько она провела в клинике у Руслана? – Милана говорила о том, в чём сама была не уверена, а возможно и лгала, но это был её единственный способ «достучаться» до Капустина.

– Больше месяца. Деньги я перевёл числа второго-третьего, и она просила их именно для тебя, – ответил он, явно удивлённый услышанной новостью.

– Я выписалась из клиники тридцатого июня, а вернулась в город в воскресенье утренним рейсом и никак не могла получить Ваших денег, а Ваша Людмила улетела пятого в противоположном направлении от дома. Скажу больше – её присутствие в клинике было абсолютно бесполезным. Руслан лежал в стерильном боксе, куда мог войти только медицинский персонал, – продолжала Милана. – Это длилось по-

что три недели.

– Послушай, девочка, ты говоришь чудовищные вещи, на них нельзя не обратить внимания, но они бездоказательны.

– Я говорю только то, что знаю. Вы можете, если не верите, проверить то, что услышали от меня. Это мой билет из Москвы, где есть номер рейса и дата. У Вас есть возможность самому позвонить в клинику или сделать повторный запрос на вылет Тихомировой из Шереметьева пятого числа. Вы же не думаете, что я пришла к Вам с пустыми руками? Я пришла не шантажировать Вас, а просить о помощи, – спокойно предложила Милана.

– И что ты хочешь? – спросил Капустин, разглядывая бумаги, переданные ему Миланой.

– У меня к Вам всего одна просьба: оставьте Тихомирова в покое, перекрыв ему доступ к игре. По-хорошему, его надо бы наказать, но я не знаю как. И примите совет – присмотритесь к своей подруге. Вас не настораживает такое её отношение к своему сыну?

– Он же твой отец? – усмехнулся Капустин.

– Вы мне ещё напомните, что Людмила моя мать. Думаете, я думаю о них или о деньгах? Я думаю о брате, я хотела ему помочь, но все мои усилия пойдут прахом с таким отношением родителей, – говорила Милана в сердцах. – Я могла плюнуть на всё и забрать брата, но я сама пока на иждивении отца и вешать на него ещё одного чужого ребёнка не могу. У Вас самого есть дети? Вы могли бы от них отказаться то-

гда, когда Вы им так нужны, просто так без всяких причин, чтобы пожить в своё удовольствие? Как можно быть такими равнодушными к своему ребёнку, который живёт пока только надеждой на выздоровление? Помочь и тут же навредить. Это по-людски?

– Я накажу его так, что он сам не подойдёт к игровому столу. И с Людмилой разберусь, будь уверена. Извини, если и я в твоих глазах выгляжу монстром, и за обвинение в корысти. Извини.

– Не перестарайтесь. А трёх миллионов действительно жалко. Теперь Вы знаете, что деньги ушли не на благие цели, их просто украли люди, которым Вы доверяли. Прощайте.

В субботу утром Милане позвонил Тихомиров и, не заходя в дом, попросил её выйти за ворота. Милана вышла из калитки и села в его машину.

– Что-то с Русланом? – спросила она. – Вы себя плохо чувствуете? Чего вы молчите? – задала она очередной вопрос, и заметила в его волосах седину, которой раньше не было. – Чёрт возьми, Вы можете мне хоть что-нибудь сказать?

– С Русланом всё в порядке, а я пришёл в себя. Милана, не бросай нас, – негромко сказал он и посмотрел ей в глаза.

– Я и не думала бросать Руслана, но только я не потяну его одна. Согласитесь, вешать Вашего сына на своих родителей я не могу, а от его родителей толку мало. Они заняты собой и живут так, как хотят. Вы считаете наше поколение потерянными. Скажите, как у таких родителей как ваши, по-

лучился сын такой, как Вы? Вы теряете связь с Русланом по собственной глупости. Вы бросили сына тогда, когда ему так нужны, вы обижаете собственную мать, не находите общего языка с отцом. Так чьё поколение потерянное?

– Прости меня дочка, – тихо сказал Тихомиров и опустил голову.

– Не могу. Я Вам не верю. Вы эгоист и любите только себя, не замечая никого вокруг. Хотите сказать, что можете измениться? Почему Вы так рано успокоились и решили, что теперь Руслан в безопасности? Почему Ваш отец вернулся в Москву? Почему Вы не настояли на том, чтобы они с Владом переехали сюда? Ваша мать его простила. Давний проступок Александра Степановича по сравнению с Вашими поступками детская шалость. Сколько им осталось, пять, десять лет? Почему Ваш отец должен воспитывать Вашего сына?

– Владислав меня не принимает.

– Правильно делает. Мальчишкам нужен отец, а Вы на эту роль не годитесь. Мне очень неприятно это говорить, как ни как отец, но Вы бесполезный человек и недалеко ушли от своей бывшей жены. Я обманулась в первом своём впечатлении. Она обвинила меня в алчности, якобы передав мне три миллиона. А Вам, во сколько обошлась моя бескорыстная услуга? Как у Вас обоих совести хватило?

– Ты многого не знаешь, Лана, – сказал Тихомиров, пытаюсь взять её за руку. – Я поступил по-свински, прости.

– А мне многого и не надо. Достаточно того, что я вижу

Ваше отношение к себе, к Руслану и Владу, к Вашим родителям. Вам не изменить прошлого. Хотите прощения – меняйтесь сами. Я смогу простить оступившегося, но не спотыкающегося на каждом шагу. У Вас есть ещё, что мне сказать? Да, чтобы Вы не надумали делать и как бы себя не вели, встречи по субботам с Русланом я продолжу. Запретить Вы мне их не можете. Всего доброго.

После случая с наездом Полины на пешехода, отношения с семьёй Антоновых испортились. Во всём, что случилось в их семье, они винили Милану. Она была виновата в том, что Павел из-за несчастной любви к ней подсел на наркотики, а Полина из ревности совершила наезд. Только Полина изредка общалась с Миланой по телефону.

– Пап, я действительно причина всех бед в их семье? Это какой же нужно иметь изошрённый ум, чтобы такое выдумать, – недоумевала она.

– Успокойся, дочка. Винить чужого человека в своих ошибках проще, чем самому признать их. Мы потеряли друзей не вчера. Наша дружба закончилась лет пять назад, а в гости ходили по привычке. Случай с Полиной разве повод? Кроме ремонта машины претензий к этой семье у тебя не было. Не бери в голову.

Первого декабря в семье Тихоновых родился мальчик весом 3500 и ростом 51 см. Назвали наследника Александром. Антонина Степановна с мужем переехали в дом к сыну, чтобы помогать Светлане, а Милану отправили в свою квартиру

«сторожем». Теперь она приезжала в дом по выходным, если с неба не сыпались камни. Она чаще виделась с Илюхиными, заезжая к ним после работы. Порой ей хотелось бросить работу, но было жаль отца. Ведь она всё ещё находилась на его содержании. Небольшие деньги «перепали» от дедушек с бабушками, была и небольшая зарплата, но основные расходы нёс отец.

Новый две тысячи семнадцатый год Милана встретила вместе с Олегом в компании семьи Тихоновых и Илюхиных, а потом Олег увёз её с собой. Второго января Милана познакомилась с дедом и родителями Олега, но не думала, что «смотрины» пройдут в присутствии посторонних. В гостях у семьи Шейн уже была семья Ярош, старинные приятели отца. Семья Ярош последние пять лет прожила за границей и теперь вернулась в Россию. Дочь Виолетта получила образование в России, а вот сын Александр учился в Германии. Милана внешне проигрывала Виолетте. Пока гости уголяли первый голод, за столом почти не было разговоров, кроме тостов. А потом устроили настоящий допрос. Милане было очень неловко отвечать на вопросы отца Олега Бориса Яковлевича, которые комментировала и дополняла Виолетта. Она как будто провоцировала Милану и указывала ей её место. Только Олег и его дед Яков Савельевич были на стороне Миланы. Олег отшучивался, а дед, не особо церемонясь, одёргивал молодую особу. Создавалось впечатление, что это Милана пришла в гости не вовремя, а не хозяйева её пригла-

силы. Ничего особенного в семье Ярош не было. Да, одеты они дорого и со вкусом, но это всё. Глава семьи – грамотный и образованный юрист, его жена обычная домохозяйка, точнее домоправительница, которая без прислуги, как без рук. Дети двадцати пяти и двадцати трёх лет – две самовлюблённые особи. Возможно, они и были грамотными, но воспитание хромало на обе ноги. Такой бесцеремонности Милана не замечала даже за Антоновыми. Она с облегчением вздохнула, когда обед подошёл к концу, но её ждало разочарование. Мама Олега, Маргарита Аркадьевна, предложила молодёжи провести остаток дня и вечер двумя парами. Милана чуть не расцеловала Олега, когда он просто сказал: – «Извините, но у нас есть ещё пара «новогодних» визитов к родственникам Миланы. В отличие от меня, у неё их много. Ну, а в следующую раз мы, непременно, составим вам компанию». Дед подмигнул Милане прощаясь.

– Слушай, я от них устал, – вздохнул Олег, выходя из своей квартиры. – Родители как будто специально пригласили Ярош.

– Не сердись. Не велика беда в том, что твои родители от меня не в восторге. В конце концов, первое впечатление часто бывает обманчиво. Я и молодым гостям не по вкусу, так и они мне не по душе. Самоуверенные, самовлюбленные и бесцеремонные детки. Вряд ли без папы они чего-нибудь стоят. Меня другое волнует. Твоя мама уже распределила нас по парам, даже не спросив нашего согласия. Ты и Виолетта,

я и Александр. Как тебе этот расклад?

– Не думай об этом. Ты молодец – достойно выдержала натиск тяжёлой артиллерии.

– Дед у тебя хороший. Он один понял, что я не пытаюсь произвести впечатление на твою семью.

– Я тебе говорил, что он у меня старик, что надо. Если их не устраивает твоё общество, я буду навещать их один. Поехали домой.

– Домой? Это куда? – спросила Милана.

– У нас с тобой один общий дом – это моя квартира.

После сдачи зимней сессии, Милана скорее почувствовала, чем поняла, что в отношении с Олегом её ждут перемены. Она всё реже бывала в университете, уделяя время дипломной и самой работе. Дни становились длиннее, а вот встречи с Олегом реже и короче. Всё будто было как раньше, но чувствовался «мартовский» ветерок.

– Милана Леонидовна, вас спрашивают, – позвонила секретарь из приёмной.

– Спасибо, Ольга Борисовна. Через пару минут подойду, – ответила Милана, убирая бумаги в сейф. «Кого принесло? У меня не должно быть ни встреч, ни визитов», – подумала она, неспеша направляясь в приёмную.

Через минуту она уже переступала порог вотчины секретаря и увидела Виолетту. Молодая женщина сидела на стуле, разглядывая обстановку. Роскошная шуба, надетая на мини-платье, была в это время года лишняя. Конец марта был тёп-

лым и солнечным.

– Добрый день, Виолетта Савельевна. Что привело Вас в нашу скромную обитель? – спросила Милана.

– Мне нужно поговорить с тобой, – ответила та и посмотрела на секретаршу.

– Идите за мной, – сказала Милана, выходя из приёмной. – Сюда, пожалуйста. – Виолетта шла следом за Миланой и была немного удивлена её внешним видом. Ничего особенного, но это уже была ни домашняя Милана, которую она видела у Шейн, а деловая молодая женщина, знающая себе цену. Строгий тёмно-синий костюм с юбкой до колена, светлая блузка и аккуратная причёска делали Милану взрослее и солиднее. – Присаживайтесь. Я Вас внимательно слушаю.

– Поговорим как взрослые люди. Тебе сколько лет? Двадцать? Что у тебя есть кроме этой работы в заштатной конторе? А у меня есть всё. Ты не пара Олегу. Это так трудно понять?

– Я стараюсь, но не понимаю. Если у Вас всё есть, зачем Вам Олег? И почему Вы решаете за него? Олег не мальчик, он мужчина и может сам решить, что ему нужно. Разве не так? Почему Вам не поговорить с ним самим? От меня Вы чего ждёте?

– Хочешь откровенности? Он мне нравится, у нас много общего, наши родители дружат, я, в конце концов, хочу его. Так понятнее? Я хочу, чтобы он вёз меня после ресторана в свою квартиру, а не прощался у подъезда моей.

– Вы хотите, чтобы я ему это посоветовала? – улыбнулась Милана. – Что-то с Вашим образованием не так. Послушайте, я соглашусь с тем, что я не пара Олегу, но я теперь сомневаюсь и в том, что эта пара Вы.

– Его родители никогда не примут тебя в свою семью, а Олег будет моим, пусть и не сразу, – не сдавалась Виолетта.

– Если Вы так уверены в своём будущем, зачем пришли ко мне? Поставить меня в известность? Заставить ревновать? Когда Олег придёт и скажет о том, что женится, пусть и ни на Вас, я его пойму. Наш разговор ни к чему не приведёт. Вы зря тратите своё время. Всего доброго, – улыбнувшись, сказала Милана. – Я Вас больше не задерживаю. Извините, я на работе.

Милана не рассказала Олегу о визите Виолетты. Причин для выяснения отношений не было.

– Послушай, Лана, получишь диплом, и до отпуска поедем на недельку подальше от всех. У тебя сложный период, у меня аврал на работе – потерпи.

– Не оправдывайся, я всё понимаю, и меня всё устраивает, только не ври мне. Договорились?

Получив заветные дипломы, группа собралась отметить это дело на теплоходе. Небольшой теплоход переделали в «плавающий» ресторан. Он курсировал вдоль берега летом, стоял на приколе зимой и пользовался спросом. На верхней палубе было шумно и весело, когда Милану на танец пригласил недавний знакомый Александр Ярош.

– Я тебя едва узнал, – сказал молодой человек. – Ты молодец, выглядишь очень эффектно.

– Спасибо. У меня праздник. Тебя каким ветром занесло на наш корабль? – спросила она улыбаясь.

– Попутным! Ты почему одна, без Олега? – спросил он.

– Он сослался на занятость, и будет ждать меня на берегу по возвращению из «кругосветки».

– Занят, говоришь? А мы с сестрой репетируем помолвку. Хочешь посмотреть? – спросил он, и Милана почувствовала, что он как будто издевается.

– Алекс, или не говори загадками, или вообще не говори.

– Хорошо, молчу. Ты хорошая девушка Милана, и мне очень не хочется тебя обижать, но ты слепа и доверчива, – говорил он, положив ей свою руку на плечо.

– Это неудачный комплимент или упрек? – спросила она, убирая его руку со своего плеча.

– Считай, как хочешь. Идем со мной, и я тебе открою глаза на некоторые вещи, – сказал он, беря ее за руку, и повел на нижнюю палубу. – Олег знал, где будет проходить ваш банкет?

– Нет. Мы договорились встретиться в полночь на речном вокзале. Там будет небольшой салют в нашу честь. Раньше выпускники школ встречали рассветы на реке, а мы решили в полночь устроить салют.

– А вот моя сестра точно об этом знала. Смотри! – он показал на пару, которая танцевала целуясь. Милана узнала

Олега и Виолетту.

– Тебе это зачем? – спросила она и голос дрогнул. – Решил помочь сестре убраться соперницу?

– А ты предпочитаешь, чтобы тебя и дальше обманывали? Я не одобряю выбора сестры. Только она меня не слушает и ждет, когда твой Ромео наберется мужества и сделает свой выбор.

– Передай своей сестре, что на этот раз у нее все получилось. Вы друг друга стоите. А предпочитаю я, чтобы в мою жизнь не лезли, – сказала она, поднимаясь. – Да, за борт я прыгать не буду, и на шоу можешь не рассчитывать. «Черт возьми, до возвращения к причалу не меньше двух часов. Что я эти два часа буду делать?» – думала она, присаживаясь за столик на свое место.

– Милана, у тебя все в порядке? Чем ты расстроена? У тебя такой вид, будто ты увидела приведение, – сказала её соседка. – Ты этого мажора знаешь?

– Это знакомый Олега. Ты знаешь, меня трудно вывести из себя, но ему это удалось. Разговор как-то не задался, – ответила она.

Прошли минут десять, когда рядом с Миланой к столу присел Олег.

– Что тебе наговорил этот клоун? – спросил он сердито.

– Ты о брате Виолетты? Говорил мало, но проводил и показал довольно реальную картину поцелуев танцующей пары. Если бы не присутствие посторонних, этот поцелуй мог

закончиться постелью. Скажи мне, что я все неправильно поняла. Разве вечером сегодня ты не был занят? О чьей помолвке говорил Александр? – глядя на Олега, спрашивала Милана.

– Прости! Почему ты веришь ему, а не мне? Предложение от тебя поступило, я его принял. Мне нужно было быть на речном вокзале в полночь. Я там и собирался быть в назначенное время, – оправдывался Олег. – Управился раньше и принял ещё одно предложение. Решил своё ожидание провести на реке. Да и поцелуй этот ничего не значит.

– Мы с тобой знакомы почти год, и я прекрасно знаю, чем заканчиваются подобные поцелуи, – говорила Милана, не глядя на Олега. – Ты с появлением этого святого семейства изменился. Тебе самому нравится жить во лжи и неопределённости? Мне конечно неприятно, но лучше было объясниться и не водить меня за нос.

– Милана, я проводил с ней время, но не спал, – оправдывался Олег.

– Олег, я похожа на неискушенную школьницу, которая в этот бред поверит? А вот Виолетта утверждает обратное, и я, зная твой темперамент, склонна ей верить. Как быть с этим? Передай ей, что она победила.

– Ты о чём? – удивился он.

– Мне чётко дали понять, что я тебе не пара. Просили оставить тебя в покое. Рассказали, как вы вдвоём проводите весело время. Давай на этой ноте, закончим выяснять отно-

шения, которых больше нет, – предложила Милана. – Говорят, здесь есть катер. Помоги мне добраться до берега, точнее вернуться назад. Для меня сегодняшний вечер уже закончился. Ты же не хочешь скандала со своим участием, который может устроить пьяная выпускница? Я видела здесь журналистов местной прессы.

– Вот так всё просто? Ты даёшь мне полную отставку без всяких упрёков и ничего не просишь взамен? Это неправильно и ты это знаешь.

– Олег, ты мне ничего не обещал и не клялся в вечной любви, но и врать друг другу мы не договаривались. Я понимаю, что ты меня пожалел, не хотел обижать и надеялся в ближайшее время сам признаться в том, что мы расстаёмся. Теперь это лишнее. Я всё понимаю без лишних оправданий. Я хочу домой. Ты можешь меня не провожать, но позаботься о транспорте.

Милана вернулась на берег, села на заднее сидение не в такси, которого не оказалось, а в машину, которая остановилась рядом с ней. Она даже не подумала о своей безопасности, утирая редкие слёзы, которые сами по себе катились по щекам.

– Тебя обидели? – спросил участливо водитель, лица которого Милана не видела из-за отсутствия света в салоне.

– Сделали выбор не в мою пользу, – грустно ответила она, вытирая слезы.

– Посмотри в окно. День сегодняшний ушёл, ночь закон-

чится. Как думаешь, рассвет наступит?

– Обязательно, – ответила она.

– Вот и думай о новом дне, который наступит с рассветом, а не о том, который ушел с закатом. Есть старая, старая песня: «Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает», кажется, Пьеха поет. Еще неизвестно, кому в этом выборе повезло. Тебе лет двадцать? Жизнь для тебя только начинается. Пусть слезы льют те, кто этот выбор сделал не верно, – подвел итог водитель и, включив негромко музыку, замолчал, давая Милане возможность самой решить плакать дальше или успокоиться.

Подъехав к дому, Милана протянула водителю купюру. Он взял деньги и протянул ей небольшой букет белых роз.

– Это на сдачу. И не реви больше. Всё проходит, пройдёт и это, – сказал водитель автомобиля.

– Спасибо. Это мои любимые. Откуда они у Вас?

– Мне, как это не странно, тоже дали отставку. Это больно, но не смертельно. Удачи.

– Спасибо.

Милана прошла к калитке и вдруг поняла, что голос водителя был ей как будто знаком. Она обернулась, но автомобиль уже развернулся и уехал. «Как он привёз меня домой, если я ему не называла адреса. Он подарил букет моих любимых цветов. Это не может быть случайностью. Кто-то обо мне побеспокоился, но кто? – думала она, входя во двор. – Неужели папа «приставил ко мне негласную охрану? Чей же

это был голос?»

– Ты почему так рано? – спросил отец.

– Пап, все вопросы и ответы завтра. Я хочу побыть одна.

Извини.

Принимая душ и одновременно роняя слезы, она думала о том, что уже завтра ее начнут все жалеть и сочувствовать. Твердо решив куда-нибудь уехать хотя бы на время, Милана вспомнила о работе, о том, что нужно помогать отцу. Лежа в постели, услышала тихий стук в дверь, после которого в комнату вошла Светлана.

– Девочка моя, что произошло? Тебя обидели? – спросила она, присаживаясь на край кровати и беря Милану за руку.

– Меня в очередной раз обманули, – тихо ответила Милана. – Сначала Егор со своей беременной подругой, теперь Олег с новой невестой. Почему не сказать правды? Что со мной не так?

– Я думаю дело ни в тебе, а в них. Они, зная твой характер, никогда сами не признаются в грехе. Надеются, что пронесёт, и ты ни о чем не узнаешь, есть шанс не потерять тебя или вернуть. Не думаю, что Егор нашёл то, что ему нужно. Для него обстоятельства так сложились, а Олегу, возможно, родители «промыли мозги». Ты мне скажи откровенно: что ты чувствуешь кроме разочарования и обиды? Жизнь с «потерей» Олега не заканчивается?

– Нет. Мы в последнее время с ним редко виделись и как-то отделились друг от друга. Скажи он сам обо всём прямо,

я бы его поняла. Это было бы честно.

– Значит, Милана, это не любовь, а влюбленность или страсть. Эти вещи не смертельны. Отпусти его с миром, забудь и живи дальше. Любовь – это нечто большее. Ты это сама поймешь, когда полюбишь по-настоящему, – успокаивала её мачеха.

– Света, я хочу уехать, все равно куда, и начать все с чистого листа. Небольшой опыт работы у меня есть, диплом на руках.

– Успокаивайся, сегодня отдыхай, а завтра утром поговорим. Ты можешь уехать в любое время, в любую точку земли, но прежде подумай об Илюхиных. Спокойной ночи, – сказала Светлана, целуя её.

– Спасибо. Передай папе, что всё в порядке. Приятных снов.

Спала Милана беспокойно. Она видела во сне смеющуюся Виолетту, которая толкнула её за борт, и с ужасом поняла, что находится не на реке, а в открытом море. Море сменилось горами, и она уже летела в пропасть. Проснувшись с рассветом и больше не уснув, она лежала и думала. Думала о том, что уже не чувствует к Олегу ни симпатии, ни разочарования, ни обиды. «Света права, если меня не будут «жалеть», я быстро справлюсь с этой «потерей», – решила она.

– Ты хочешь самостоятельности? – спросил отец утром за столом перед завтраком.

– Нет, пап. Я просто хочу на время сменить обстановку.

Мою свободу никто не ограничивает, работа мне не в тягость. Хочется и вас не подводить и перемен во всём.

– Если тебе станет легче, внучка, я могу тряхнуть старинной и выйти на работу вместо тебя, – сказал дед Михаил Васильевич Тихонов. – Старые кадры не в почёте, но и они кое-что могут.

– Сиди дома, старый кадр, – улыбнулась бабушка Антонина Степановна. – Милана работала полдня. Света может это делать сама, не контролируя старые кадры, а мы с тобой с внуком справимся. Сашеньке седьмой месяц.

– Я подумаю, – сказала Милана. Она была благодарна семье, которая не воспитывала её, не обвиняла в малодушии. – Мне сегодня ещё к Тихомировым нужно съездить. Руслан сдал тест, Влад с дедом приезжают.

– Дочка, а поговори с Александром Степановичем, – предложил отец. – У него есть много знакомых по всей России и за рубежом. Возможно, он найдёт, где ты сможешь отвлечься.

– О чём, пап? Он свой бизнес «сворачивает» и собирается вернуться сюда. Да и что я ему скажу? Что меня бросил очередной кавалер. Я не буду говорить об этом ни ему, ни мальчишкам.

Милана выехала из дому и по дороге к Тихомировым заехала в церковь. Ей хотелось поговорить с Отцом Павлом. Она нашла священника во дворе его небольшого дома.

– Здравствуйте, Отец Павел.

– Проходи Меланья. Редко бываешь в храме. Как здоровье брата? Присаживайся.

– Вашими молитвами, слава Богу. Учёбу окончила, работаю, по выходным брата навещаю. Вот по дороге к нему заехала к Вам. Все живы и здоровы. Теперь у меня, вместо двух дедов и бабушек, их три, два отца, три брата. Всё хорошо, а радости нет.

– Грустишь от чего? Должна быть причина.

– Сколько можно прощать предательство?

– Столько, сколько будут предавать, Меланья. Не простить, значит носить этот груз в себе. Кому от этого хуже? Тебе, дитя моё. Прости и отпусти. Не бери обиды прошлого в новый день. Помни о том, что все мы не без греха. Разница лишь в том, что одни каются, а другие только собираются, – говорил он, и Милана чувствовала в его речи участие. От его слов ей становилось спокойнее на душе. – Храни тебя Бог!

К обеду Милана подъехала к дому Тихомировых. После злополучного разговора с биологическим отцом, они виделись за это время всего пару раз. Александр Степанович видел, что внучка чем-то расстроена.

– Что у тебя случилось? – спросил он. – Тебе радоваться надо, а не грустить. – Ребята, помогите бабушке накрыть на стол, а я поговорю с вашей сестрой. – Давай и ты, папаша, пройди с нами, – пригласил он в кабинет и своего сына. – Мне отец твой звонил. Мы теперь, хочешь ты этого или нет, одна семья, Лана. Мне не всё равно, что с тобой происхо-

дит. Да, мы знакомы мало, но ты мне дорога, как Руслан, как Влад. Хочешь сбежать от всех и зализывать раны? – спросил он.

– Нет у меня ран ни душевных, ни телесных. Если что и есть, так это небольшое разочарование. Не было ни большой любви, ни клятв верности. Только всем этого не объяснишь, а мне не хочется видеть сочувствующие взгляды, чувствовать излишнюю опеку. Я хочу просто побыть одна, привести свои мысли в порядок, – пыталась оправдаться Милана.

– Помнишь, год назад я предлагал тебе учёбу и стажировку?

– Помню.

– Для тебя Лондон подойдет? Присядь и послушай. У меня есть старые знакомые в Англии. Они конечно не Абрамовичи, но на ногах стоят крепко. Есть в Бирмингеме представительство некой компании. Штат человек пятнадцать-двадцать. Есть вакансия для нерадивого сына, но ему учиться ещё год, а пока папаша тянет эту лямку. Звонить?

– Не знаю. Вы думаете это реально?

– Позвоним и узнаем. Тебя что смущает?

– Всё. Я мечтала о стажировке за границей, но как-то не представляла себя за пределами России, – говорила Милана.

А дед уже звонил невидимому знакомому из далёкой Англии. Он минут семь задавал вопросы, слушал ответы, делал пометки на листе бумаги.

– Значит так: с первого августа тебя ждут. Документы бу-

дут готовы в течение месяца. Теперь, что касается магистратуры, Лана. Официально подавать документы нужно было ещё весной. Но, если мы с тобой предстанем пред светлые очи лично – всё может у нас получиться. Сделаем упор на стажировку, а обучение оставим на втором плане. Получится с обучением – приоритеты поменяем на месте. Ну как, согласишься? Осилишь? – спросил дед Тихомиров, явно довольный собой.

– Боюсь, что мой английский далёк от совершенства. Хотя, деньги на обучение у меня есть, – нерешительно сказала Милана.

– Ты меньше всего думай о деньгах, – сказал Александр Степанович. – Пусть о них твой папаша думает. За ним организация поездки, а за тобой все бумажные дела. Телефоны я все записал.

– Ты когда возвращаешься в Москву? – спросил сын отца.

– Двадцать пятого, – ответил Тихомиров старший. – Полетим Милана с тобой в Москву вместе. Я подключу своего юриста, и мы сделаем всё там, а через пару дней полетим в туманный Альбион.

– А если у меня не получится? – спросила Милана, в голосе которой слышалась нерешительность.

– У тебя и здесь может не получиться, – улыбнулся дед. – Ты должна попытаться, а не получится – будешь трудиться в фирме отца или в компании «Сибстрой». Здесь тебе придётся выбирать.

– Я говорю о языковом барьере, – не сдавалась Милана.

– А ты о нём не думай. В понедельник дуй в свой университет. В запасе у тебя неделя. За это время за тобой – все необходимые бумаги на возможное обучение, за мной – бумаги на стажировку. И ещё, Милана, передай отцу, что я тебя не покупаю, я просто хочу немного помочь. А теперь идём к столу.

Оба подростка, узнав о возможном отъезде сестры в Англию, и радовались, и огорчались одновременно. Прошёл всего год, как они познакомились, но оба привязались к ней. Руслан был ей благодарен за своё спасение и за поддержку, а Влад, с появлением сестры, уже не считал себя брошенным и никому ненужным. Это она не давала им себя забыть, интересуясь делами каждого.

– Милана, Сергей Ильич сказал, что со мной всё в порядке, – доложил Руслан.

– Я за тебя очень рада. Обещай мне, что не пропустишь ни одного приёма, даже если с неба будут сыпаться камни, – глядя на брата, просила она.

– Обещаю. Как ты думаешь, куда мне поступать учиться?

– А сам ты чего хочешь? Только не говори мне о медицине. Ни дед, ни отец тебя не поймут. Подтяни математику, сдашь ЕГЭ, и подадим документы в два-три вуза, пока ты окончательно не определишься, – предложила сестра.

– Я хочу как ты, как отец. Влад хочет поступать в колледж, на системного администратора.

– Разумно. Ты у нас с компьютером на «ты». Отцу проще будет передать свой бизнес знающему специалисту, а хакер у нас уже один есть. – Давайте, ребята, договоримся: пару дней я занимаюсь своими делами, а ты, Влад, за это время готовишь документы. Отвезём их вместе по учебным заведениям и будем ждать. Как обстановка в доме? Это хорошо, что теперь вы будете жить вместе, – поинтересовалась Милана.

– Отец стал почти таким, каким был до моей болезни. Два раза в неделю отсутствует, а остальные дни дома. Или он меняется, или я привыкаю, – говорил негромко Руслан.

– Рус, а жениться он не думает?

– Не знаю. Разговоров на эту тему я не слышал. Да я и не хочу молодую мачеху, какая бы она хорошая не была.

– Бывают приличные женщины и в возрасте. Тогда бабушке, с вами мужиками, было бы проще, – предположила Милана.

– Мне через год будет восемнадцать и, если будет плохо, мы переселим отца в квартиру, которую переписала на меня мать. Я не хотел тебе об этом говорить. Встреча была такой унижительной и короткой, что о ней вспоминать не хочется. Не обижайся, – просил Руслан.

– Ничего, брат. Среди нашего окружения есть люди, которые нас искренне любят. Нам с вами не на что жаловаться. У нас есть всё для счастья и даже деньги, и нас трое. Прорвёмся!

После обеда, проводив Милану и взяв с неё слово, прие-

хоть через пару дней, парни занялись своими делами, а Тихомиров старший беседовал с сыном.

– Лёшка, сын, ты действительно такой тупой или хочешь казаться таким? – глядя на сына, спросил отец с недоумением. – Тебе пятый десяток, трое детей, престарелые родители, а ты всё ищешь чего-то. Чего тебе не хватает? Хочешь жениться – женись, но не забывай о детях. У тебя дочь – подарок судьбы. Мальчишки к ней тянутся не за красивые глаза, за душу её. Ты должен наизнанку вывернуться, чтобы подружиться с ней. Другая, на её месте, близко бы к тебе не подошла, а если и подошла, то за деньги. Меняйся, Лёшка. Ты должен наладить с ней отношения, а иначе ты просто потеряешь мальчишек. Если им придётся делать свой выбор – он будет не в твою пользу. И деньги своей роли в выборе не сыграют.

– Я пробовал, отец. Она мне не верит, – ответил Тихомиров младший, вспоминая разговор с Миланой.

– Ты пробуй не словами, а делами. Да так, чтобы она могла только догадаться, что это твоя работа. Языком болтать – занятие пустое, ты делом докажи. Не знаешь как? Спроси её отца, напряги мальчишек, но не сиди, сложа руки. Я сегодня ждал, что ты помощь предложишь, а ты сидишь как истукан.

А в это время Милана, ехавшая домой, была переполненная двойственным чувством. С одной стороны её переполняли эмоции от возможной поездки, с другой – она была напугана. Да, она хотела уехать, но не в другую страну, где всё бы-

ло чужим. Собрав всех в гостиной, она рассказала о неожиданном предложении старшего Тихомирова.

– Что мне делать? – спросила она, закончив повествование.

– Самое разумное – предложение принять, – сказал дед. – Ты понимаешь, что можешь убить сразу двух зайцев? Я лично за поездку. Сколько стоит обучение?

– Я не знаю, дедуля. Александр Степанович предлагает мне собрать документы и полететь с ним сразу в Москву, а потом в Англию. Он еще просил передать тебе, папа, что он меня не покупает.

– А я тебя ему и не продам. Но я тоже за поездку. Ты помнишь пословицу: «Лучше сделать и пожалеть, чем пожалеть не сделав»? Я думаю с твоим характером у тебя всё получится, – с какой-то гордостью сказал отец.

– Поезжай, внучка. Мы справимся, – сказала довольная бабушка. – Год быстро пролетит. Как только к твоему отъезду Маша с Николаем отнесутся? Уговори их приезжать к нам по выходным в гости.

Милана решила позвонить Полине Антоновой и поделиться с ней своими последними новостями. Полина приехала в дом Тихоновых. Выслушав Милану не перебивая, Поля решила на разговор с подругой детства.

– Ты уезжаешь из-за Олега? – спросила она.

– Скорее нет, чем да, – ответила Милана. – После Нового года всё как-то изменилось. Мы стали реже видеться. Я го-

товилась к диплому, Олег ссылался на свою занятость. Знаешь, ко мне подруга его приходила, Виолетта. Дала понять, что мы с ним не пара и просила оставить его в покое.

– А ты сказала об этом ему? – спросила Полина.

– Нет.

– Почему?

– Не знаю. Может, побоялась услышать правду. Он не был похож на человека, играющего роль.

– Ланка, ты старше меня на два года, а наивная как девочка. Твой Олег – редкостное дерьмо. Не смотри на меня так, я знаю, о чём говорю. Я часто видела его в клубе вместе с этой Виолеттой. Это не самое странное или смешное. Самое смешное то, что я сама с ним спала. Да, Лана, представь себе, спала. Твой день рождения и стал началом нашей сексуальной связи. Да, я была выпивши, но он был трезв, когда подвозил меня домой. Это была какая-то животная страсть. Я узнала с ним, что такое настоящий секс, я визжала от восторга и ехала к нему по первому звонку. Знаю, что я дрянь, но это было выше моих сил. Ты можешь понять, что я почувствовала, когда узнала, что он с тобой в пустом доме? У меня крышу и снесло.

– Ты же была у меня после угона машины. Почему не сказала обо всём? – удивилась Милана.

– А ты бы мне поверила? Во-первых, он меня бросил, заставив унижаться, а во-вторых, пригрозил уголовным делом. Всё быстро закончилось. Господи, какой же я была дурой.

– Я тебе не верю, – глядя на Полину, говорила Милана.

– Не верь. Я выговорила, мне стало легче. Можешь меня ненавидеть и выставить за дверь, – сказала обречённо Полина. – Если для тебя важно, я расскажу, где он живёт, опишу интерьер в его квартире. Он умеет доставить удовольствие, но ещё лучше у него получается унижение, после которого, ты его начинаешь люто ненавидеть, – призналась Полина. – Я его не оговариваю, я сама не лучше его и получила то, что заслуживаю. Прости меня.

– Не вспоминай, если это доставляет боль. Успокойся. Между нами всё закончилось, – говорила Милана, сбитая с толку такой новостью. – Мы не будем больше говорить с тобой об Олеге. Он не стоит нашего внимания.

– Теперь я скажу тебе ещё одну вещь, которая не давала мне покоя. Думаю, что это Пашка «подложил» Вику под Егора. Я как-то слышала, ссору Пашки с Викторией. Он предлагал ей переспать с Егором или имитировать связь, а она отказывалась. Только Вика была, как кошка, влюблена в брата, и я смогла её понять, сама связавшись с Олегом. Брат бы добился тебя, не исчезни ты из города. Ему нужно было любым способом убрать Егора с дороги, – призналась Полина. –

– Но Егор не отрицал возможного отцовства, – возразила Милана. – Я видела их вместе дважды.

– А ты себя будешь помнить, приняв алкоголь с клофелином? И в клубе на дне рождения Егор не просто так к Вике «воспылал». Это я позже поняла, что мой братец что-то ему

подмешал. Ты не могла не слышать их разговора стоя за колонной. Я видела тебя.

– Выходит, я должна оправдать с опозданием на год Егора, и утопить Олега? – отрешённо спросила Милана.

– Говно не тонет. Олег не лучше моего брата, а Егора просто подставили. Прости меня, Лана. Я себя не оправдываю, но и он не заслуживает прощения.

– Ладно, Полина, хватит говорить о них обоих. Я виновата уже в том, что совсем не разбираюсь в людях. Одним не верю, другим слепо доверяю, а они при этом врут.

Двадцать восьмого июня Александра Степановича и Милану уже встречали в Бирмингеме.

– Если не устали с дороги, начнём с Астонского университета. В десять часов у нас собеседование, – говорил Мишель Кауфман, он же Михаил Степанович, пятидесяти лет от роду, уроженец Сибири, и «ученик» Тихомирова. – Жить юная леди может у нас. Днём работа и учёба, а платить за один ночлег – неразумно. Давайте, господин Тихомиров, договоримся сразу: Вы оплачиваете обучение, а остальное не Ваша забота. Ты в своё время помог мне, теперь я просто хочу помочь тебе. Тем более, от моей помощи ты не сможешь отказаться.

Семья Кауфман «приютила» деда с внучкой на два дня в гостевой комнате, где Милане придётся жить в дальнейшем. Жену хозяина звали Елизавета Антоновна. Ей было сорок пять лет и домашние звали её Лиз. Сына звали Кирилл. Он

был ровесником Миланы и перешёл на третий курс университета. Второго июля они вернулись в Москву.

– Двадцать восьмого мы вернёмся в Москву, «исправим» все недочёты, и я тебя отправлю уже самостоятельно, – говорил Александр Степанович. – Бери те вещи, к которым ты привыкла, в которых тебе удобно и прислушиваясь к советам Елизаветы.

– Спасибо, дедушка, – сказала Милана, назвав Тихомирова старшего в первый раз дедом. – Как там поет Григорий Лепс?

«Пришел момент всё в жизни поменять и новые вершины покорять. Я уеду жить в Лондон, я уеду жить в Лондон! Я еду туда, где большая вода, может быть навсегда», – пропела она строчку из песни.

– Ты не сможешь жить без всех нас долго, и я этому рад, моя дорогая внучка, – сказал он, целуя её в висок. – Настройся и всё получится.

Первое, что сделала Милана, вернувшись в город, заехала к Илюхиным, рассказав им обо всём, и созвонилась с преподавателем английского языка. Осилить за три недели язык невозможно, а вот «подтянуть» вполне реально. Она занималась два-три часа в день с преподавателем и столько же самостоятельно дома, между делом, но очень тщательно, перебирала свой гардероб. Вещей оказалось немного. Зимние вещи не брались из-за отсутствия зимы, как таковой, а летние – по минимуму, сезон заканчивался. Светлана посоветовала

товала купить осенние вещи дома, уделяя особое внимание непромокаемой обуви. Для работы – тёмные низ, светлый верх. Для учёбы отдавалось предпочтение брюкам, для работы – юбкам. Одним словом, все вещи вошли в один чемодан и небольшую дорожную сумку.

– Я буду звонить каждую неделю в выходной, – говорила Милана прощаясь. – Берегите себя.

Глава 5

Каждая суббота начиналась с телефонных звонков. Всё у Миланы складывалось хорошо. Работа ей нравилась, а учёба особо и не напрягала. Да, нагрузки были большие, но сам процесс обучения позволял заниматься самостоятельно определённой темой, посещать университет в строго определённое время два-три раза в неделю. Повезло и в том, что большая часть сотрудников была русскоговорящая. Общение на русском языке между собой не приветствовалось, но это не означало, что существовал запрет. Она получала небольшую зарплату, но и получала стипендию, которая почти покрывала две третьих стоимости обучения. Милана через месяц уже догадалась, что стипендию ей «выплачивает» дед. Жила она почти на всём готовом: завтрак и ужин ей обеспечивала семья Кауфман. Она покупала только сладости или фрукты, когда по выходным занималась дома. В квартире старалась бывать реже, чтобы не мозолить глаза хозяйке. Свою комнату убирала сама, а стиркой занималась в отсутствие хозяев. На работу и в университет добиралась общественным транспортом. Она могла позволить себе поездку в офис с Михаилом Степановичем только в сильное ненастье. С сотрудниками офиса Милана нашла общий язык, но дружбу, ни с кем не завела. Поехать домой на неделю перед Новым годом, она не рискнула. Каникулы каникулами, но ста-

жировку никто не отменял. Это время было распределено так, что она смогла и закончить триместр, перейти к следующему и отдохнуть. Чуть больше Милане повезло в апреле. Погода была хорошая, и она смогла по выходным «путешествовать по городам и весям». Когда долгожданный диплом был получен, уехать домой, нарушив свой контракт, она не смогла. Два месяца её рабочий день длился семь часов.

Милана вылетела рейсом из Бирмингема в ночь с первого на второе августа, приземлившись в родном аэропорту рано утром в воскресенье. Она не была дома целый год. В аэропорту её встречал отец. Они стояли, обнявшись минуты три, и оба молчали.

– Папка, как же я соскучилась. Как Санька и Света? Как мои любимые дедушки и бабушки? – спрашивала она нетерпеливо. – Как прошли Юбилеи дедов?

– Всё хорошо, моя родная, всё хорошо. Все живы и здоровы. Саньку не узнаешь. Тебя дома ждёт такой сюрприз, – разглядывая дочь, отвечал отец. – Ты стала на вид как будто взрослее и даже солиднее. Такая, леди из самого Лондона. Спроси меня о чём-нибудь по-английски? Родной язык не забыла?

– Если откровенно, то я больше старалась слушать, чем говорить. Проблем с языком не было, была проблема выразить свои мысли на этом языке. В голове одно, а донести это до собеседника слов не хватает. Так что речь моя состояла из простых коротких фраз. Разговаривай я так дома, меня

все посчитали бы букой.

Они подъехали к дому в семь утра. Две бабушки и два деда встречали их во дворе. Милана растерялась, не зная кого обнять первого. У бабушки Марии на глазах появились слёзы, и Милана решила начать с неё. Обняв пожилую женщину, она гладила её по плечу и утешала.

– Радуйся, деревня! Внучка из самого Лондона прибыла, а ты сырость разводишь. Миланке там сырость надоела, – говорил он, обнимая внучку и жену одновременно. – Как долетела? Подарки не растеряла? Бабка из-за подарка переживает. Слезу пустила.

– А ты, дед, всё юморишь? – целуя деда, улыбнулась внучка. – Подарок получишь последним, как самый стойкий.

Милана обняла бабушку Тоню, которая всегда была более сдержанная.

– Слава Богу, что приехала. Оно спокойнее, когда все рядом, – говорила она, целуя внучку. – Мне кажется, ты похудела, но и похорошела.

– На вас всех не угодишь, – сказал дед Михаил, бесцеремонно отодвигая свою жену и обнимая Милану. – Налетели на девчонку. С вами похудеешь. Сказки все позабыли. Накорми, напои, а потом и разглядывай. – Всё получилось, солнце ты наше? – спросил дед, и, поцеловав Милану в висок, обнял за плечи. – Пойдём в дом, там всё и расскажешь.

Они прошли в дом и расположились в гостиной. Милана знала, чего ждёт старшее поколение и не стала с этим тянуть.

Она открыла свою сумку и, достав два документа, протянула их дедам.

– Всё хорошо, родные мои. Я очень за вами скучала и первое время, пока адаптировалась, и два месяца перед отъездом. Я могла приехать после получения диплома, но ваше воспитание мне это сделать не позволило. Сидела до окончания контракта.

– Ланочка, внучка ты наша дорогая, куда и к кому с этими бумагами нам прикажешь идти? – язвительно спросил дед Николай. – Может это и не диплом, а реклама? Ни слова на родном языке, а перевода нет. Я немецкий изучал, Михаил французский, а Лёня отец, он и соврать может.

– Дедуля, на твоей кредитной карте на каком языке фамилия написана? Может она и не твоя? – улыбнулась Милана. – Ты своими шутками бабулей заставишь сомневаться в том, была ли я вообще в Англии.

– С них станется. – Прошу прощения, дамы. Одна бумага об образовании и выдана Астонским королевским университетом, другая о прохождении стажировки. Подписи, печати, всё как полагается. – Тащи внучка свой багаж наверх и спускайся к завтраку. Соловья баснями не кормят.

Милана поднимала свой багаж вместе с отцом в свою комнату, а спустившись, увидела Светлану и Саньку, которому было год и восемь месяцев. Общения с братом не получалось. Он ни то боялся посторонней тётки, ни то смущался её. Они не успели сесть завтракать, как в дом вошли дед и ба-

бушка Тихомировы, и их внуки. Милана обняла и расцеловала их, на ходу интересуясь делами каждого. Супруги Тихомировы присоединились к старшему поколению, а ребята остались с Миланой.

– Лана, я прошёл на бюджет. Спасибо тебе за поддержку, – говорил Руслан.

– А я первый курс окончил без троек, – доложил Влад.

– Мы обязательно обо всём с вами поговорим. Я вами, ребята, горжусь. Как отец? У вас всё нормально? Где он?

– Лучше не бывает, – ответил Руслан. – Он привёз нас, а сам остался в машине.

– Давайте с дедом к столу, а я скоро вернусь.

Милана вышла за калитку и подошла к машине. Алексей Тихомиров сидел на месте водителя, опустив голову на руки, лежавшие на руле. Окно было приоткрыто. Она постучала по стеклу. Тихомиров поднял голову, посмотрел на Милану и, открыв дверь авто, вышел из машины.

– Не хотите составить нам компанию? – негромко спросила она. – Давайте уже мириться. Я осознаю, что в прошлый раз наговорила лишнего, но пока повода для конфликта нет – давайте жить дружно.

– Ты, действительно, меня простила? – спросил Тихомиров.

– Лично мне не за что на Вас обижаться. Обидно было за ребят, за Ваших родителей. Возможно, я по молодости чего-то не понимаю. Но если не заботиться о семье, зачем

её создавать? Ради чего и зачем жить, если от такой заботы остаются одни развалины? Я впервые целый год жила вдали от дома, скучала и не могу себя представить без семьи. Идёмте в дом. Хватит холодной войны. Пора нам попробовать жить в мире, – сказала она и протянула ему свою руку.

– Спасибо, – ответил Тихомиров, подавая свою руку для рукопожатия. – Попробуем жить дружно.

Милана не отпустила его руку, и они вошли во двор, держась за руки. Только сейчас до неё дошло, что и Тихомировых старших, и ребят приняли в доме отца так, как будто они не такие и редкие гости в нём.

За столом собралось тринадцать человек, двенадцать из которых были тесно связаны с Миланой. Три бабушки и три деда, два отца, три брата и мачеха, она же крестная мама. Ранний завтрак не помешал Михаилу Васильевичу начать «застолье».

– Фильм «Бриллиантовая рука» помните? Папанов сказал крылатую фразу: «По утрам пьют аристократы». Вот, прямо с утра и начнём. У нас повод есть, – говорил он, доставая водку и коньяк.

– Ты, Михаил, как всегда прав, но уж если цитируешь, так сказать классику, выбирай выражения более безобидные и полные. Я теперь буду думать: забыл ты о дегенератах или не хотел меня обидеть?

За столом юмор Николая Никитича оценили. Да и без юмора обстановка за столом была непринуждённой, друже-

ской.

– Антонина Степановна, доставай рюмки. У нас Мария свет Васильевна знатный кулинар. У неё что ни блюдо, то шедевр, а свежая закуска с утра, это лучше, чем утренняя закуска в ужин.

– Милана, девочка ты наша дорогая, слава Богу, что ты дома, что тебе всё удалось. Мы все скучали, волновались, ждали. Спасибо и Александру Степановичу за идею, а нам всем за то, что мы с тобою связаны. Видишь, какая теперь у нас большая семья, которая тебя любит и гордится. Будь здорова, Ланочка!

Мария Васильевна приготовила действительно ни одно блюдо, а целых два горячих, встав с рассветом. Гостей ждали к обеду, но что-то перемудрили и не учли, что встречи с Миланой ждут не только взрослые, но и подростки. Решили: встретиться с утра, а там будет видно – переносить торжество на обед или пусть оно само перейдет из завтрака в обед.

– Милана Леонидовна, позвольте и мне сказать пару слов, пока аристократам наливают, – улыбнулся дед Николай. – Ты у нас не только любимая, но заботливая и любящая внучка. У нас для тебя сюрприз. Это документы на новую квартиру. Держи бумагу и ключи.

– Вы меня выселяете из дому? – спросила она растеряно и чуть не плача.

– Глупая. Твоя комната за тобой и останется, – говорила Антонина Степановна. – Тебе пора жить своей жизнью и на

своей площади.

– Я говорила, без слёз не обойдётся, – вздохнула Мария Васильевна.

– Ты чего сырость разводишь? Из дому тебя не гонят, но кавалеров твоих Михаил всех распугает. Ему ж нужен зять, как Лёня. А где его взять? Так и просидишь в девках в этом тереме, – пытался перевести всё в шутку дед Николай. – Ты дослушай до конца эту эпопею, а потом и реви обо всём сразу. Мы с Леней квартиру обставили на свой вкус. Мальчишки с отцом и дедом при деле были. Я проверил: руки растут, откуда надо. Раиса Степановна с Машей посуду покупали, да бельё. Дело до скандала не дошло, но я запретил им покупать шторы. Как вспомню кухонные шторы у нас с рюшечками, так купчиху вспоминаю. Скажешь позже мне спасибо, что уберёг твои окна от такой «красоты».

Дед явно шутил, чтобы как-то отвлечь Милану, и она это поняла.

– Значит, все приложили к этому руку? А, где вы деньги взяли, заботливые вы мои?

– Кто про что, а она про деньги, – улыбнулась бабушка Тоня. – Мы с Михаилом переехали сюда, а квартиру свою продали. Света работает с Лёней, а мы всё равно с Сашенькой здесь. Чего ей пустой стоять? Ребята сняли всё на камеру, чтобы ты посмотрела.

– Мы думали, ты обрадуешься, – сказал Влад. – Мы с Русом будем к тебе забегать. От квартиры до колледжа всего

три-четыре остановки, а от университета – пять. Квартира классная, ты видела план? Давай, посмотрим вместе, а потом я покажу тебе запись.

Милана просмотрела документы, в которых оказался и план. Квартира состояла из кухни-гостиной и спальни. Общая площадь была шестьдесят квадратных метров, жилая – сорок два. Три окна, два из которых выходили на лоджию, смотрели во двор. Санузел находился в глубине квартиры. Влад включил запись, и Милана смогла увидеть интерьер квартиры. Прихожая была на вид метров пять длиной и шириной не менее двух. С левой стороны большой шкаф для прихожей за стеклом. Справа на стене домофон и небольшой столик. Дальше арка гостиной, которая соседствовала с кухней, расположенной на подиуме в одну ступень. Стандартный набор мебели и бытовой техники. Обеденный стол и четыре стула. В гостиной, на «границе» с кухней, стоял угловой диван, рядом кресло и журнальный столик. На противоположной стене от кухни, небольшой набор для гостиной и телевизор. Дверь в спальню была за матовым узорчатым стеклом. Здесь стоял светлый спальный гарнитур и был выход на лоджию. Санузел вместил в себя унитаз, раковину, под которой скрывалась стиральная машина, и душевую кабину.

– Ну, как тебе? – спросил Руслан. – Когда поедешь посмотреть новое жильё?

– Если у вас на сегодня дел нет – закончим праздник и поедем вместе, – предложила Милана. – У вас появились от

меня секреты?

– Это был не наш секрет, – оправдывался Влад. – С нас взяли слово, что ты не узнаешь о сюрпризе, а иначе нас бы не приняли в команду тимуровцев. Ты плохо знаешь своего деда?

– Знать бы какого из трёх, – пошутила она.

– Милана, ты как планируешь своё время? – спросил Алексей Александрович.

– Пару дней буду приходить в себя, а потом – искать работу. Папа со Светланой справляются без меня, а я посмотрю, что мне могут предложить.

– Зачем её искать, если она сама тебя уже нашла, – сказал Александр Степанович. – Мне Михаил так тебя нахваливал, что грех отказываться от такого перспективного кадра. Мы под тебя уже и должность новую ввели. Будешь у нас не просто экономист, а бизнес-аналитик.

– Вы хотите меня сегодня добить до конца?

– Бить они тебя начнут числа с десятого, а пока поезжай с ребятами куда-нибудь на недельку, – предложила бабушка трех внуков. – Вы все заслужили небольшой отдых.

– Милана, отец предлагает на базу отдыха, – сказал Руслан.

– Стоп! Какая база отдыха? Тебе нельзя спать в палатке. Ты у доктора был?

– У доктора мы были вдвоём, – ответил за Руслана его отец. – Жить мы будем в домике со всеми удобствами. Озе-

ро, рыбалка, поле, лошади. Сергей разрешил ему всё, кроме экстрима.

– Поезжай, Лана. Сил наберёшься, с ребятами пообщаешься.

– Пап, ты не обидишься? – обратилась она к отцу.

– Я порадуюсь, – сказал отец, обнимая Лану за плечи. – И отдохнуть тебе надо, и работать в компании покруче нашей. Не будем справляться – попросим о помощи. Я рад за тебя, правда.

Тихомировы старшие уезжали с сыном, оставив внуков с Миланой. В планах у молодёжи была поездка на новую квартиру сестры, после которой она привезёт их по месту прописки.

– Милана, ты, когда пойдёшь к Наташе? – прощаясь, спросил Алексей Александрович. – Можно мне с тобой?

– Заезжайте завтра утром часов в девять, – ответила она. – Дедуля мне бы с тобой поговорить, – обратилась она к деду Николаю. – Два года прошло, а мне один вопрос покоя не даёт. Когда я была с Русланом в Москве, выяснилась одна деталь. Если говорить проще, то моя мама, а твоя дочь, и мать Руслана могли быть сёстрами. Мне от такого родства мало радости и всё же.

– Лана, девочка моя дорогая, мне шестьдесят пять лет, и то, что я лет тридцать, как остепенился, не делает мне особой чести. Наташа лет в пятнадцать поставила мне ультиматум, и я придержал коней, – говорил Николай Илюхин. –

Лёшка Тихомиров против меня мальчишка сопливый. Как меня Маша столько лет терпела? Романов у меня долгих не было, и женщин я за нос не водил. Все знали, что я женат, что дочь растёт, и ни одна не предъявляла, ни прав, ни претензий. Возможно, где-то могут быть дети, но мне об этом неизвестно. Я всегда любил твою бабушку, ну а то, что гулял, как мартовский кот, скрывать не стану. Всё может быть.

За год самостоятельной жизни в чужой стране, Милана привыкла не только к порядку в делах, но и полностью поменяла свой имидж. Теперь их было как будто две: одна напминала, в элегантной одежде, ухоженную, молодую леди, которая говорила и двигалась спокойно. Вторая, в майке, джинсах и мокасинах, была похожа на подростка с моторчиком в одном месте. Вернувшись с отдыха, она переселилась в новую квартиру и вышла на работу. Теперь Илюхиных Милана навещала через день после работы, а к отцу с семьёй она ездила в выходные дни. У братьев теперь был свой график, и они сами назначали сестре время и место встречи. С Тихомировыми отцом и дедом она встречалась на работе.

– Лана, ты, готовишь себе еду? – спрашивала бабушка Мария Васильевна, которой шёл шестьдесят пятый год. – Чем ты, внучка, питаешься?

– Бабуля, я ем через день, когда приезжаю к вам, ну и еще в выходной, когда езжу к папе, – смеялась Милана. – Родная моя, я завтракаю каждый день, обедаю регулярно, а по вечерам есть вредно. Не ворчи. Я не похудела ни на грамм.

– Не похудела, а ходишь вся зелёная, – вставил своё слово дед. – Гуляй больше.

– Я, дедуля гуляю, но не каждый день. Прихожу домой, сажусь в кресло, слушаю минут сорок музыку и...

– Медитируешь, – перебил Милану дед, улыбаясь.

– И пью красное вино, – закончила мысль внучка.

– Потом соседи вызывают милицию, – сделал свой вывод дед.

– Угомонись, дедуля. Вина я выпиваю один бокал, а музыку слушаю в наушниках. Я, таким образом, расслабляюсь.

– Замуж тебе надо. Двадцать седьмой год идёт.

– Так не берёт никто дед. Да я и сама отношусь к этому без особого энтузиазма. Не встретила еще того единственного, чтобы захотелось быть рядом. Ты, не переживай родной. Когда-нибудь и мой принц объявится. Мне нужен человек для души, а не охотник за телом и мозгами, – смеялась Милана.

Прошло шесть лет с того времени, как Милана вернулась из Англии. Илюхин Николай Никитич умер в прошлом году в возрасте семидесяти лет, Милана переехала к бабушке, а весной этого года умерла и Мария Васильевна. Милана сда-ла квартиру и вернулась к себе. Тихомировым Александру Степановичу и Раисе Степановне исполнилось семьдесят, их сыну Алексею – пятьдесят. Старшие Тихоновы отметили то-же семидесятилетний Юбилей, а отец Миланы и Светлана – пятидесятилетний. Их сыну Саньке исполнилось восемь лет. Старший внук Тихомирова Руслан окончил университет, а

Влад после колледжа учился заочно. Им исполнилось двадцать четыре и двадцать три года. Самой Милане в сентябре исполнялось двадцать восемь. Все трое внуков работали в компании «Сибстрой». Александр Степанович отошёл от дел два года назад, передав свою долю акций внукам. А фирма Тихонова вошла в состав компании Тихомирова. Теперь бизнес стал для них семейным.

Милана, после истории с Олегом больше романов не заводила. Она, как будто боялась очередного обмана или не встретила ещё того единственного. Вошло ли это в привычку, сказать было сложно, но она не страдала от чувства одиночества. На работе она выкладывалась по полной программе, но и отдыхала два раза в год, разбивая свой отпуск. Ехала туда – куда хотела.

В начале августа Милане позвонила бывшая однокурсница Лена Дёмина, неизменная староста группы.

– Ланка, выручай. Давай, подруга, соберёмся пусть небольшой компанией, пока лето не кончилось. Быт заел, муж надоел, дети достали. Ни какой личной жизни, – шутила она.

– Я не против сбора. Что я должна сделать? Кого пригласить? Кому позвонить? – спросила Милана.

– Ты у меня самая безотказная. Сделала десять звонков: двое сразу ушли в отказ, трое думают, а пятеро, включая, подруга, тебя согласились сразу. Как думаешь кто это?

– Щербакова, Кузнецова, Свиридов и Шитов. Правильно?

– В точку. Тёма предлагает теплоход, как семь лет назад. Я идею поддержала. Погода позволяет, сезон нужно закрывать. Ждём тебя пятнадцатого в восемнадцать на причале. Ты будешь одна?

– Зачем мне в Туле самовар?

– Молодец! Узнав о твоём решении, Ботаник согласится и точно придёт. До встречи, подруга.

Милана отключила телефон и улыбнулась. «Ленка Дёмина была бессменным старостой все четыре года. Она устраивала и студентов и деканат. Никто не ожидал, что она выйдет замуж на четвёртом курсе, к госэкзаменам уже родит сына, а через год второго. Теперь в двадцать девять лет она жена и мама двух сыновей семи и шести лет. Надежда Щербакова и Ольга Кузнецова были подругами, что говорят – не разлей вода. Обе вышли замуж в две тысячи одиннадцатом, а через два года Ольга уже была в разводе. У обеих дочери ясельного возраста. Сашка Свиридов живёт в гражданском браке, а Тёма Шитов не женат. Я с ним встречалась пару раз за это время. Такой же ловелас, каким был, – думала Милана о сокурсниках. – Ленка придумала хорошую идею, но что из неё получится. Я ведь с ребятами общалась только по учёбе. В то время я была увлечена то Егором, то Олегом. Интересно, каким стал наш Ботаник? Борис Бортников, он же Ботаник был самым умным на курсе. Ему пророчили большое будущее, но он дальше учиться не стал. Лена говорила, работает в аудиторской компании. Когда он мне признался в любви на

теплоходе, мне было не столь жаль его, как себя. Признался робко, испугавшись своих слов, а потом осмелел. Как он тогда сказал: – «Ты не видишь, что творится у тебя под самым носом. Я люблю тебя не потому, что ты красивая или умная, а просто потому, что ты есть. Сначала Егор, потом Олег. Где они сейчас? А я вот он, рядом». Странно, но я не встречала его со дня банкета. Какой он сейчас наш Ботаник? Какими стали Финк Анна и Коваленко? Все ребята «устроились» с работой нормально, у одной меня за плечами компания отцов. Чтобы такое с собой «сотворить», чтобы сразить всех на повал? Ладно, пусть не всех, половину. – Мысль «сразить наповал», ушла еще, не созрев до конца. – Перед кем я выпендриваюсь? Ребята помнят меня такой, какой я была, а «рисоваться» у меня долго не получится. Я выйду из роли сама того не заметив. Как они это воспримут?»

Одним словом, Милана надела то, в чём чувствовала себя комфортно и с учётом августовского вечера, провести который ей предстояло вблизи воды. На ней был почти белый комбинезон из тонкого льна с длинным рукавом на манжете, рубашечным воротом и молнией впереди. Брюки чуть свободные с боковыми карманами, зауженные к низу и длиной до щиколотки. Туфли на шпильке. Волосы она собрала у висков в косички, оставив остальные распущенными. Милана подъехала к речному вокзалу. Сунув пару купюр в карман брюк, где уже лежал носовой платок, она вышла из машины, положив ключи в один, а смартфон в другой карманы.

Неспеша пошла к причалу и поднялась на борт, где её уже ждали. Все однокурсники были узнаваемы. Четыре молодых человека и шесть женщин собрались на встречу. Поздоровавшись и обнявшись с каждым, Милана отметила для себя, что Надя с Олей поменяли кардинально свой прежний имидж, а Свиридов набрал килограмм пять лишнего веса. Борис очень изменился. Худоба и сутулость исчезли. Он стал уверенным и знающим себе цену мужчиной. Милана получила свою порцию комплиментов. Выглядела она не хуже собравшихся, если не лучше. Они расселись за двумя столами и Лена Дёмина, по привычке, взяла на себя организацию вечера. Около часа они бедовали все вместе вспоминая прошлое, делясь настоящим. После горячего и достаточно выпитого, беседа велась уже с «соседями».

Милана не заметила, как к их столику подошёл Олег, и очень удивилась его присутствию.

– Надо же, как будто и не было семи лет. Ты и я опять на теплоходе, который развёл нас по разным берегам, – сказала она. – Ты что-то отмечаешь или решил совершить речную прогулку?

– Лана, мне тридцать пять исполнилось и я здесь с друзьями и партнёрами. Ты позволишь мне пригласить тебя на танец?

– Извини, но нет.

– Может, позволишь присесть? Я не слишком многого прошу?

– Попробуй. Будешь сыпать комплименты или поговорим без них? – спросила она улыбаясь.

– Ты очень изменилась и достойна комплиментов. Была студентка выпускница, стала деловой привлекательной женщиной. Ты выглядишь потрясающе. Как твои дела? Как жизнь, работа? – говорил Шейн, с неподдельным интересом рассматривая Милану.

– Тебе действительно это интересно? – удивилась она.

– Мне действительно очень интересно.

– Как же так? Мы живём в одном городе, ходим по одним улицам, а интерес возник ко мне через семь лет. Мне в это слабо верить. Работаю в компании «Сибстрой», живу после Англии в собственной квартире, два месяца назад купила новую машину, не замужем, детей нет, не привлекалась. Что тебя ещё интересует? Ты решил вспомнить прошлое? – она говорила и спрашивала так, как будто хотела поскорее отделаться от собеседника.

– Зачем ты так, Милана? У нас были с тобой в прошлом и хорошие моменты, – огорчился Шейн.

– Я тоже так думала, пока Полина мне не раскрыла глаза на некоторые моменты уже из вашей с ней жизни, – усмехнулась она.

– Ты склонна верить в бред влюбленной девчонки?

– Глупо встречаться с двумя сразу и надеяться, что это останется тайной. Это даже не глупо, а цинично. Ты использовал эту влюблённую девчонку, пока не добился меня, а по-

том бросил, как надоевшую игрушку, – говорила Милана, вспоминая Полину. – Ты знал причину угона машины и даже пригрозил ей статьёй. А ты знаешь, что она с тобой сделает, если встретит? Для неё нет срока давности. Мне страшно представить, какая кара настигнет тебя.

– А ты у нас без греха и вся в белом, – раздражённо спросил Олег. – Прямо ангел небесный.

– Моему ангельскому терпению нужна большая дьявольская сила, чтобы сейчас не сорваться, – говорила Милана. – То, что я в белом отрицать нельзя, и грехи за мной есть. Один из них ты. После тебя я больше не доверяю мужчинам, я их просто использую. Это тебе понятно? – Милана лгала себе и Олегу, но кто эту ложь мог доказать.

– Лана, я сделал чудовищную ошибку. Прости меня.

– Олег, чего ты хочешь? У тебя есть семья, дети?

– Я женился три года назад...

– Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела? – перебила его Милана. – Извини, но ты сам сделал свой выбор и не здесь на теплоходе, а гораздо раньше. Честно признаться, я недолго переживала обман. Поездка пошла мне на пользу, и, вернувшись, я уже о тебе не думала. Видимо, между нами не было любви. Я смотрю на тебя, а внутри нет даже лёгкого волнения. Постарайся понять – прошлое я отпустила и не вспоминаю из него ни хорошего, ни плохого. Живу настоящим для себя, а не для чужого дяди.

– Милана, мы можем быть просто друзьями, – предложил

Олег. – Хорошими знакомыми.

– Не можем. Я тебе не доверяю. Какая дружба без доверия? Я сейчас уйду, а ты возвращайся в свою компанию. Прощай, – сказала Милана, поднимаясь из-за стола.

Олег смотрел в след уходящей Милане и думал: «Ничего особенного – молода, умна, миловидна, но в тоже время дерзка. Почему же так хочется находиться рядом?»

Милана шла в дамскую комнату, уже забыв о встрече с Олегом. Его вид и самоуверенность вызывали у неё разочарование и какое-то чувство неприязни. Видимо, и тон её разговора можно было объяснить именно этим. Она поправляла причёску, когда вошла Виолетта.

– Ты очень изменилась, – сказала она, глядя на отражение Миланы в зеркале. – О чём был у тебя разговор с моим мужем?

– Обо всём и ни о чём. Мы не виделись семь лет. Он меня спрашивал – я отвечала и наоборот, – равнодушно ответила она.

– А конкретнее? – Виолетта ревновала, и это было заметно.

– Подробностей не будет. Ни Вас, ни ваших отношений наш разговор не касался.

– Я тебе его не отдам, – слишком резко сказала жена Олега.

– А кто Вам сказал, что я его собираюсь забрать? – спросила с улыбкой на лице Милана, отвернувшись от зеркала и

глядя на Виолетту. – Олег мне не нужен ни с Вами, ни без Вас. Встреча наша была абсолютно случайная, и я не хочу испортить вечер ни Вам, послав Вас прямым текстом, ни себе, видя ваши кислые физиономии. Извините, меня ждут.

– Я ещё не договорила.

– А я не собираюсь Вас слушать, – сказала Милана, покидая дамскую комнату, и вернулась за стол.

– Лана, мне кажется, я видел Олега. Может, ошибся?

– Не ошибся ты Борис. Он здесь с женой и друзьями отмечает свой день рождения. Я с ним разговаривала.

– Ты расстроилась так после разговора с ним? – участливо спросил бывший однокурсник.

– О чём ты? Мы расстались семь лет назад вот на это самом «Титанике», и с тех пор не виделись. Пойдём танцевать. Эта пара не стоит того, чтобы о ней говорили.

Глава 6

В первый раз Милана собиралась в отпуск так нехотя. На календаре было одиннадцатое сентября две тысячи пятнадцатого года. «Через шестнадцать дней мне исполнится двадцать девять», – подумала она, собирая чемодан в дорогу. Путёвка сроком на десять дней с тринадцатого числа была оплачена, а вылететь в Турцию она должна уже через день. За предыдущие пять отпусков Милана побывала на Кипре, в Греции, Турции, Испании, ОАЭ и сделала для себя вывод: самый доступный и лояльный отдых в Турции. Здесь нет особых правил, а Аланья на побережье Средиземного моря – это райский уголок для неизбалованных и некапризных туристов. В прошлом году Милана отдыхала здесь с Русланом и его девушкой. В последнее время она все чаще стала ощущать щемящее чувство одиночества. Привыкшая за восемь лет жить одна, общаясь только с родственниками и коллегами, она захотела иметь семью и детей, о чем раньше даже не думала. Да, у нее были знакомые по бизнесу мужчины, но ни одного из них она не представляла в роли ни то, что мужа, даже любовника. Слишком хорошо она знала эту категорию людей. Так, видимо, думали о ней и мужчины, поэтому не пытались ухаживать. Кроме легкого флирта других отношений не было.

Во время регистрации в аэропорту, Милана заметила зна-

комое лицо и сердце екнуло. Прошло восемь лет, но доктор Затонский мало изменился. Сергей Ильич был со спутницей, и Милана отказалась от мысли заводить с ним разговор. Она помнила о том, что он женат и у него есть сын. С сыном Затонского она сумела познакомиться и подружиться, пока ходила на приемы к доктору, пытаясь помочь Руслану, а его жену не видела ни разу.

Разместившись в просторном и дорогом номере отеля, Милана переделалась и пошла знакомым маршрутом. Пляж был пуст, а солнце только нехотя выползало из-за горизонта. Направляясь к небольшому причалу, она знала, что уже через пару часов здесь будет много людей. Водные виды транспорта всегда привлекают отдыхающих, которые не любят лежать на пляже, а предпочитают активный отдых. Пиратские шхуны уходили в море в другом месте, а здесь были лодки, водные лыжи, гидроциклы, надувные «бананы», катера «таскающие» парашюты.

– Доброе утро, Ахмет! – весело сказала Милана мужчине, заправляющему водный транспорт. – Как здоровье?

– Хороший день будет, – ответил мужчина, обернувшись на голос. – Ни как Денизкызы прилетела? – улыбаясь, сказал он, глядя с интересом на знакомую девушку. – Надолго?

– Придется тебе десять дней потерпеть мое присутствие, если я не найду себе более интересное занятие. Я не рано?

– Ты позже и не приходишь. Седлай красный «Спарк», – говорил он, зная, что все инструкции Милана знает лучше

его.

– Спасибо, – ответила Милана, снимая обувь и тунику, взяв жилет, протянула Ахмету купюру.

Он за сезон видел всяких «наездников». Были отчаянные, были без головы и тормозов, были любители и профессионалы, осторожные и «показушные». Таких, как Милана, не было. Во-первых, она пару минут кружила у берега, чтобы почувствовать машину и только потом постепенно позволяла работать мотору в шестьдесят лошадиных сил на полную мощность. Во-вторых, она не изображала из себя «крутую», не делала это на публике, приходя с рассветом и на закате, когда здесь не было никого. Он наблюдал за ней: молодая женщина «летела» навстречу солнцу и делала это для себя. Было море, восход или закат и «летающая» дева. Танцы на воде продолжались минут десять далеко от берега, прежде чем байк коснулся причала.

– Спасибо, Ахмет. Приду на закате, – сказала она, возвращая жилет и натягивая на купальник тунику.

Приняв душ и переодевшись, Милана спустилась к завтраку. На ней была светлая туника, больше напоминающая короткое платье, сандалии и бейсболка. На глазах очки от солнца, а через плечо небольшая холщёвая сумка. После завтрака вышла на улицу и позвонила всем, сообщив, что она на месте. Разговор с Русланом затянулся.

– Милана, моя мать объявилась, – как-то с тревогой сказал брат. – Восемь лет прошло.

– Успокойся. Приехала и приехала. Ты можешь с ней не встречаться вообще, а можешь встретиться и все выяснить. Рус, ты взрослый мальчик и сам решаешь с кем жить и с кем дружить. Мы все ошибаемся. Тебе трудно, а как отцу и его жене?

– Лана, ты не понимаешь! С ее появлением в наш дом всегда приходит беда.

– Она обязательно придёт, если её притягивать за уши. Мать могла приехать по своим делам. Не паникуй раньше времени и помни: тебе двадцать четыре и всё в твоих руках. Я вечером перезвоню. «Парню стресс не нужен. Как его избежать?» – думала она, набирая телефон Тихомирова старшего. С тех пор, как Милана вернулась из Англии, она называла Александра Степановича дедом. Что делать, если их оказалась три и им теперь по семьдесят лет? Поговорив с дедом и немного успокоившись, она позвонила Владу, объяснив ему его задачу.

– Не беспокойся сестра. Я все возьму под контроль. Отдыхай спокойно, – ответил тот.

«Отдохнешь тут с вами, – думала она, пряча смартфон в сумку. Она прекрасно помнила время, когда познакомилась с матерью Руслана, для которой больной сын был дойной коровой. Как познакомилась с Владом, мать которого сделала свой выбор тоже не в пользу сына. – Мальчишки понимают друг друга лучше, чем я. У нас один отец и ни одной мамы. Влад сможет помочь морально Руслану». Милана спустилась

к морю, сняла одежду и обувь и пошла вдоль берега. Прошли минут тридцать, прежде чем она взяла обратный курс. Ходьбу она выбрала как метод загара. Искупавшись в море после часового хождения по берегу вернулась в отель. После обеда в холле отеля она встретила Затонского. Он был один, и Милана решила с ним заговорить.

– Здравствуйте, Сергей Ильич! – сказала она.

– Простите, мы с Вами знакомы? – спросил он, рассматривая молодую приятную незнакомку.

– Восемь лет назад мы познакомились в Вашей клинике. Я была донором для брата, – немного волнуясь, ответила Милана. – Моего брата зовут Руслан Тихомиров. У него действительно всё в порядке?

– Он здоров, слава Богу. Вы с ним не общаетесь, коль задаёте подобные вопросы? Я Вас вспомнил. Юная девушка студентка с необычным именем Милана.

– Мы дружим, но никогда не поднимаем тему болезни. Нельзя жить в постоянном страхе, что болезнь вернётся. У нас был уговор. Мы забываем о болезни от визита к визиту, но о любых негативных изменениях я получаю информацию сразу. Поход Руслана к врачу я контролирую, но не доверять ему я не могу и верю на слово.

– Ты давно здесь? Как отдых? – поинтересовался доктор.

– Я прилетела с Вами одним рейсом. Мы были в прошлом году здесь с братом и его подругой. Мне понравилось, и в этом году я уже целенаправленно прилетела в Аланью. Вы не

отказывайтесь от поездки на смотровую площадку или выхода на пиратской шхуне в море. Это увлекательное зрелище. Можно это делать каждый день и в зависимости от погоды и времени суток зрелище не повторяется. Мне нравится местный колорит базаров. Я покупаю там фрукты. Мой день начинается с шести утра на пристани и там же заканчивается с закатом.

– Чем же ты занимаешься в шесть утра? – недоверчиво спросил Затонский.

– В это время вся прибрежная территория и акватория на километры вперед моя и я развлекаюсь на гидроцикле.

– Сегодня из окна я видел красную машину. У меня издали дух захватывало.

– На рассвете и на закате это выглядит очень круто. Ты как будто летишь навстречу солнцу. Хотите посмотреть?

– Ты хочешь сказать, что утром бегущей по волнам была ты?

– Нет. Я прилетела сегодня. Удачной прогулки, – сказала Милана, заметив подругу Затонского, и пошла к выходу.

– Ты уже флиртуешь с молоденькими барышнями? – спросила его спутница.

– Эта девушка прилетела вместе с нами одним рейсом. Восемь лет назад она была донором одного моего пациента, – ответил Сергей, вспоминая Милану. – Девочка очень изменилась за это время.

– Сережа, это ни та ли няня Ильи, которая давала нам час

времени на занятие любовью, гуляя с твоим сыном в парке? Как это было давно, – говорила она, шагая рядом с Затонским и держа его под руку. – Я, собираясь сюда, надеялась вернуть то время, но теперь у меня появилась соперница.

– О чём ты, Людмила Петровна? Между нами уже лет шесть как ничего нет. Все в прошлом.

– Сергей Ильич, у нас впереди есть десять дней, чтобы попробовать и исправить положение, скажем, временно. Что тебя смущает? Мы с тобой два свободных от обязательств человека. Не получится – не надо. Если увлечемся, кто нас осудит? – убеждала его Людмила Петровна Гладышева, бывшая сокурсница, девушка, любовница и коллега Затонского в одном лице. Это назло ему она вышла замуж за преподавателя института в девяносто девятом и развелась в две тысячи шестом. Детей у них не было. Затонский женился в двухтысячном. Прожив в браке десять лет, жена подала на развод, и сын остался жить с матерью и отчимом. Теперь Илье в декабре исполнится четырнадцать лет. Отец с сыном видятся в выходные или праздничные дни, живя в разных районах города. Устав от прогулки по окрестностям, Людмила ждала Затонского к ужину, но он пошел на берег, где выстроился водный транспорт.

– Здравствуйте, – обратился он к мужчине турку средних лет, смотрящему в бинокль. – Кто это там такой отчаянный?

– На красном «Спарке» Денизкызы, так по-турецки будет морская дева, русалка. Она бывает здесь на рассвете и на за-

кате. Милая девушка из русских и зовут красиво – Милана. А второй, как будто немец, но разговаривали между собой на английском. Пари у них. Думаю, толстый проиграет. Уронит она его в воду, чего он не ждет, – говорил Ахмет, опуская бинокль и улыбаясь.

– Как это уронит? – удивленно спросил Затонский, наблюдая, как соперники бороздят морскую гладь.

– Видишь, идут к берегу с небольшим отрывом. Сейчас вираж сделает и на такой скорости немца волной и накроет, – объяснял Ахмет. – Видел! Молодец, утерла нос хвастуну. Просто так, прийти первой, она не стала бы спорить. Он был уверен, что выиграет и проиграл, – говорил с легким акцентом довольный Ахмет. – Не переживай. В нем килограмм сто веса, а мозгов как у курицы. Она его не бросит.

Добравшись до берега, Милана пожала немцу руку, приняв от него сто евро, и передала их вместе с жилетом Ахмету. Надела неспеша тунику, подобрала сандалии.

– Осуждаете? – спросила она. – Вот поэтому я и хожу к Вам, когда здесь никого нет, и когда никто не пытается мне доказать, что он круче. До завтра.

– Тебя кажется, ждут, – кивнул Ахмет в сторону «зрителя».

– Разберемся. Доброй ночи, – сказала «гонщица». – Давно Вы здесь? – обратилась она к Затонскому.

– Минут десять-пятнадцать, но заезд ваш видел не полностью, – улыбнулся он.

– Я себя не оправдываю, и выбрала наименьшее из зол. Как Вам закат? Почему Вы без подруги? Или это Ваша жена?

– Людмила мне не жена и не подруга, она моя коллега по работе. Когда-то между нами был роман, но это было давно.

– Я помню. Мне было двадцать, и я не была столь наивной, как вам казалось, – улыбнулась Милана. – Допускаю, что Ваша коллега думает иначе, чем Вы.

– Тебе это покажется странным, но она в твоём лице увидела соперницу.

– Значит, у меня появляется хороший шанс? – улыбнулась опять Милана.

– Почему нет? Иногда курортные романы перерастают в нечто большее. Ты не замужем, я в разводе.

– А Вы, Сергей Ильич, не торопитесь? Вы представляете, что с Вами будет, если Вы меня бросите раньше, чем закончиться наша поездка? Сегодняшнее купание жителя Германии покажутся Вам таким пустяком. Не пугайтесь и не сердитесь, я глупо и неудачно пошутила, – сказала Милана. – Хотите роман? Будет Вам роман, но, для начала, определитесь с коллегой.

– Я подумаю. Может, прогуляемся? Закат закатом, но времени не так много.

– Спасибо, но я откажусь, а Вы думайте. Спокойной ночи, – ответила Милана. «А он мне начинает нравиться всё больше. Сердечко в аэропорту только ёкнуло, а сейчас – готово выскочить, – думала она, ополаскивая купальник от

морской воды. – Может мне, как говорит Влад, замутить с ним? Будет что вспомнить».

Вернувшись с одиночной морской прогулки, она спустилась к завтраку в «белых одеждах»: коротких шортах, топе, бейсболке и сандалиях. Сегодня их путь лежал на причал, от которого отходили пиратские шхуны. Судно выходило в открытое море, где желающие могли купаться и на котором аниматоры развлекали туристов. Милана купаться не стала, а вот в конкурсах принимала активное участие. Заработав свою порцию аплодисментов в танцах, она осталась довольна и сев за столик заказала себе сок.

– Милана, а ты отчаянная, – сказала Людмила Петровна. – Мне Сергей сказал, что ты гоняешь по морю на байке, и здесь не смутилась.

– И гоняю, и танцую я для себя. Я никого здесь не знаю, и даже если меня осудят, я этого не услышу и не узнаю. Вероятность встречи с этими людьми нулевая, – говорила она, потягивая сок через трубочку. – Удовольствия надо получать, когда хочешь и можешь. Прошло два часа, а мы с вами этого даже не заметили. Вы попросите меня повторить – и я не смогу этого сделать. Кураж прошёл. Так бывает. Обязательно сходите на смотровую площадку. Вид потрясающий! Можете попасть на пенную вечеринку. Я сойду на берег и поеду на рынок. Хотите куплю и вам фрукты?

– Спасибо. У нас всё есть.

– Тогда до ужина, – сказала Милана, сходя на берег.

Ей очень хотелось остаться рядом с Затонским, но реакция Людмилы Петровны на её присутствие была негативной. «Выбор должен сделать сам Затонский, – думала она улыбаясь. – Нравится ему Людмила Петровна – пусть будет она».

Вернувшись с рынка, она направилась на пляж, после него на причал водного транспорта. Закончив катание раньше обычного и попрощавшись с Ахметом, она спустилась к ужину в легком платье с юбкой до щиколотки и корсетным лифом, подобрав волосы. После ужина Затонский пригласил её на прогулку.

– Спасибо. Я пройдуь одна. Удачного вечера. «Ситуация не простая. Видимо не судьба», – успела подумать она, когда её тронули за руку.

– Можно я пройдуь с тобой? – спросил догнавший Затонский.

– Сергей Ильич, я хочу прояснить ситуацию. Вы приехали на отдых вдвоём, а теперь бросаете подругу. Это для Вас нормально?

– Мы приехали группой, но это не значит вместе, и ты одна из этой группы. Мы живём в разных номерах, не спим в одной постели и встречаемся только за столом. А самое главное, она видит, что я увлечён. Женщина она коммуникабельная, разумная и найдёт себе группу по интересам. Так понятно?

Их прогулка длилась часа два. Затонский проводил Милану до номера, обнял её и поцеловал. Этот поцелуй лишил

её возможности думать о чём-либо другом, кроме близости с ним. В ней проснулось острое желание, и было уже не важно, что об этом подумает он... Сергей отдышавшись, заговорил первым.

– Я тебя не разочаровал?

– Извини за несдержанность. Это не мой темперамент, это как следствие длительного отсутствия мужчины, – улыбнулась Милана. – Всё было великолепно. Спокойной ночи.

– Ты намерена спать?

– У меня нет сил ни на что другое, – ответила она и через минуту уже спала.

Затонский, подперев голову рукой, смотрел на юную спящую деву. «Куда я сунул свою голову? Судя по её рассказу, её семья, если и не богатая, то состоятельная. Зачем ей нужен голодранец? – думал он. – Она знает меня как доктора, может и не догадываться, что я, как та церковная мышь. Работая за гроши и экономлю на всём, чтобы поехать раз в год на отдых. Такого принца семья не одобрит. А если это судьба? Ведь недаром мы встретились через девять лет именно здесь, за тысячи километров, а не в городе. Она мне очень нравится. Милая Милана, такая необычная, загадочная, искренняя. Не думаю, что я для неё игрушка на десять дней, а вот, сколько продержусь я – большой вопрос. Это Людмила может терпеть мои подвиги и возвращаться, а Милана не из тех, кто слепо прощает».

– Доброе утро, Сергей, – сказала Милана, стоя у кровати

уже одевшись в купальник и шорты. – Скажу тебе прямо: ты мне нравишься и это не каприз. Тебе стоит самому принять решение, учитывая, что я жуткая собственница и очень ревнивая особа. А теперь извини, мне нужно до завтрака проветрить мозги.

– Я могу пойти с тобой? – спросил Затонский, натягивая на себя лёгкие брюки. Хочу прокатиться у тебя за спиной и испытать это на собственной шкуре. Это возможно?

– Обещаю быть предельно внимательной и осторожной, – сказала Милана, открывая дверь номера.

Они вышли в коридор, и Милана заметила горничную. Сказав всего пару фраз на английском, они обе заулыбались.

– Что это было?

– Я попросила заменить постель.

– А улыбка была в счёт бонуса?

– Я улыбнулась собственному остроумию, а она в счёт чаевых.

Оставшиеся восемь дней, которые проходили по одному и тому же графику, они не расставались. Подъём, катание, завтрак. Пляж, обед, прогулка, катание. Ужин, который заканчивался бокалом хорошего вина и сном в одной постели. Вернувшись в город и приняв решение пожить вместе какое-то время, они подумывали и о загсе.

– Серёжа, у нас у каждого свой ритм жизни, свои привычки и мы можем не ужиться. Попробуем, а потом определимся продолжать или разбегаться.

Милана представила Затонского семье в день своего рождения. Руслану накануне исполнилось двадцать пять, и он отметил Юбилей в кругу друзей, а семейное торжество объединили. Две пары старшего поколения, которые отметили своё семидесятилетие год и два назад. Две пары родителей пятидесяти лет и дети, которых было четверо и которым было от двадцати девяти до девяти лет. Не было только Ильиных – семья покоилась на кладбище. Новому знакомому дочери, сестры и внучки, тридцати шестилетнему Затонскому, были рады ни все. Одним не нравилась разница в возрасте, другим его профессия, а третьим его развод и наличие четырнадцатилетнего сына. Мнения разделились.

– Мы все люди взрослые и будем реалистами. Нравится вам Сергей или нет, дело десятое. К браку мы не готовы, но решили пожить вместе. Вдруг из этой затеи, что и получить-ся, – сказала Милана не то серьёзно, не то смеясь.

Знакомство самой Миланы с сыном Затонского не принесло ничего хорошего. Она решила не напоминать Илье о том, что они были с ним знакомы девять лет назад. Мальчишке было всего пять лет, и он мог не помнить свою старшую подружку. Решив начать дружбу сначала, она даже не подумала, что с Ильёй Затонским она невозможна в принципе. Подросток, которому шёл пятнадцатый год, не просто игнорировал её в её же квартире, он занялся мелкими пакостями. Пересоленный обед, опрокинутый сок, случайная вилка в микроволновке – это мелочи. В квартире появились

тараканы, потом мыши. Милана могла отличить квартирных тараканов от сородичей из зоомагазина, а белую мышь от серой подвальной. Мальчик пошёл дальше. Утром, выйдя к машине, она увидела на лобовом стекле надпись губной помадой «шлюха», а рядом валялся пустой тюбик её помады. Он не побоялся даже регистратора. В следующий его визит на капоте её машины «замерз» мусор из её квартиры, любезно «вынесенный» Ильёй. Последней каплей стал прокол колеса на стоянке у офиса, который зафиксировала камера. Милана, не ставя в известность отца, дождалась юного «злодея» у здания школы.

– Садись в машину, – попросила она подростка. – То, что я тебе сейчас скажу, мне самой не нравится, но ты сам, своими выходками, к этому меня вынудил. Тебе от собственной злости не хочется вздёрнуться? А вот мне хочется от такого отношения повеситься, но прежде повесить тебя. Чего ты добиваешься?

– Вы о чём?

– Взгляни на это, – она протянула ему распечатки с камеры и регистратора. – О мышах и тараканах я промолчу.

– И что? Мелкое хулиганство, – ухмыльнулся Илья.

– Это для тебя мелочи, а для меня большие неприятности, которые мешают мне жить. До чего додумается твой куриный мозг следующий раз? – спросила Милана, глядя на подростка.

– А ты угадай, раз такая умная. Оставь отца в покое и всё

прекратиться.

– Почему ты живёшь с отчимом и мамой, а он должен жить один? Может я увела его из семьи или ограничивала его встречи с тобой? Я принимала тебя у себя дома, а ты занимался пакостями и прикидывался невинной овечкой. Вместо меня может быть другая женщина...

– Не может. Я хочу как раньше, – перебил Милану подросток.

– Как раньше уже не будет. Ты, из-за своей ревности, жизнь мне отравляешь, а я в вашей истории не виновата. Мне заявление в полицию написать, довести дело до суда или попросить помощи у подростков, чтобы выбить дурь из твоей головы? Ты сам что предпочитаешь?

– Угрожаешь? – усмехнулся Илья.

– Предупреждаю. Тебе пятнадцатый год и ты должен отвечать за свои шалости. Да, ноги твоей в моей квартире больше не будет. Если отец примет твою сторону, можете убираться вдвоём ко всем чертям.

– Ты его простопустишь? – удивлённо спросил Илья.

– А кто тебе сказал, что я его держу или держусь за него? Он у тебя нефтяной магнат или владелец заводов, газет, пароходов? Он может меня содержит и обещает большое наследство?

– Ты ничего не сказала отцу, почему?

– По кочану. Я никогда не думала, что из умного, кудрявого Ильи, с которым мы гуляли в парке и ели сладкую вату

вырастет такой эгоист. Выходи из машины. Проваливай! У меня дела.

– Когда это мы с тобой гуляли в парке?

– Скажи ещё, что ты не помнишь, как я подарила тебе Чичу? Моё полное имя Милана, ты называл меня Милой, а дома меня зовут Лана. Всё! Разговора больше не будет. Убирайся.

Милана не жалела о том что высказала всё Илье. Она была уверена, что он и отцу высказывает претензии к ней самой. Теперь отец и сын встречались вне её квартиры, по просьбе самого Ильи. Рассказал парень отцу о встрече с Миланой или нет, но «шалости» прекратились.

Три месяца до Нового 2016 года пролетели быстро. Милана постепенно привыкла к ненормированному рабочему дню Сергея и его встреч с сыном по выходным дням. На новогодних каникулах Руслан, Влад, Милана и Сергей собирались лететь в Сочи.

В последний момент Сергей передумал ехать, найдя причину.

– Лана, извини, но я не поеду. У Ильи каникулы и он хочет провести их со мной. Я не могу ему отказать.

– Бери Илью, и летите мужской компанией, а я отдохну за городом у родителей или у деда, – предложила Милана.

Рождественская неделя две тысячи шестнадцатого года пролетела быстро. Милана провела четыре дня в доме Тихоновых и три у Тихомировых. Сергей вернулся утром одина-

дцатого января, а к обеду приехали Влад и Руслан. Молодые люди, отдохавшие со своими подругами, увлечённо рассказывали о поездке, которая явно удалась. Просматривая фотографии, Милана заметила, что рядом с Сергеем часто находится молодая блондинка. Сказать, что новая знакомая «вешалась» ему на шею, было нельзя. На снимках все выглядели счастливыми. Демонстрация фото закончилась, и они перешли к работе.

– Мы обедать сегодня будем? – недовольно спросил Сергей, не знающий чем себя занять.

– Подожди минут тридцать или пообедай без нас. Дело нужно закончить, – ответил Влад. – Рус и Лана заняты. Ты слепой?

– Дома будешь командовать, – с вызовом сказал Сергей. – Вам рабочего времени не хватает? Устроили здесь штабквартиру.

– Кто у кого дома, вопрос спорный. Это ты один у нас всё успеваешь в рабочее время, – не останавливался Влад.

– Ты на что намекаешь, щенок?

– Прекращаем ссориться, – сказала Милана и вдруг поняла, что между Владом и Сергеем пробежала чёрная кошка. – Ребята, оставляем всё на завтра. Ни каких разговоров. Молча, оделись и ушли, – попросила она и услышала сигнал присланного сообщения. Оно пришло на телефон Сергея. – Дай мне свой телефон.

– Зачем?

– Просто дай мне свой телефон.

– Что ты там хочешь найти? – спросил он, протягивая смартфон.

– Искать не буду. Все уже найдено, – говорила Милана, рассматривая на заставке фото лыжницы и читая сообщение «Позвони». – На этой почве между тобой и Владом конфликт? – спросила она, возвращая смартфон.

– Нет меду нами конфликта, есть недопонимание. Он считает, что я увлекся, а это не так.

– Ты поехал отдыхать с сыном и должен его был «увлечь», а не молодых блондинок. Теперь послушай меня внимательно: никогда не говори о моих братьях в уничижительном тоне. У тебя нет на это морального права. Воспитывай своего сына. Во-вторых, ты сейчас соберёшь свои вещи и переедешь в свою квартиру уже сегодня. Пока твоё увлечение не переросло во что-то большее, нам лучше расстаться. В-третьих, мы не будем выяснять с тобой отношения ни сейчас, ни позже. Я, возможно, сумасбродка и «собственница», но ты об этом знал. У тебя была особая миссия, и ты её с треском провалил.

– Милана, ты себя слышишь? Если у меня и было что-то с Викой, так это легкий флирт, не более того. Ты не имеешь права обвинять меня в том, чего не было.

– Я не обвиняю, я предотвращаю то, что, возможно, принесёт мне еще большее разочарование, и не хочу слышать никаких оправданий. Сейчас я уйду, а через час вернусь. За

это время ты должен управиться. Ключ оставишь в прихожей.

Она вышла из подъезда и пошла по тротуару без всякой цели и маршрута. Минут через десять услышала звонок телефона.

– Слушаю тебя, Влад, – ответила она спокойно. – У меня всё в порядке. Гуляю и даю время Затонскому съехать с квартиры. Твоё поведение особой роли не сыграло. Днём раньше или позже, это всё равно бы произошло. Поговорим завтра, и не волнуйся.

Она вернулась в квартиру через час. Ключи лежали на полке, а на кухонном столе была записка: «Лана, кроме поцелуя, между мной и Викой ничего не было, но его видели ВСЕ. Всё остальное домыслы. Прости». Перекусив обедом, приготовленным с любовью для Сергея и братьев и убрав его в холодильник, она сделала кофе и села за ноутбук. Ей следовало закончить работу. Спала она беспокойно и утром встала «разбитая». Спустившись к машине, она увидела Илью.

– Ты что здесь делаешь так рано? – спросила она подростка.

– А где отец? – спросил он.

– Не знаю. Он ушёл вчера с вещами. Есть еще вопросы?

– Он не отвечает на звонки, дома его нет, у тебя нет. Где он может быть? – волновался Илья.

– Послушайте, юноша, вы хотели от меня избавиться. Теперь радуйтесь! Ваш отец свободен от моих чар. Садись в

машину, я подвезу тебя в клинику. Он на работе должен появиться.

Всю дорогу они ехали молча.

– Его машина стоит на стоянке, значит он здесь, – сказал Илья и улыбнулся. – Спасибо, что подвезла. Ты меня так и не простила? – спросил он, открывая двери авто.

– Мы с тобой уже не воюем, заключив негласное перемирие.

Сумасшедший день после десятиминутного совещания она перенесла стойко.

– Руслан, проверь свежим взглядом всё еще раз и отнеси отцу. Я домой. Кажется, вчерашняя прогулка выходит мне боком, – говорила она брату.

– Да у тебя, подруга, температура. Одевайся, я попрошу Влада отвезти тебя домой, а вечером за ним заеду.

Доставленная братом домой Милана, переоделась, выпила чай с лимоном и аспирин, и легла под одеяло. Озноб не проходил, а температура стремилась к тридцати девяти. Влад набрал телефон Сергея.

– Консультацию дай, – без приветствия попросил он. – У неё озноб, температура тридцать девять, а аспирин не помог. Что мне ей дать? Может неотложку вызвать?

– Я уже еду, – ответил Сергей.

– Говори что нужно, я поеду в аптеку и всё привезу, – говорил Влад, открывая дверь Сергею.

– Не суетись. Я все привёз с собой. Руки помою и займусь

твоей сестрой, – говорил он на ходу. – Нагулялась, красавица? Рот открой. Ложись на живот и жди приятных моментов. Сейчас станет легче, – уже делая укол, пообещал доктор Затонский. – Будет лучше, если ты скажешь всем, что у неё легкая простуда. Для тебя – тяжёлая простуда, но не ангина. Температура будет держаться пару дней. Я могу подежурить, если ты не против моего присутствия и доверишь мне сестру, – говорил он Владу, выйдя из спальни.

– Оставайся, так будет спокойнее всем. Я видел записку на столе. Извини. Ты звони мне сам, чтобы не беспокоить её.

Температура падала и поднималась снова. Милана то дрожала, то покрывалась потом. Речь её была несвязной и походила скорее на бред. Сергей поил её почти насильно, передевал в сухое бельё и укладывал под одеяло. Только перед самым рассветом температура остановилась на отметке тридцать восемь и Милана спокойно уснула. Влад приехал, когда ещё не было семи часов.

– Как она? – взволновано спросил брат.

– Спит, – ответил Сергей и обратил внимание на то, что здороваясь, Влад протянул ему руку. – Мне нужно отъехать на пару часов, а потом я вернусь.

– Что мне нужно делать, когда она проснётся?

– Будет больше тридцати восьми, дашь вот это, и пусть больше пьёт то, что захочет. Можешь дать чай, сок, просто воду. Да, если нужен больничный лист – вызови участкового врача. Кровь на анализ я взял, – объяснил Сергей Ильич

Затонский.

Сергей приехал в одиннадцать, и Влад вернулся к работе.

– Давно ты здесь? – спросила Милана проснувшись.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, ставя ей градусник. – Всю ночь тебя караулил. С утра приехал Влад, а я съездил на работу, потом опять сменили караул. Горло болит?

– Слабость. Не знаю, чего мне больше хочется – есть или спать, – ответила Милана.

– Со сном придётся повременить. Я тебя провожу до санузла. Умойся, переоденься и я тебя накормлю. Бабушка передала с Владом бульон. Он в твоём состоянии, да с сухариками, лучшая еда. После трапезы, можешь спать. Если коротко, то вы, мадам, перегуляли и перемерзли. Вставай, не спеши и не геройствуй. Тебе придётся смириться с моим присутствием. Пару дней проведёшь в постели. При хорошем поведении, позже сможешь встать. Да, больничный забереёшь в своей поликлинике в понедельник, – говорил Сергей на ходу, провожая Милану в ванную.

Через время умытая, причёсанная, в свежей пижаме, Милана неспеша ела бульон с сухариками.

– А как же твоя работа? – спросила она Сергея, который принёс чай с лимоном.

– Я на три дня заболел. Извини, пришлось соврать. Хотя у меня есть возможность подхватить твою инфекцию или вирус. Что лучше?

– Лучше не болеть. Сердишься? – спросила Милана. – Я

тебя предупреждала о том, что я жуткая собственница, и у меня очень богатое воображение. Я никому не навязываюсь сама, и делить с кем-то партнёра не собираюсь. Делай выводы из всего сказанного сам.

– Я не сержусь, Лана. Там, где нет доверия, отношения быстро заканчиваются. Скорее всего, я на твоём месте поступил так же.

– Хорошо, что ты это понимаешь. В холодильнике были отбивные. Есть свежие овощи. Сделай салат. Одним словом, что сам приготовишь, то и поешь. После трапезы – отдохни. У тебя вид усталый. Спасибо за заботу, – предложила хозяйка.

Вечером Милану навестили отцы.

– Влад запретил ходить к тебе толпой. Руслан придёт завтра, – сказал Тихомиров. – Будешь умницей, привезу в субботу дедов. Лёня передачу тебе собирал сам, все претензии к нему.

– Светлана готова приготовить то, что ты хочешь, – добавил Тихонов. – Привезли то, что ты любишь.

– Даже персиковый компот? – поинтересовалась дочь.

– И его в том числе, – улыбнулся отец. – Ты нас, дочка, сильно напугала.

– С чего вы вдруг стали такими трусливыми? У меня обычная простуда, есть небольшая температура, но это не смертельно. Лежу, как спящая красавица, без дела. В выходной я сама поеду к дедам, а сегодня позвоню. Нашли прин-

цессу. Не надо со мной спорить. Не смогу в выходной, поеду в понедельник, мне в поликлинику всё равно ехать. Можете заехать в пятницу после работы и убедиться, что я жива и здорова. Телефоны вам зачем?

– Всё, Лёша, наша девочка почти поправилась. Пойдём друг, раз начала командовать, значит, дела идут на поправку, – радостно улыбнулся отец.

Два следующих дня прошли без посетителей и температурой тридцать семь с небольшим. Сергей в пятницу вышел на работу, а ближе к обеду Милану навестил Илья.

– Отец говорил, что ты болеешь и лежишь. Зачем ты встала? – спросил он, протягивая ей пакет и без приглашения хозяйки снимая верхнюю одежду. – Чем так вкусно пахнет? Папаша говорил – ты вкусно готовишь.

– Ты видишь в моём доме прислугу или швейцара? Встала, хотя бы для того, чтобы тебе дверь открыть, обед приготовить. Я делаю то, что мне по силам. Не верь всему, что говорят, а лучше попробуй. Ты обедать будешь?

– Конечно, буду. У меня уже аппетит проснулся от запаха. Лана, ты на отца сердишься из-за меня? Из-за того, что не поехала в Сочи? – спросил он, моя руки под кухонным краном.

– Глупости не говори. Я сама предложила взять тебя вместо себя в поездку. Отец твой, как все мы не без греха. Просто я не всё могу понять, не всё принять, отсюда и недоверие, которое в свою очередь ведёт к размолвкам. Ешь.

К вечеру погода стала портиться, а впереди были крещенские морозы. Отменив по телефону все свои визиты в выходной, Милана осталась дома.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Сергей за ужином в субботу. – Мне, кажется, нам стоит изменить схему лечения.

– Что с ней не так? Меня уже ничего не беспокоит, – не чувствуя подвоха, сказала Милана.

– Это плохо. Я очень надеялся на проявление побочных эффектов, – чуть не смеялся Затонский. – Хотел предложить тебе курс сексотерапии. Скажем, два-три раза в неделю перед сном.

– Думаешь, поможет? – улыбнулась Милана, оценив шутку.

– Думаю, с первого раза вряд ли, но три-четыре сеанса должны дать результат, – смеялся Сергей, подхватывая её на руки...

Прошёл месяц. Февральская погода не радовала. Снежные заносы заставляли Милану всё чаще пользоваться общественным транспортом. Теперь она возвращалась с работы на полчаса позже.

– Замёрзла? – спросил Сергей. – Давай сюда ноги. Хочешь опять заболеть? Странно. Ноги не холодные.

– Да я даже не озябла, – ответила Милана. – Ты чего такой потерянный? Что случилось? Рассказывай.

– Думаю и не могу принять решение, – говорил Затонский, ставя ужин в микроволновку. – Мне предложили двух-

недельную стажировку в клинике Израиля. Стажировка бесплатная, но перелёт и проживание я должен оплатить сам.

– Давай по порядку: кто предложил, когда и как? – спросила Милана, беря в руки вилку. – Это важно.

– Я учился с Борисом два курса. В девяносто восьмом он уехал с семьёй в Израиль. Окончил там учёбу, получил профессию и через десять лет стал ведущим специалистом. Это он мне такое предложение сделал. Все организаторские вопросы он берёт на себя. Я же прекрасно знаю, что по линии Минздрава мне туда не попасть. Только в частном порядке и только через агентства, – с сожалением говорил он.

– Тебе самому этого хочется? Полететь, посмотреть, что-то узнать, чему-то научиться. Скажи мне честно: вопрос упирается в финансы или ты боишься, что твой сокурсник заткнёт тебя за пояс? Ты хороший диагност, врач высшей категории с приличным стажем. Да, у нас не та медицина, но для него это не новость. Тебе нужно ехать. Возможно, тебе не доверят какие-то манипуляции, но у тебя есть глаза и разумная голова. Соглашайся.

– Ты думаешь? – спросил, сомневаясь, Сергей.

– Я не думаю. Я тебе советую не отказываться. Поговори с главным, возьми очередной отпуск. Пригласи своего знакомого в гости и обговорите всё спокойно. Домашняя обстановка больше располагает. Ужин я вам приготовлю.

– А если я разочаруюсь? – как-то с большим сомнением выдал Сергей.

– В чём? В нашей медицине? Она не станет, Серёжа, ни лучше, ни хуже от того полетишь ты в Израиль или нет. А вот ты будешь знать, какой она может быть, – убеждала его Милана.

Был приезд заграничного гостя, был ужин, было принято решение лететь в Израиль. Сергей вылетел в Иерусалим пятого марта, вернувшись двадцать второго. Разговоров хватило надолго.

– Милана, я возьму Илью, у него каникулы, и мы проведём остаток отпуска у моих родителей.

– Хорошая мысль. Поезжайте. Не забудь о подарках сестре и родителям, – согласилась Милана.

Вернувшись из отпуска, Сергей вышел на работу, а у Миланы началась «сенокосная пора». Она вторую неделю уставала, работая дома и не высыпаясь.

– Сергей, ты ужинал? – спросила она.

– Да. Я в перерыве займусь посудой, – ответил он, увлечённый боевиком по телевизору.

– Извини, я очень устала и после душа иду спать.

Милана видела пятый сон, когда Сергей лёг рядом и, обняв её, повернул лицом к себе и начал целовать.

– Ты смотрел боевик или эротику? – сонно спросила Милана. – Извини, я устала.

– Устала перекладывать бумажки на своём столе и считать на калькуляторе? – сердито спросил Затонский. – Работа не пыльная.

Его тон и незаслуженный упрёк не перебили сон, и она теперь «беседовала» находясь в полусне.

– Работа действительно не пыльная. Только и ты не у станка стоишь, обливаясь потом. Ты перерабатываешься только в кабинете заведующей. Я права?

– Ты что хочешь этим сказать?

– Что крашенные волосы Людмилы Петровны есть даже на твоём нижнем белье. Линяет женщина, – засыпая, говорила Милана.

Утром Милана не торопилась вставать. Была суббота. Нежась в постели, она вдруг вспомнила такой короткий разговор с Сергеем, но не могла сказать точно: было ли это во сне или на яву.

– Доброе утро, соня, – сказал Затонский, целуя ее в щеку. – У меня завтрак почти готов. Вставать думаешь?

– Пять минут и я на кухне, – сказала Милана. «Значит, мне всё приснилось. Иначе бы он вёл себя по-другому, – сделала она вывод. – Что-то между нами не так. Может страсть прошла, а другого ничего и не было? Меня не тяготит его присутствие, но и особого интереса я к нему больше не испытываю. Он своими поступками, как будто специально, подталкивает меня к ревности. Зачем? Эти частые телефонные звонки, после которых он исчезает на пару часов, дежурства помимо графика, ночные вызова. С этим можно было смириться, работай он в «неотложной» медицине, но он не хирург и не реаниматолог, – думала она. – Работа – это при-

крытие. Может он, как и я, устал от меня, но не решается сказать об этом и уйти».

Кончилась весна, наступило жаркое лето. На календаре было начало июля. Милана вернувшись с работы, поставила машину на парковку и шла к подъезду.

– Простите. Вы Милана Тихомирова? – спросила её девушка лет двадцать, двадцати трёх.

– Я. Чем обязана? – ответила она, разглядывая незнакомку.

– Мы можем поговорить где-нибудь?

– Домой я Вас не приглашаю. Здесь в соседнем доме есть хорошая кофейня, идём туда.

Они прошли метров двести и оказались в небольшом уютном зале. Сев за ближайший столик, Милана спросила:

– Вы будете чай или кофе?

– Зелёный чай, – ответила незнакомка.

Сделав заказ, Милана вопросительно посмотрела на девушку.

– У Вас что-то случилось? Вы очень волнуетесь и это написано на Вашем лице, – сказала Милана.

– Да, я очень волнуюсь, – ответила она. – Серёжа сам должен был поговорить с Вами, но всё время откладывает. А я Вам его просто так не отдам. Я буду бороться.

– Серёжа, я так понимаю, это Сергей Затонский?

– Да. Я жду от него ребенка. Вот, смотрите, – она протянула Милане снимок УЗИ. – У нас будет девочка, дочка.

Милана взяла в руки снимок не потому, что что-то понимала, а чтобы прийти в себя и выиграть время.

– Как Вас зовут? – спросила Милана.

– Маша. Мария Дроздова.

– Держите Мария Дроздова первую фотографию Вашего малыша. Воевать я с Вами не буду и сдамся без боя. Передайте Сергею Ильичу, что он свободен. Волноваться вам вредно. У Вас ко мне есть ещё вопросы?

– Нет.

– Всего доброго и будьте счастливы. Прощайте, – сказала Милана, положила под нетронутую чашку кофе купюру и пошла к выходу.

Она вышла из кофейни и пошла не в сторону своего дома, а в противоположную. На душе было так скверно, а в голове всего один вопрос: «За что?» Минут через десять «ходьбы в никуда», ей на глаза попался бар. Сев за стойку она заказала коньяк и сигареты. Заказ повторялся трижды, но напиток не брал, а от сигарет уже тошнило. Милана понимала, что её затея провальная, бессмысленна и попросила заказать ей такси. Открыв входную дверь своим ключом, она вошла в квартиру. Сергей был дома.

– Ты где была так долго? – спросил он. – Ты пьяна? Что у тебя случилось?

– У меня ничего, а вот у Марии Дроздовой, при твоей непосредственной помощи, случилась беременность. Тебя это не удивляет? А вот меня очень огорчает, – говорила она,

проходя в кухню. – Какой же надо быть идиоткой, чтобы не почувствовать, что ты нужна мужчине только для удобства. Для флирта и всего остального у него есть свои определенные параметры, вид и стиль.

– Что ты несёшь, Лана? Какое удобство, какие параметры?

– Заткнись! – крикнула она, бросая на пол, подвернувшуюся под руку кофейную чашку, не успевшую побывать в мойке. На пол была «сметена» и небольшая сахарница, и салфетница. – Мы живём с тобой десять месяцев, а это уже четвёртый эпизод «невинного донжуанства». С меня довольно! – сказала она, переступая через осколки и сахар. – Собери вещи и исчезни из моей жизни.

Она пробыла в ванне минут сорок, а выйдя и войдя в кухню, не заметила ни осколков, ни сахара, но за столом сидел Сергей.

– Поговорим спокойно? – спросил он, включая кофемашину.

– Говори, я слушаю, – равнодушно ответила Милана.

– Я не уверен, что между мной и этой Машей что-то было вообще. Возможно, её беременность просто выдумка. Возможно, она хочет таким образом остаться в городе.

– Ты себя слышишь? – спросила Милана.

– И слышу, и вижу. Она предстала пред тобой скромной и взволнованной. Всё это видимость. Она не так проста, как кажется. Соседка моей сестры выдавала дочь замуж. Эта Маша была среди подруг невесты. Я похож на сексуально оза-

боченного мужика, который вспомнил молодость и переспал на сеновале с девицей, на которой пробу ставить негде?

– Ты можешь доказать обратное? – спросила Милана с улыбкой.

– А тебе хочется поверить в сказку? – спросил Сергей.

– Скорее в романтику. Ночь, сеновал и молодая особа пусть и с пробой, – говорила Милана, не глядя на Затонского.

– Лана, какая романтика в конце марта на сеновале? Ты думаешь и говоришь мне всё это серьёзно? А если меня просто оговаривают?

– А у меня есть повод для шуток? Лично мне не смешно.

Вот,

что ты намерен делать? – спросила она, глядя на Сергея.

– Ничего. Решила, пусть рождает. Я сделаю тест, а ты делаешь ошибку, поверив этой девице.

– А вот это уже смешно. Почему ты этого не сделал раньше? Ты надеешься, что я буду жить как прежде с тобой и ждать подтверждения или опровержения факта отцовства? Переезжай в свою квартиру и живи с кем хочешь и как хочешь, – говорила Милана, глядя на Затонского и понимая, что он не чувствует за собой вины. – Всё, Сергей, на сегодня тема морали и доверия исчерпана. Об этом можно говорить много и долго, но я не вижу смысла в дальнейшей беседе.

– Ты устала меня содержать или нашла повод избавиться от меня таким образом? – спросил он с обидой.

– Глупее вопроса я от тебя не слышала, а повод ты дал мне на пару с Марией Дроздовой. Мне сама мысль о том, что ты был с другой не просто неприятна, она омерзительна. Людмила Петровна, Сара, Вика, Мария – это те, о которых я знаю. А скольких я не знаю? – говорила с горечью Милана. – Говорят: «Нет дыма без огня». Если бы ты не давал повода этой Маше поступить так, как она хочет, тебе не пришлось переживать эти неприятные моменты. Уходи, и давай обойдёмся без взаимных претензий.

Через день Милану встретил Илья Затонский.

– Лана, почему отец переехал в свою квартиру? – спросил он.

– Тебе правду сказать или соврать? Тебе, друг мой Илья, скоро шестнадцать. Ты мог бы простить человека, который предлагает тебе чай, предварительно плюнув в стакан? Молчишь? Твой отец для тебя лучший и я не стану с тобой спорить. Зачем мне жить с человеком, который время от времени лжёт. Терпеть его, только для того, чтобы не быть одной, я не буду. Извини.

Глава 7

Проведя ночь без сна, Милана пришла на работу вовремя. Она прошла сразу в кабинет Тихомирова. Оба отца были на месте.

– Дайте мне отпуск на две недели, – попросила она, после приветствия. – Я согласна с любого числа и на любых условиях.

– Где и что горит? – задал вопрос Тихонов. – Можно, дочь, без конкретики.

– Душа болит, а сердце плачет, – сказала дочь, строкой из песни. – Подробности не будет, а если коротко – я рассталась с Затонским.

– Он мне никогда не нравился, – хмуро сказал Тихомиров. – Он чем-то напоминает меня в молодости, а я, как знаешь, паинькой не был. Можешь идти с понедельника. На кого тендер оставишь?

– Не сыпьте мне соль на рану. Не знаю, еще не решила. Может, я за выходные передумаю куда-либо ехать, – ответила Милана. – Я что-нибудь придумаю.

– А я передумаю тебя отпускать. Детский сад какой-то. Было бы о ком жалеть и посыпать голову пеплом, – усмехнулся отец Тихомиров. – Отец просил тебя заехать, ты уж уважь деда. У него разговор к тебе есть, но о чём не говорит, старый партизан.

– Милана, до тендера две недели. Доведи всё до ума и езжай, – советовал ей Тихонов. – Лёша прав, не стоит твой Сергей дела, которому вы отдали столько сил и времени. Не думаешь о себе – ребят не подставляй.

– Ладно, пап, не сердись. Я сделаю так, как ты советуешь. Ребята не виноваты в том, что у меня в жизни не всё как у людей. Извините родители за истерику. Передай деду, хотя не нужно. Я перезвоню ему, и мы сами договоримся о встрече. У меня теперь будет много свободного времени по вечерам, – сказала Милана и вышла из кабинета.

– Что ж ей так не везёт с мужиками? Егор, потом Олег, через семь лет этот Сергей. Стоил он этого времени? – вопросительно глядя на Тихонова, спросил Тихомиров.

– Егора подставили, он до сих пор не женился, еврей выбрал, где больше приданого и связей, мы с тобой не дотянули. А чего не хватало Затонскому? – спрашивал Тихонов Тихомирова. – Милана в мать. Она саму мысль об измене не простит, ни то, что ее саму.

– Лёнь, как ты думаешь, чем ей помочь, чтобы отвлечь?

– Не суетись, друг. Она пар выпустила, добро на отпуск у тебя получила, и теперь будет готовиться к тендеру. Ребят своих она не подставит просто потому, что это была её идея, – ответил Тихонов. – Найти бы ей хорошего парня, да только где его найдешь. Лишь бы не стала она ненавидеть всех мужиков без разбору.

Милана, не откладывая, созвонилась с дедом и договори-

лась о встрече. Тихомирову Александру Степановичу весной исполнилось семьдесят два года. Он вновь женился на своей первой жене восемь лет назад. Раиса Степановна простила мужа и приняла его и Влада в свою семью. Они жили за городом в том же доме вместе с сыном Алексеем и его женой. Алексей Александрович Тихомиров всё же женился, взяв в жёны женщину с приданым в виде салона красоты и сына, ровесника Руслана. Руслан, которому было почти двадцать шесть, и двадцатипятилетний Влад имели небольшие квартиры в городе.

– Милана, поговорить с тобой хочу, – начал дед издали. – В нашей семье мужчины, кроме меня, в первую очередь делают, а потом думают. Присядь, то, что я тебе сейчас скажу не старческий маразм, а некий вывод после долгих раздумий, – говорил дед, и Милана видела, что он взволнован. – Я всё думал, двадцать лет до нашего бизнеса не было никому никакого дела. Кому и зачем он понадобился сейчас? Его не пытаются развалить совсем, расчёт сделан на то, чтобы его забрать как можно дешевле. У меня были и есть недоброжелатели, но никогда не было врагов. Склероза у меня, слава Богу, нет, но и на память ничего так и не пришло. Тогда я пошёл другим путём. Скажи, кто из наших конкурентов, если и не взлетел, то поднялся?

– Кроме «Вестстроя» других нет, – ответила Милана. – Они наши основные конкуренты на тендере. Там генеральный Гришаев.

– Гришаев номинальная фигура. Он хороший специалист, но контрольный пакет акций у Любавина. Я знаю только одного и это наш народный избранник. Я никогда не копался в своей памяти как безумный так глубоко. Я напряг не только свои извилины, но и связи. Я докопался до истины, но мне стало сложнее переварить то, что я узнал.

– Дед, ты сильно волнуешься, и это мне не нравится, – сказала Милана. – Давай прервёмся, выпьем успокоительно-го и спокойно продолжим. Дед, мир не рушится. Бизнес на месте. С проблемами мы разберёмся – я тебе обещаю.

– Да я, внучка, в душе спокоен. Это всего лишь эмоции, это они просятся наружу. Человек, которого я считал когда-то своим другом, пропал первый раз на тридцать лет, второй – на десять, и теперь пытается мне отомстить, даже не разобравшись в том, что не за что. Я скажу коротко и передам тебе то, что нарыл, как крот после единственного звонка в день моего семидесятилетия. Звонок был короткий, но понятный. «Шура, я просил тебя пятнадцать лет назад помочь моей семье. Спасибо, Шура, за такую помощь. Теперь платить по счетам придётся тебе». Так вот внучка, с самого начала. Любавиных в заводском посёлке было двое. Два брата седьмая вода на киселе. У одного сын Санька, у другого дочь Люба. Школа, завод, техникум. Нам было чуть больше двадцати, когда я женился, а Санька влюбился в девчушку, ей лет четырнадцать было. Через пару лет они расписались, а в семнадцать сынишка у них родился, и назвали его Сань-

ка, в честь отца. Старшая Люба Любавина чуть раньше тоже сына родила, но там без мужа, а значит и без отца. Теперь в посёлке две Любы Любавины с сыновьями Александрами. Через год Санька попадает под следствие из-за несчастного случая на заводе со смертями. Дали десять лет, хотя его вины в том не было. Люба ездила на свидания, оставляя сына с нами. В город он не вернулся ни в семьдесят восьмом, ни в восемьдесят восьмом. Нашёл меня в девяносто восьмом, явившись на один день с небольшим чемоданом денег и единственной просьбой помочь семье. Я ничего не узнал из его жизни. Тридцать лет прошло, а он ничего о себе не рассказал. Я даже не знаю, виделся ли он с семьей. Люба молчала, а я не мог беречь её раны своим вопросом. Она до сих пор его ждёт.

– Дедуль, давай чаю попьём, перерыв сделаем, – предложила Милана. – Не нравишься ты мне.

– Я не девка, чтобы нравиться. Спокоен я как удав. Слушай, что дед говорит. Так вот. Уехал Санька, а я решил не откладывать в долгий ящик дела. Сегодня деньги чужие есть, а завтра введут в искушение. Мы виделись с Любой раз-два в год. Чаше как-то не получалось. Поехал я к ним и предложил помощь. Мы тогда начали строить частные дома, и это был хороший выход. Дом построили на том берегу, семью перевезли, Санька мастерскую открыл. Живут они нормально. Любе сейчас шестьдесят пять, Саньке сорок восемь, внучки уже невесты. Связь мы поддерживаем. За что такие

обвинения?

– Ты считаешь, что его ввели в заблуждение? Но кто? Могу предположить, что это второй сын Санька Любавин как-то к этому причастен. Ты ведь не зря начал разговор именно с этого.

– Молодец! Сообразила. А я, старый пень, не догнал, как говорят мои внуки. Нанял частного детектива, рассказал ему всё и стал ждать. Он почти полгода собирал по крупицам досье на этого второго. Не всё в его биографии в девяностых было гладко, потом женился, хорошо поднялся, а самое главное контакт у него был с Александром Ивановичем. Одним словом, выдаёт он себя за его сына. Вся эта возня вокруг нашей компании чревата, милая моя, последствиями. Народный избранник утопит не только нашу компанию, но и настоящую семью Саньки, узнай он о моих «раскопках». Лана, если я не успею найти этого кретина, сделай это за меня. Он должен узнать правду. Многие избегут неприятностей, – сказал он, протягивая внучке папку. – Просто передай ему всё это.

– Дедуля, его так сложно найти? – спросила Милана.

– Найти не сложно, поговорить невозможно. Я даже не знаю, как он сейчас выглядит. Сам он на контакт не идёт, а передавать через кого-то я не могу. Хорошо, если всё это попадёт ему в руки, а если нет. Я не могу рисковать его собственной семьёй, – ответил дед.

– Дед, а зачем ему весь этот театр? Проще встретиться,

поговорить, всё выяснить.

– Санька уверен, что я бросил его семью и поднялся за счёт его денег. Кто ему мог это внушить? Прочтёшь досье на самозванца – сама всё поймёшь. Там что ни лист – кадр из криминальных новостей. Будь осторожна, внучка. Думаешь, я не понимаю, что сам одеваю тебе петлю на шею? Всё я понимаю. Попроси помощи у Егора, так вы сможете пообщаться, а может и помириться. Ланской так и не женился. Подумай, за тобой не только бизнес, но и три семьи.

– Откуда ты знаешь о Егоре? Вы с ним общаетесь? – спросила с удивлением Милана. – Я его лет девять-десять не видела.

– Отца я его знаю давно, а о Егоре только слышал с его слов. Это было год назад. Мы пересекались с его отцом, разговаривались о детях и внуках, ну, я тобой и похвастался. Оказалось – вы с ним были знакомы десять лет назад.

– Хорошо, дедуля, я сделаю всё, что смогу. Но у меня будет к тебе просьба – не посвящай в это дело никого из домашних, – просила она, пряча папку с документами в свою сумку.

С тех пор, как Милана предложила Тихомирову объединиться с фирмой Тихонова прошло три года, и ни одна из сторон ни разу не пожалела об этом. Теперь компания стала семейной. Нельзя сказать, что Милана была в ней мозгом, но к её мнению оба отца прислушивались, а иногда и советовались. У них был опыт и связи, а у неё нестандартное мышле-

ние, аналитические способности и два помощника-консультанта в лице Руслана и Влада. Она работала много и активно, проявляя трудолюбие и упорство, получая свою зарплату не зря.

Всё началось с того, что Милана собрала вокруг «молодёжную команду» и предложила поучаствовать в тендере строительства небольшого нового торгового центра, который планировался к застройке в новом районе с таунхаусами. Он должен был гармонично вписаться в районе застройки.

– Ребята, у вас есть шанс проявить себя. Проект не должен быть копией уже существующего. Нам нужно новое решение, свой вариант. Предусмотрите все нюансы для жителей именно этого района.

– Думаешь получиться? – спросил Руслан.

– Хватит им контролировать чужое, пора создавать своё. У нас есть год, чтобы справиться с задуманным, – ответила Милана.

Этот разговор состоялся в августе две тысячи пятнадцатого, а через полгода Милана попросила Влада установить на компьютере программу. Если кому-то чужому вздумается скопировать с него материалы, на ноутбуке включалась камера. Влад «пошел» дальше. Он установил на смартфоне Миланы программу и мог в любое время знать, где находится его сестра. Влад перестраховывался. Он видел, как переживает сестра за предстоящий тендер. Она чего-то опасалась

и не напрасно. Весной две тысячи шестнадцатого года «шпион» попался. Было принято решение работу продолжать, а информацию выдавать «дозировано».

– Возьми мы его даже с поличным, что для нас изменится? – спрашивал Руслан. – Появится другой, и как мы вычислим этого другого.

– Руслан прав. Будем продолжать, но на другом носителе, а этот будем «продвигать» с пробуксовкой или незначительными погрешностями, о которых мы знаем, а они и не догадываются.

Первого августа две тысячи шестнадцатого года компания выиграла тендер. Милана вышла из здания с молодым юристом и архитектором, все ещё радостно обсуждая такую удачу. Они шли к машине, которая стояла на стоянке, когда она заметила мужчину. Внутри молодой женщины что-то обрвалось, а ноги вдруг стали ватными.

– Егор? – спросила она и поняла, как глупо прозвучал вопрос. Он был узнаваем. – Привет! Ты что здесь делаешь?

– Привет. Мы можем с тобой поговорить прямо сейчас? Это не займет много времени, – говорил Егор, и Милана слышала в его голосе стальные нотки, не терпящие возражения. Разумнее было бы послать его и уехать, но что-то её останавливало.

– Мне ребят отправить или пусть ждут? – спросила она.

– Я отвезу тебя туда, куда скажешь. Пусть едут, – ответил он.

– Ребята, держите ключи и езжайте в офис. Я приеду позже. Не волнуйтесь. Это мой старый знакомый, давний друг. – Что у тебя ко мне за дело? – обратилась она к Егору.

– Садись в машину. Поедем в тихое место, там и поговорим, – говорил Егор, садясь за руль. – Ты не бойся. Давний друг тебя не обидит.

Он привез её на набережную, где они часто гуляли.

– Надо же, я здесь не была лет восемь, – сказала Милана, выйдя из машины. Много изменилось или я стала забывать эти места, – говорила она, оглядываясь по сторонам. – Скажи, наша встреча не случайная? С чем она связана? – глядя на Егора, спросила Милана.

– С твоей сегодняшней победой. Она усложняет не столько твою жизнь, сколько компании, – говорил Егор, глядя на воду. – Ты сама давно просчитала, что компанию пытаются утопить всеми правдами и неправдами. Твоя идея с тендером созрела не сразу и не с потолка, но твой отвлекающий манёвр не спасёт ситуацию. Что ты намерена делать дальше?

– Пусть всё и так. В чём твой интерес? С чего вдруг такая забота через девять лет? – спросила Милана.

– Десять. Десять лет прошло, но я не терял тебя из виду. Чего ты сердишься? Меня давно нужно простить за истечением срока давности, – сказал спокойно Егор.

– Не сержусь я и простила давно, и отпустила. У меня не было к тебе классовой ненависти. Была, конечно, обида, но не такая и горькая. Очень неприятно узнать, что полгода ты

говорил сразу двум одни слова и спал с ними по очереди.

– Я знаю, как это бывает неприятно. Я видел тебя с евреем, прости, с адвокатом. Где ты его только нашла? – с сожалением спросил Егор.

– Если бы не ты со своими «сюрпризами», возможно, адвокат так и остался незамеченным. Мы познакомились с ним в Италии. Еврей оказался не героем моего романа. Он неплохой молодой человек, но, оказывается, перспектива хорошего приданого и связей меняет людей. Я его встретила года три назад и ничего особенного за ним не заметила. Скажи, у вас у всех мужчин есть полная уверенность в том, что бывшая подруга обязательно к вам бросится на шею?

– Об уверенности не знаю, а большое желание есть. Люди со временем меняются, меняются и чувства, но не исчезают совсем. Я не сентиментальный, но хорошо помню и наше знакомство, и твоё первое разочарование мной. Ты так была расстроена «потерей» еврея, что даже не заметила, кто тебя привез домой, не спрашивая адреса, – говорил Егор, глядя пристально на Милану.

– Значит, это был ты. Это ты мне говорил о новом дне после рассвета и подарил мои любимые цветы. Почему я тебя не узнала?

Ты за мной следил? Почему? – спрашивала удивлённая Милана.

– Зачем так грубо. Я хотел тебя поздравить с получением диплома, но опоздал на теплоход и ждал его возвращения.

Не будь ты так расстроена, я бы не маскировался, а так пришлось хитрить. Не включать свет в салоне, надеть бейсболку не к месту и тёмные очки. Тебя это не смутило? А вообще, я наблюдал за твоей жизнью издалека, и ни разу в нее не влез, но и не мог допустить, чтобы тебе доставили неприятности. Пойдём в машину, сейчас дождь пойдёт, – говорил он.

– Значит, ты многое обо мне знаешь? – спросила Милана, садясь в машину. – Зачем тебе это?

– Не заводишь. Да, я знаю, что после Англии ты долго ни с кем не встречалась. Да, я знаю о докторе, с которым ты рассталась. Я знаю, где ты живёшь, где работаешь, как часто бываешь у отца и Тихомировых. Разве я своими знаниями кому-то мешал? Что мои знания изменили в твоей жизни? – спрашивал он с обидой в голосе.

– Извини. Доктору хватило трёх дней, чтобы понять, что возврата не будет. Он, мне показалось, не очень и расстроился. О чём ты со мной хотел поговорить?

– Это ты меня прости. Как-то я отклонился от темы. Поедем в кафе? – смутился Егор.

– Проверим твои знания и поедем ко мне домой, там и поговорим, – предложила Милана.

– Как скажешь, – согласился Егор, выезжая на проезжую часть.

Они ехали и молчали, пока Егор не припарковал свою машину у дома Миланы. Поднявшись в квартиру, хозяйка предложила:

– Проходи, осматривайся, располагайся, а я позвоню, и мы продолжим нашу увлекательную беседу. – Влад, ребята приехали? Нет, брат, праздновать пока рано. Пожалуйста, пригони мою машину, захватив с собой Руслана и большую пиццу. Я дома и жду вас в течение часа. Время пошло!

– Милана, присядь и послушай меня внимательно. Тебе, вернее всем вам, грозит опасность. Ты ведь сама знаешь истинное положение дел в компании. Теперь, когда вы все вместе, в одной лодке, вас проще утопить. Как это сделают, я не знаю, но будут действовать жестко и перейдут от шантажа к крайним мерам. Я не могу допустить этого, поэтому и решился на встречу с тобой, – говорил удрученно Егор.

– Ты хочешь сказать, что наша компания кому-то нужна и этот кто-то попытается её получить? – с тревогой спросила Милана.

– Думаю, что всё гораздо сложнее. Если она кому-то и нужна, то в качестве «сдувшегося» конкурента. Её нужно разорить и взять за бесценок. Знаешь, вся эта возня вокруг «Сибстроя» напоминает мне месть. Холодную и расчётливую месть. Вам троим мстить пока не за что, Тихонову не за что в принципе, остаётся Тихомиров. Но какой? Поговори с Александром Степановичем.

– Даже не знаю, злиться на тебя или благодарить, – сказала Милана, глядя на Егора в упор. – Я разговаривала с дедом. Тебе говорит о чем-нибудь фамилия Любавин? – спросила она и передала разговор с дедом, показав копии бумаг,

собранных им.

– Теперь понятно откуда дует ветер. Только стало еще хуже. Любавин младший, будем так его называть, отпетый бандит. С виду приличный бизнесмен, окруживший себя полезными деловыми связями, а по натуре жёсткий, беспринципный монстр. Ожидать от него можно чего угодно, а вот законными методами его не взять, – волнуясь, говорил Егор. – Подделку документов и ту не докажешь. Они настоящие, а вот владелец их липовый, хотя и полный тезка. Ты думаешь, узнав о «раскопках» твоего деда, он будет сидеть и ждать? Он сделает ход первым. Я подумаю, как нам поступить.

– Нам? – удивилась Милана.

– Нам. Ты можешь предположить, что я оставлю тебя один на один с такой проблемой? Нет, Милана Леонидовна, я по старой памяти займусь её решением. Жаль, нет у меня больше соратника в лице Никитича.

– Ты «сотрудничал» с моим дедом? Вы виделись с ним? – ещё больше удивилась Милана.

– Я общался с Илюхиными при их жизни, присутствовал на похоронах. Ты ведь с подачи деда Николая предложила компаниям объединиться? А кто предположил, что тебя могут подставить взяткой? Это всё Никитич.

– Ты всё это время «удаленно» помогал мне выплыть? – удивлённо спросила Милана.

– Да ты почти и не тонула. Я и сейчас не дам тебя утопить. Дай мне пару дней, и, пожалуйста, не говори о нашем разго-

воре никому, – сказал он, услышав звонок домофона. – Как ты братьям объяснишь моё присутствие?

– Это ты им объяснишь то, что привело тебя ко мне. Ты сам выяснил причину исчезновения денег?

– Как ты догадалась?

– Ты не знал о Любовине, а значит пришёл не с пустыми руками. Что-то было в твоём запаснике. С учётом наших проблем, я и сделала выводы, – сказала Милана, открывая дверь братьям. – Вы ребята знакомьтесь и располагайтесь в гостиной, а я займусь обедом. Мужчины на голодный желудок плохо соображают.

– А если бы мне нечего было сказать? – спросил удивленно Егор.

– В любом случае, без обеда я тебя не оставила, – улыбнулась Милана.

Прошли пару часов, прежде чем Влад закрыл ноутбук и облегчённо вздохнул. Все это время Милана «переваривала» разговор с Егором. Она была слишком удивлена стремлением Егора помочь, его осведомлённостью и его откровенностью. «Прошли десять лет с того момента как мы расстались, а он, оказывается, общался с дедом, который мне ни разу не проговорился. Зная о моей личной жизни, не критикует её. Знает моих противников и старается помочь. Почему? Он, на мой взгляд, не изменился. Да, стал взрослее и, пожалуй, жестче. Надо бы поинтересоваться семьёй, работой. Как-то я упустила этот момент. Откуда он может знать столько?» –

думала она, стоя у плиты.

– Как тебе это пришло в голову? – спросил Руслан Егора.

– Случайно, – ответил тот уклончиво.

– Опыт, брат не пропьёшь, – сделал выводы Влад. – Отец будет доволен.

– Мне не надо напоминать вам о том, что я к этому не имею отношения? – спросил у молодых людей Егор.

– Кроме слов благодарности тебе положена премия. Я правильно говорю, Милана Леонидовна? – спросил Руслан.

– Давайте к столу. Вы, ребята, похожи на заговорщиков, которые провернули отличную аферу.

– Мы похожи на рыцарей, наказавших аферистов, – смеялся Влад.

Пообедав и отказавшись от кофе, братья покинули квартиру.

– Хорошие парни. Как здоровье Руслана? – спросил Егор.

– Спасибо, нормально, но анализы сдаёт регулярно без напоминания.

– А что у тебя с доктором? – поинтересовался Ланской.

– Уже ничего. Он оказался очень любвеобильным. Скажи, Егор, у меня на лбу написано, что меня можно легко обмануть?

– Надпись здесь роли не играет. Это мы уверены, что наши похождения могут остаться незамеченными. Дело ведь может и не дойти до измены. Её можно инсценировать, выдумать, найдя свидетелей. У тебя в доме есть алкоголь? –

спросил Егор.

– Только коньяк. Ты его сегодня заработал, но ты за рулем.

– Давай коньяк и я, наконец, расскажу тебе о Вике. Кто знает, когда мы в следующий раз сумеем поговорить спокойно? – сказал он, беря в руки бокал с напитком. – В декабре две тысячи пятого в выходной мы с Антоновым возвращались из посёлка в город. Я от тебя, он от родителей. Погода была ужасная и я, позвонив домой, остался в его съёмной квартире. Мы с ним пили коктейль, который он приготовил сам, но немного и недолго. Потом появились две девицы. У меня сложилось впечатление, что они уже были там. Я смутно помню эту, так сказать, вечеринку. Запомнились краткие эпизоды, обрывки фраз. Утром я проснулся абсолютно голый в одной постели с Викой. Ни Павла, ни второй девицы в квартире не было. Через два месяца я узнаю, что она беременная. Вика сумела убедить меня и окружающих в том, что я отец ребенка, а я не мог отрицать этого, – говорил Егор, делая глоток из бокала.

– И чем все закончилось? Как она? – нетерпеливо спросила Милана.

– Уже ни как. Я рассказал о ней родителям, получил встряску. Они мне и посоветовали, чтобы до родов она поселилась у нас в комнате сестры. Вика жила с матерью, которая родила её без мужа, и не очень жаловала. Моя мать, предупредила возможную сноху, что после анализа ДНК, ей в любом случае придётся от нас съехать. Разница заключалась

лишь в том, что при положительном анализе – она съедет в съёмное жильё, которое мы будем оплачивать, а она откажется от ребёнка, ну а при отрицательном – съедет в никуда. Вика согласилась без всяких дополнительных условий. Ребёнок ей был не нужен, и она этого не скрывала. Она прожила в нашей квартире до родов. Родила раньше срока, когда узнала, что Антонов скончался. Но сынишка родился вполне доношенным. Она дала сыну имя в честь Антонова. Моя мама акушер и знает в этом толк. Пару месяцев после родов, пока я не получил результат анализа ДНК, она ещё надеялась на чудо, всячески пытаюсь разжалобить. Это было, пожалуй, самое сложное время в жизни нашей семьи. Очень быстро выскочила замуж за моего товарища по службе. Максимов потерял от неё голову, а ребенка усыновил. Они прожили втроем года четыре, а потом она добровольно ушла из жизни. Официальная версия – сердечный приступ, фактическая – передозировка, – продолжал он, делая очередной глоток. – Они говорят либо хорошо, либо ничего, но думаю, Антонов приложил к этому делу не только руку, но и член. Максимов один воспитывает ребенка года четыре-пять, – с сожалением говорил Егор. – Ты знаешь, что Павел мне предлагал пари?

– Я слышала ваш разговор в клубе. Но я знаю и то, что Павел уговаривал Вику переспать с тобой или имитировать связь. Мне Полина через год после трагедии с братом рассказала. Как же глупо всё получилось, – говорила Милана, делая глоток из своего бокала. – Значит, Павел ещё до пари

всё распланировал. Скажи, почему ты столько лет не попался мне на глаза, а сделал это только сейчас? Если бы ты рассказал мне обо всём раньше...

– Чтобы это изменило? Да и вряд ли ты стала меня слушать. К тому времени ты была рядом с адвокатом. Потом уехала в Англию, а я через полгода отправился на Кавказ. До настоящего момента у тебя не было проблем на работе, теперь появились. Я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось, просто хочу помочь, – ответил Егор. – А в твою, Лана, личную жизнь я не мог вторгаться. За эти годы ты очень изменилась, но я всё ещё слышу слова: «Я тебя ненавижу».

– Ты вообще, где работаешь? Как живёшь и с кем? Как родители? Я о тебе ничего не знаю, – глядя на Егора, говорила Милана.

– Мама на пенсии, отец еще служит, а я пошёл по его стопам, но не женился. Есть квартира, машина, зарплата, которой мне хватает. Сестра замужем, двое детей, живут здесь. Что тебя еще интересует? Женщины у меня и временные, и постоянные были, но все без взаимных обязательств. Я всегда любил тебя, Милана, и люблю. Кто мне может это запретить? Твоя ненависть ко мне не прошла? Скажи, когда мы разберёмся со всеми проблемами, мы можем попробовать начать все с начала или у меня нет шанса? – спрашивал Егор, глядя на Милану.

– Это алкоголь «подогрел» твое решение? – спросила она

и вспомнила их общее прошлое. «Он никогда не говорил мне о любви. На мой вопрос: «Ты меня любишь?» всегда отвечал: «Да», «Очень», «Конечно», но никогда не говорил об этом сам», – думала она, разливая коньяк.

– Алкоголь лишь повод. Эта доза для младенца. Я «развязал» язык сам, а мысль эта меня никогда не покидала. Я мог встретиться с тобой случайно и раньше, но не был уверен в твоём прощении. Одно дело – любить и сомневаться, другое – любить и знать наверняка, что любовь эта никогда не станет взаимной. Я не женат, ты не замужем. Может, рискнём?

– В таком случае, чего ждать? Помни только о том, что мне не семнадцать лет, а почти тридцать и ты должен очень постараться, – говорила она, выпив коньяк и расстегивая пуговицы на своей блузке.

Не заведи Егор этого разговора, желания и не возникло. Теперь же оно было настолько велико, что затмило и разум, и волю. Егор на мгновение опешил от её решимости, но быстро «пришёл» в себя. Для него мечта могла стать реальностью, соблазн был слишком велик, но и «высказывание» Миланы стоило учитывать. Он отставил свой бокал, посмотрел Милане в глаза, обнял и поцеловал её так, что слова стали лишними. Водоворот страсти поглотил обоих...

Два «бездыханных» тела, выброшенных из пучины страсти, лежали тесно прижавшись друг к другу. Сон сморил обоих почти одновременно. Милана открыла глаза, когда часы показывали 04:30, а за окном начинался рассвет. Они

проспали, по меньшей мере, часов восемь. Вставая с кровати, она заметила, что веки Егора дрогнули, но глаза он не открыл. «Притворяйся дальше. Мне это только на руку, – подумала она, направляясь в душ. – Ну и как мне теперь с тобой общаться? Да ни как! Переспала я с тобой и что? – говорила она, представляя рядом Егора. – Себе не ври, Лана. Этот «пересып» доставил тебе такое удовольствие, которое ты хотела бы испытать ещё. Другое дело, удастся ли тебе это повторить. Не надо забивать себе голову подобными проблемами, Милана Леонидовна, не надо строить далеко идущих планов, пользуйтесь моментом. В вашем случае стоит принимать не только помощь Егора, но и его сексуальный интерес к вам. Да, возможно, всё это временно, но что у нас может быть постоянным?». Ей хватило двадцати минут, чтобы окончательно проснуться, привести себя в порядок, но так и не решить, как вести себя с Егором. Пройдя в кухню, она краем глаза заметила, что её «гость», как партизан, последовал её примеру. Он вошёл в кухню минут через десять, надев вещи, которые недавно лежали на ковре, подошёл к Милане, взял её за плечи и заглянул в глаза.

– Лана, послушай, если тебя моё общество тяготит – я уйду. Мы можем встречаться на нейтральной территории пока не закончим с нашими проблемами. Я не брошу начатое дело.

– Ты на службу ходишь в форме? – спросила Милана, словно не обратила внимания на его слова.

– У нас свободная форма одежды особенно летом.

– Подожди пару секунд, – попросила она, направляясь в спальню и возвращаясь с летней легкой рубашкой. – Примерь. Я купила её Руслану, она оказалась велика, а Влад у нас рубах не носит, предпочитая поло и футболки. Доктора ты видел, а значит, знаешь, что это не его размер. По-моему хорошо, как считаешь?

– Зачем всё это? – недоумевал он.

– Ты хотел попробовать начать нам сначала или передумал? Я согласна на подобный эксперимент, а на работу ты должен ходить аккуратным и стильным. Этого достаточно?

– Хорошо, если это так.

– Зубную щетку я тебе куплю, а об остальном позаботься сам, – пошутила она и поняла, что шутку не приняли.

– Я тебя не разочаровал? – нерешительно спросил Ланской.

– Ты мне, Ланской, симпатичен и ты меня очаровал, хотя первое впечатление бывает обманчиво, – улыбнулась Милана. – Ты плотно завтракаешь?

– Я не завтракаю, у меня с утра не на что не хватает времени – люблю поспать, – ответил Егор.

– На сегодняшний завтрак у нас есть время, – говорила она, включая плиту. – Егор, ты должен знать: то, что произошло между нами – это моё добровольное решение, желание, каприз. Называй, как хочешь, но это не плата или аванс за твою возможную помощь.

– Я не смешиваю личное и работу. С тем, что это переплелось, я разберусь, и не думай, что я просто воспользовался ситуацией. Я достаточно много тебе рассказал, чтобы меня понять.

– А я и не думаю. Тебя когда ждать?

– К ужину. Я тебе сейчас позвоню, а ты внеси в память мой номер телефона. Спасибо за завтрак. Где рубашка, обещанная мне с барского плеча?

И Милана, и Егор понимали, что возобновлять отношения, даже по обоюдному согласию, после стольких лет сложно. Проще было бы не знать друг друга, ведь каждый из них помнил, каким был другой и привыкнуть к нынешнему, крайне сложно. Прошла неделя, отношения между ними оставались тёплыми и нежными, а в компании ничего не происходило.

– Лана, ты к деду сегодня поедешь? – спросил Егор в субботу. – Мне нужно с ним поговорить, а, возможно, и поехать с ним к Любавиным. Сам Любавин в отъезде и будет не раньше середины сентября. Думаю, акцию предпримут по его возвращению.

– Почему?

– Потому, что будет нужен стрелочник. В исполнители его не запишут, а кандидатуру заказчика «предложат».

– Завтракай, и поедем к Тихомировым. Поговоришь с дедом без переводчика, и решите, есть ли смысл ехать к Любавиным.

Глава 8

Рано утром девятнадцатого сентября Милане позвонил Руслан и, не называя причины, просил срочно приехать в дом к деду.

– Я поеду с тобой, – сказал Егор. – Помогу, чем смогу.

– Езжай на работу. Там отец, его жена и я не думаю, что все вместе мы не справимся. Не сердись.

Милана приехала раньше полиции и увидела жуткую картину: в дверях кабинета лежала бабушка Раиса Степановна в луже крови, а в кресле сидел дед, уронив прострелянную голову на стол.

– Мачеха с отцом, у него поднялось давление, – сказал Руслан. – В полицию я позвонил.

– Влад, соберись, – попросила Милана брата. – Здесь должна быть камера. Дед ждал кого-то и не мог просто так подставиться под пулю. Что-то искали, а деньги не тронули.

– Лана, компьютер в режиме сна. Есть запись, – сказал Влад.

– Сделай мне копию, чтобы у полиции не было повода утаить её. Что ж ты, дед, не сказал, что к тебе подобралась так близко, – тихо сказала она. – Кто будет следующий? – Она набрала номер и позвонила отцу. – Пап, приезжай к Тихомировым, у них беда.

– Держи, – сказал Влад, протягивая ей флешку с записью

с камеры. – Что нам делать.

– Как всё произошло? – спросила она Руслана.

– Не знаю. Мачеха просила приехать, сказала, что отцу плохо. Я созвонился с Владом. Приехали мы почти одновременно. Отец в постели, она рядом, а дед и бабушка здесь, – ответил Руслан. – Что тебе даст эта запись?

– Не знаю брат. Но одно знаю точно – пока не приехала полиция, мне нужно уехать в город. Я вас очень прошу, соберитесь и помогите отцу. Мой отец скоро приедет. Нужно будет, вызывайте скорую. Я постараюсь управиться раньше и вернусь. Нужна буду полиции, пусть свяжутся со мной. Мне проверить кое-что придётся.

– Лана, ты справишься сама? – спросил Руслан.

– Не волнуйся, я позвоню Егору и попрошу помощи. Да, ребята, нужно быть кому-то в офисе. Решите это с Тихоновым.

Милана вернулась в свою квартиру. Она ожидала найти там беспорядок, но всё было на своих местах. Документы она хранила в папке в банковской ячейке, сделав фотографии всех бумаг на свой смартфон. Позвонив Егору и коротко рассказав о трагедии в доме, она поехала «на удачу» к Капустину Петру Степановичу, которого «навещала» девять лет назад. Милана не особо надеялась на приём, но другого выхода у неё не было.

– Ты очень изменилась Милана Тихонова. Или лучше сказать Тихомирова? – спросил Доллар, после десятиминутного

ожидания приёма. – За кого на этот раз бросаешься на амбразуру?

– За деда. Александра Степановича Тихомирова и его жену убили в собственном доме сегодня рано утром, их хладнокровно застрелили.

– Извини. Прими мои соболезнования, но я почти не знал его. Что тебя привело ко мне? – миролюбиво спросил он.

– Вы знаете Любавина Александра Ивановича? По глазам вижу, что знаете. Передайте ему вот эту копию с фотографий, – говорила Милана, протягивая лист. – На обороте есть мой номер телефона. Сочтёт нужным – позвонит.

– И всё? Кто это? – спросил Капустин, разглядывая копию.

– Это всё. Но, если копия попадёт не по адресу или попадёт к адресату нежелательным транзитом, Вы станете соучастником новой трагедии. Дед разворошил осиное гнездо и поплатился за это. Спасибо, что уделили время, – сказала серьёзно Милана.

– Постой. Я тебе дам его прямой номер телефона. Так будет и быстрее и безопаснее для меня. Я не хочу быть причиной новой беды, – изменив своё решение, сказал Капустин, листая контакты.

– Хорошо. Бумагу я сжигаю, а у Вас я не была, – согласилась Милана.

– Не иронизируй. Можешь говорить отсюда. Я не настолько труслив, но и не хочу чувствовать себя крайним, – сказал

он. – Это его номер, звони.

– Я отправлю ему сообщение, и пусть он принимает решение сам, – говорила Милана, находя нужные фото, отсканированные с оригинала и пересылая их новому абоненту. Одна фотография была сделана в далёком шестьдесят седьмом году на свадьбе Александра и Любви Любавиных, вторая, сделанная в прошлом году в саду у Любви Любавиной, на которой была запечатлена вся её семья. – Петр Степанович, дело прошлое, скажите честно: что произошло, вернее, что Вы предприняли, что мой отец так быстро остепенился?

– Он сам не рассказал тебе эту душещипательную историю? Я думал, если и не расскажет, то пожалуется, – вздохнул он.

– Я не спрашивала, а он не говорил. Помню, что просил не бросать их с Русланом, – сказала Милана.

– Пусть это останется нашим с ним секретом. Бывают такие моменты, о которых вспоминать не хочется, – сказал Капустин. –

Сейчас между вами всё нормально?

– Всё хорошо. Спасибо, – ответила она и, услышав рингтон, ответила на звонок.

– Откуда это у Вас? – спросил хриплый мужской голос, без всяких предисловий. – Люба жива и это она на фото с сыном и его семьёй?

– Любовь Ивановна жива и здорова. На фото, действительно, она с Вашим сыном и его семьёй. Хотите узнать боль-

ше? Тогда в течение часа Любавин младший, которого Вы считаете своим сыном, должен сидеть под усиленной охраной. Я не знаю, как Вы это сделаете, но хочу добавить, что самозванец уже добрался до моего деда. Тихомиров застрелен в собственном доме на рассвете вместе с женой. Как думаете, кто следующее звено в этой цепочке? Думаю, узнав обо всём, вам самому захочется его удавить. Через час позвоните мне, и я подъеду, куда скажете. – Спасибо Вам, Пётр Степанович, за помощь. Вы не сердитесь, что нагрязнула, как снег на голову. Кто бы мне ещё помог, если не Вы? Кто в городе лучше всех знает своё поколение? Спасибо. Я поеду.

– Обращайся. Держи мой номер телефона и звони в случае необходимости. Я человек старой закалки и не сентиментальный, но что-то мне подсказывает, что молодое поколение далеко не всё пропащее, – улыбнулся Капустин. – Удачи тебе.

Милана чувствовала себя как в плохом кино, когда сценарий пишут по ходу съёмки. Она не знала, что делать дальше. «Хорошо, если Любавин мне поверит, а если нет. Если он расскажет всё самозванцу, то визит к настоящим Любавиным станет опасным для них или невозможным. Пора ехать к Егору», – думала она, выйдя от Капустина и садясь в свою машину. Разговор с Егором не занял много времени.

– Ты всё правильно сделала. Только почему сама? – спросил он и ответил на телефонный звонок. Выслушав собеседника, чуть улыбнулся. – Старик тебе поверил, а это главное.

Любавин приехал вместе с помощником. Дом взяли под наблюдение. На встречу я поеду с тобой и не спорь. Ты не ответила на мой вопрос. Ты мне не доверишь?

– Я тебя оберегаю от нежелательных знакомств. Пойми, мне пришлось навестить Капустина. Тебе не нужны такие встречи. Одно дело подруга замечена среди полукриминальных элементов, другое дело ты сам. Туда, где для тебя есть профессиональный интерес, я тебя с большим желанием возьму, но подставлять не буду, – оправдывалась Милана. – Ты и так влезает к тигру в пасть, не спрашивая разрешения. Вот кто взял дом под охрану, и с каких пирогов?

– Нам нужен сам Любавин младший, а тебе нужно, чтобы он не мешался под ногами. У нас общий интерес, – улыбнулся Егор. – Давай договоримся: у тебя больше не будет от меня секретов, и я сам буду решать, как поступить в сложившейся ситуации. Идёт? У тебя телефон звонит.

– Договорились в общих чертах, а в деталях разберемся позже.

Ответив на звонок, Милана поехала по названому адресу. У ворот скромного особняка стоял пожилой мужчина и два, видимо,

охранника. Остановив машину рядом с ними, она опустила стекло.

– Садитесь в машину, Александр Иванович, – предложила Милана, она уже знала, как выглядит Любавин старший. – Это мой друг Егор, моя охрана, но у него есть и свой инте-

рес к Любавину младшему. Взгляните для начала на это, – она открыла ноутбук с записью с камеры и развернула его к Любавину. – Узнаёте своё запястье? Кому выгодно скрывать своё лицо, но демонстрировать Вашу особую примету?

– Вы же понимаете, что это не я, – сказал Любавин, глядя на экран. – Я и десять лет назад уже так не двигался.

– Я даже уверена, что это не Вы. Голос послушайте, – Милана добавила звук

– Я знаю, чей это голос и догадываюсь, кому он звонит. Что ещё?

– Здесь доказательства того, что Любавин – это сын Любови Яковлевны, но не Ваш. Ваша жена и сын с семьёй давно живут в другом месте. Я не буду рассказывать Вам, каким порядочным был мой дед. Не боитесь расправы над дорогими сердцу людьми? То, что узнал мой дед, мог узнать и самозванец Любавин. Где он?

– В надёжном месте, – хмуро ответил старик.

– Уверены? Я не хочу быть причастна к убийству.

– Значит, Шурка пострадал, раскопав всю правду? Гадёныш его убрал, именно за это? Я, старый дурак, так слепо ему доверял.

– Вы так были обижены, что не захотели встречаться с дедом. За что Вы ему собирались мстить? Вы сами загнали себя в угол, поверив бандиту с большой дороги. Что Вы о нём знаете? Деда мне не вернуть, но его просьбу я выполнила. Он просил найти Вас и рассказать обо всём. Хотите встре-

титься с семьей? Можете гарантировать её безопасность? – спросила Милана, поглядывая на старика.

– Не мучай меня больше, девочка. Поехали, я не выпущу его просто так. Он ответит за всё, – чуть не плакал старик.

– Поехали, – согласилась Милана, заводя машину. – Ваша охрана может ехать следом, если Вы ей доверяете. Один Вас, мягко говоря, уже подвёл.

– Лана, давай я поведу машину, – предложил Егор.

– Спасибо. Ты, пока едем, объясни нашему Александру Ивановичу свой интерес к его названому сыну. Пусть знает всё.

Милана сосредоточилась на дороге, думая о таком недавнем разговоре с дедом, и не прислушивалась к разговору двух мужчин. Следом за её машиной ехал джип с охраной Любавина. Приехав по знакомому адресу, она посигналила, вышла из машины, захлопнув дверь, сказав за секунду до этого: «Идёмте», и открыла калитку. Милана бывала здесь с дедом в роли таксиста два-три раза в год, поздравляя хозяйку с днём рождения, Новым годом и Рождеством. Из дома неспеша вышла худощавая, невысокого роста, аккуратно причесанная женщина, волосы которой были собраны, и в которых появилась седина. Сквозь прозрачный забор она увидела две машины и Милану, входящую в калитку.

– Здравствуйте, Любовь Ивановна, – улыбнулась гостья.

– Здравствуй, Ланочка. Ты сегодня с почётным караулом? – спросила хозяйка, обнимая гостью. – Случилось че-

го? – поинтересовалась она и увидела пожилого мужчину входящего во двор. – Санечка, – сказала она тихо, не веря в происходящее. – Санечка, родной мой, – повторила она и медленно пошла навстречу.

– Любонька, – только и сумел выговорить Любавин, обнял жену и заплакал. Семидесятидвухлетний мужчина, не видевший жену почти пятьдесят лет, не сдерживал слёз. Это были и слёзы радости, и слёзы раскаяния, и слёзы потерь.

Милана позвонила сыну Любове Ивановны, выйдя за калитку, и подошла к охране.

– Я позвонила настоящему сыну Александра Ивановича. Он сейчас подъедет. Я Вас очень попрошу – оставайтесь на месте, пока ваш босс разберётся с семейными проблемами. Мне бы хотелось верить в то, что неприятности закончились и жертв обмана больше не будет, но я могу и ошибаться. У него есть мой номер телефона. Буду нужна, пусть звонит. Всего доброго, – сказала Милана и села в свою машину, но уже на пассажирское место. Водительское кресло занял Егор. – Поехали. Здесь без нас разберутся.

– Ты как? – спросил Егор, глядя на неё.

– Жалко стариков. Они могли прожить ещё, и пять лет, и десять. Бабушка так хотела дождаться правнуков, – говорила она, глядя на дорогу. – Любавиных жалко. Сорок лет ждать мужа – это подвиг. Дедушка рассказывал, что к ней сватались и ни один раз, а она и слушать не хотела о новом муже. Жила сыном и надеждой на встречу. Ты не будешь про-

тив табачного дыма? – спросила она, открывая бардачок и доставая сигареты. – Извини. Мне самой плакать хочется, напиться и забыться, но нужно вернуться в дом Тихомировых. Мальчишки волнуются. Влад уже дважды звонил. Папа в офисе. Вечером я буду дома.

– Поезжай, а я вызову машину. У меня тоже много дел. Ты у меня молодец, хорошо держишься.

– Это потому, что ты рядом. Если бы не ты... Дождёмся твоего извозчика, и я поеду, – говорила Милана, прикуривая сигарету.

Милана вернулась в дом Тихомировых, когда тела уже увезли. Она поговорила с братьями и поднялась к отцу. Отец тихо лежал в кровати, и казалось, уснул. Услышав, что кто-то вошёл, он открыл глаза.

– Как ты, Алексей Александрович? Что говорит полиция? – задала Милана вопрос, присаживаясь рядом.

– Что они могут сказать? Идёт следствие. Со мною всё нормально, завтра будет совсем хорошо. У тебя какие новости?

– Злодеев взяли, а я просьбу деда выполнила, – ответила она.

– О чём ты? – удивлённо спросил отец.

– Дед узнал, кто хочет утопить нашу компанию, за это и оплатился, – грустно сказала дочь. – Прости. У нас с ним был уговор.

– Ты знала обо всём и молчала? – удивился Тихомиров.

– Знала не всё, но молчала. Я немного не успела. Дед либо не успел мне позвонить, либо не стал подставлять. Ты Любавина знал?

– Ты говоришь о депутате? Слышал, но знаком не был. Это он? – спросил Тихомиров.

– Его люди. Он сам такими делами не занимается.

– За что? – недоумевал Алексей Александрович.

– За то, что дед мог вывести его на чистую воду, а Любавину нельзя было терять ни деньги, ни власть, ни репутацию.

– Похороны в среду, – сообщил Тихомиров, после минутной паузы. – Почему отец не доверился мне?

– Пап, не раскисай. Твоим родителям это бы не понравилось, а тебе и о нас стоит подумать, – говорила Милана, держа отца за руку. – Дед был мудрым воином. Твоя личность у всех на виду. А кто обратит внимание на особу вроде меня? Всю основную работу он сделал сам, мне оставалось только передать бумаги. Я сделала это. Пап, после похорон займись своим здоровьем. Договорились?

– Я подумаю, – пожимая дочери руку, пообещал он.

– Утром я выйду на работу, а папу пришлю сюда.

– Не выдумывай. Работайте все. Пусть полдня, но чтобы были на работе. Похоронами и поминками есть кому заняться, я лежу под присмотром. Завтра вечером доложите, чего вы там наработали. Иди, но перед отъездом поешь, ты выглядишь не намного лучше меня. Не надо спорить с больным человеком. До завтра.

Через силу «впихнув» в себя обед, под зорким присмотром братьев, Милана поехала домой. «Как жаль стариков Тихомировых. Получается, спустился отец вниз, жертв было бы больше. Я так сблизилась с ними после Англии, что, казалось, знала их не восемь лет, а всю жизнь», – думала она по дороге. Взглянув на часы, которые показывали 15:40, Милана решила заехать в торговый центр. Дав совет братьям по поводу траурной одежды, она вдруг поняла, что у неё самой нет ни тёмной блузки, ни водолазки. Она развернула машину и изменила курс.

Милане казалось, что на похороны супругов Тихомировых пришло слишком много народу. Она и представить себе не могла, сколько знакомых и друзей было у Александра Степановича. Долгих речей не было, но многие хотели высказаться. Она видела семью Любавиных, которые подошли выразить ей соболезнование, заметила и самого Любавина стоящего в стороне. Он подошёл к могиле, когда все направились к выходу. Милана, попросив Егора подождать, вернулась.

– Александр Иванович, – обратилась она к Любавину, стоящему у могилы на коленях, положив ему руку на плечо. – Поднимайтесь. Дед Вас простил. Вы сами были обмануты. Ничего уже не исправить. Подумайте о своей семье и не спешите сюда. У Вас много земных дел.

– Спасибо, девочка. Спасибо за всё и прости ты меня ради Бога. Как же я был слеп и глух. Ты понимаешь, Лана, что

могло произойти, не позвони ты мне вовремя?

– Всё я понимаю. Не корите себя. Обиды прощены. Будем жить дальше. Вас родные ждут. Не заставляйте их волноваться, – сказала Милана, провожая старика на встречу Любовь Ивановне.

– Милана Леонидовна, ты действительно простила Любовь? – спросил Егор. – Этот старик крепкий орешек.

– Простила, Егор. Скажи, он связан с криминалом?

– Скорее нет, чем да. У тебя есть уверенность в том, что бизнес, начинавшийся в девяностых годах, был весь легальный? Это позже его «отмыли» и сделали белым и пушистым. То, что он не объявлялся столько лет, не значит, что он прятался, скрывался и был на нелегальном положении. Он делал это сознательно, а для чего расскажет, если захочет. Грехов за ним нет.

– Значит, он не потерян для общества. Мне не станет легче, если я начну обвинять его во всём. Он сам себя наказывает и страдает от этого. Жить с чувством вины очень тяжело. Ты об этом не знал? – спросила Милана, беря Егора под руку. – Кажется, Шоу написал: «Самое важное – навести порядок в душе. Соблюдаем три «не»: не жалуемся, не обвиняем, не оправдываем».

– Ты придерживаешься этих правил? – спросил Егор.

– У меня не получается. Я стараюсь не жаловаться, но всё время стараюсь оправдать чужие поступки. Зачем я это делаю – не знаю и начинаю сомневаться. Может, он, когда это

писал, имел в виду оправдание своих поступков? Место для философских бесед выбрали не то. Ты после обеда на службу?

– Нет. Я сразу отвезу тебя домой.

Двадцать седьмого Милана вернулась от Тихомировых около пятнадцати часов. Уже подходя к подъезду, она увидела Егора. Он шёл от своей машины с большим пакетом и букетом белых роз.

– Привет. Как всё прошло? – спросил он, протягивая ей цветы.

– Как на поминках, – ответила она, открывая перед ним дверь подъезда. – Были только свои и несколько старых друзей.

– Ты на меня не сердишься за самодеятельность? – задал он вопрос, входя в лифт. – Радость и горе всегда ходят рядом. День будний, в гости никто не придёт, а в жизни тридцать лет бывает только один раз.

– Я не сержусь. Устроим себе посиделки вдвоём. Ты чего там набрал? Мне есть не хочется, а тебя ужином, когда кормить? – спросила Милана, разбирая пакет. – Егор! Дай я тебя расцелую.

– Причина для поцелуя только в наборе для посиделок? – спросил довольный Егор.

– Почему ты взял именно ЭТО?

– Потому, что именно этим вином, тринадцать лет назад, я опоил невинную студентку, предлагая к вину «Сангрия Эс-

та» яблоко «Джонаголд» и конфеты «Коркунов». Мы пили с ней вино при свечах, а потом я устроил ей ночь любви. Правда «ночь» – это громко сказано, но часа четыре я был неотразим, – улыбался Егор, вспоминая как на яву те события.

– Если бы ты только знал, как я боялась, что твои родители вернуться и застанут меня в твоей комнате, – призналась Милана.

– Ты была такая юная и застенчивая. Я до сих пор помню румянец на твоих щеках. Он был от вина или от смущения?

– Я очень смущалась под твоим изучающим и оценивающим взглядом. А когда увидела тебя, как Аполлона в музее, думала – умру. Мне было очень любопытно рассмотреть тебя во всей красе, но и не показаться, в тоже время, глупой. В тот день, я впервые себя почувствовала женщиной. А позже, следовала указаниям бабушки Тони. Она мне в шестнадцать лет прочла такую лекцию о связи с мальчиками, что я чуть со стыда не сгорела. Гинеколог со стажем мне разложила всё по полочкам, – говорила Милана, разогревая ужин в микроволновой печи.

– Я очень переживал твою первую реакцию на близость у вас дома. Твой вопрос тогда прозвучал, как упрёк. Наверное, поэтому я вторую попытку и начал с романтики, чтобы не ударить в грязь лицом, – признался Егор. – Какими хорошими и незабываемыми были времена. Прошли десять лет, а мне кажется, я помню каждую мелочь.

– Садись к столу, змей искуситель. Микроволновка свою

функцию выполнила. Бокалы на столе. Свечи зажигать рано.

– Салат из чего? – спросил Егор, наполняя бокалы.

– Из продуктов. Что подали, то и ешьте.

После ужина, перешли в гостиную, прихватив бутылку вина и бокалы. Говорили обо всём и ни о чём. Рассказывали, по очереди, об интересных моментах своей жизни, реже вспоминали эпизоды из прошлой общей жизни. С наступлением сумерек зажгли свечи.

– Мне сегодня Любавин звонил, хочет встретиться. Я пригласила его на завтра в офис. Как думаешь, что ему нужно? – спросила неожиданно Милана.

– Думаю, предложит хорошие деньги или акции компании «Вестстрой». Видишь ли, сам Александр Иванович в возрасте, а сын его не согласится бросать дело, которое знает. У него просто нет другого выбора. Он уговорит тебя взять предприятие под крыло «Сибстрой», – предположил Егор.

– И что мне делать? – спросила Милана.

– Думать.

– Думать я буду завтра...

Проснувшись, как будто от команды «подъём», Егор, приняв душ, застал Милану на кухне.

– Омлет на плите, кофе в машине, остальное в холодильнике – разберёшься. Я в душ.

Она отсутствовала минут десять, выйдя причесанная и одетая.

– Позавтракал? Мы можем опоздать на работу, – сказала

Милана, наливая кофе в чашку.

– Ты можешь задержаться? Удели мне пять минут, – попросил Егор.

– Четырёх хватит? – спросила она и поняла, что её юмор неуместен и Егор не шутит. – Извини. Что ты хотел сказать?

– Почему ты делаешь вид, как будто между нами ничего не происходит? Ведёшь себя так, как будто мы с тобой просто хорошие приятели, а не любовники?

– Да потому, что не знаю как надо, чтобы иметь возможность и повторить, чтобы не казаться навязчивой, чтобы дать тебе самому принять решение. Что, если у тебя есть подруга? Ты обо мне много знаешь, а я о тебе ничего. Только то, во что ты меня посвящаешь. Попробуй мне объяснить, как я должна себя держать.

– Нет у меня никого, – сказал Егор, глядя ей в глаза. – Здесь две путёвки на базу отдыха с третьего по двенадцатое октября.

Форма одежды походная. Выезжаем третьего утром. Если моё предложение тебе не подходит – перезвони.

– А если я уже согласна? – спросила Милана серьёзно.

– Тогда нужно подумать мне, – сказал Егор и нежно поцеловал её. – Не обижайся. Мне нужно всё или ничего. Как там в песне: «Я больше не хочу тайком любить, я больше не хочу тебя терять». Пойми, мне без тебя было трудно жить все эти годы, теперь это станет совсем невозможным.

Любавин Александр Иванович пришёл в назначенный

срок, о чём секретарь доложила Тихоновой Милане Леонидовне. После слов «Пусть войдёт», он переступил порог её кабинета.

– Здравствуйте, Александр Иванович. Точность – вежливость королей? Проходите, присаживайтесь, – сказала Милана, заметив, что старик волнуется. – Будете чай или кофе?

– Спасибо, мне бы водки для храбрости, да от стыда, – ответил он, не глядя на Милану.

– Давайте договоримся: если вы и дальше будете посыпать голову пеплом – разговора не будет. Или Вы успокаиваетесь, и мы продолжаем беседу, или я вызываю неотложку, и Вас увозят безо всяких разговоров. Выбирайте, – предложила Милана.

– Я ещё в свои семьдесят три крепкий старик. Меня так просто не возьмёшь, – ответил Любавин.

– В Вашем возрасте болячку найти проще простого, а еще проще её выдумать. Скажу, что сознание потеряли, наша тырь нюхали, а Вы попробуете доказать обратное. Кто вас будет слушать из нынешних медиков? Вызов был – был. Возьмут под белы ручки и увезут, – улыбнулась Милана. – Успокоились?

– Ты психологом не пробовала подрабатывать?

– У меня большой опыт в общении со старшим поколением. Там психология простая – дай выговориться, прими или попроси совет, удели внимание, прояви заботу. Вот и вся наука.

– А характер у тебя Шуркин, – подметил Любавин.

– Характер у меня свой, а вот с генами не поспоришь, – поправила его Милана.

– Хочешь упрекнуть меня в том, что не сделал тест ДНК?

– Вы сами поняли, о чём спросили? Кто бы Вам показал тест настоящий? – спросила она и услышала рингтон смартфона. – Извините. – Да. Всё в порядке. Да. Спасибо. Перезвоню. – Вы всё время поглядываете на часы. Торопитесь? – Милана посмотрела старику в глаза.

– Нет. Жду звонка. Очень важного звонка, – ответил Любавин, не отводя взгляда.

– Можете не волноваться. Всё уже случилось. Любавин повесился в камере Сизо или ему помогли это сделать, – сказала Милана, глядя старику в глаза.

– Я не хочу о нём говорить. Вернёмся к нашему разговору. Я предлагаю тебе компанию «Вестстрой». У меня контрольный пакет акций. Всё по закону. Я уже стар, а Санька не хочет взваливать на себя такую ношу, – сказал он серьёзно.

– А я, значит, могу и ношу взвалить, и стать конкуренткой отцов? Да мне её, Александр Иванович, легче развалить, чем биться лбами с членами семьи. Надо же такое придумать, – искренне возмущалась Милана.

– Не кипятись, остынь. Чтобы не биться лбами – сделай её дочерним предприятием или филиалом. Ты девочка умная и просчитаешь, что для вас лучше. Я могу продать её с потрохами, но тогда у вас останется конкурент, а так будет парт-

нёр. Подумай сама, посоветуйся с семьёй, но знай, как бы ты не поступила, часть акций останется за тобой. Шурка тебе доверял больше, чем кому-либо. Ты всё сделала правильно, а главное вовремя. Не побоялась, хотя было чего опасаться. Сделай правильный выбор. Вот теперь у меня всё, можно и чайку с лимоном. Я тебя не сильно отвлекаю?

– Галина Викторовна, сделайте нам чай с лимоном и чёрный кофе, – сказала она, подняв телефон внутренней связи. – Что Вы хотите от меня услышать, только честно?

– Расскажи мне коротко о своём деде, – попросил Любавин. – Мне не нужно шаблонных фраз, мне нужно твоё отношение к нему.

– Боюсь Вас огорчить, но мы с ним знакомы были всего десять лет, последние десять лет. Начать со знакомства? – спросила она, принимая принесённую чашку кофе. – Спасибо. Пока мой гость не выйдет, я, Галина Викторовна, занята.

– Начинай с самого начала, раз у нас есть время, – предложил Любавин, устраиваясь поудобнее.

Глава 9

Погода с третьего октября была как по заказу. Создавалось такое впечатление, что сама природа подарила Милане и Егору десять дней бабьего лета. Они чудесно провели время на базе и вернулись довольные друг другом. Милана уже не думала о том, что скажут её родные об отношениях с Егором. Два взрослых человека жили, не заглядывая далеко в будущее. Уже через месяц Милана поняла, что Егор стал мягче, уступчивее, чем был, но при этом оставался внимательным и нежным как раньше. Отец, Светлана и дед с бабушкой удивились, когда первого января Милана приехала вместе с Егором. Здесь они и узнали, что по непроверенным данным, Руслан собирается весной жениться, планируя свадьбу на апрель.

– Лана, а ты смогла бы выйти за меня замуж? – спросил на обратном пути Егор.

– Скорее нет, чем да, – ответила она. – Твоя беспокойная служба лишает меня сна и покоя. Я понимаю, любая профессия может принести неприятности, но твоя – это такой риск.

– Я подожду, – сказал Егор, и Милана поняла, что он обижен.

– Егор, не сердись. Меня всё устраивает и мне с тобой хорошо. Мы вместе четыре месяца, и я, действительно, за тебя переживаю.

– Тогда, какая разница в каком статусе ты это делаешь? Это отговорка. Просто ты не готова к этому. Я тебя, Тихонова, люблю. Всегда любил. Ты нужна мне. Прошло достаточно времени, и мы оба изменились. Возможно, нам и стоит подождать, только служба моя в этих делах не помеха. Давай отложим этот разговор до лучших времен, – предложил Ланской.

Прошёл январь и февраль, в конце которого Егор потерял друга. После похорон прошёл месяц, и Милана отметила для себя, что Егор три субботы подряд уходит на службу и возвращается не то огорчённый, ни то разочарованный. Женское любопытство взяло верх, и тридцатилетняя дама занялась слезкой. Она привела её к детскому дому. Через пять-семь минут из ворот вышел Егор с мальчиком лет десяти. Проводив их до развлекательного центра, Милана вернулась домой. Она готовила обед, а мысли летали далеко. «Кто это может быть? Почему Егор не говорил о ребёнке из детского дома? А если говорил, а я пропустила это мимо ушей? Что их может связывать?» – думала она, когда услышала рингтон входящего вызова.

– Лана, ты готова со мной поговорить? – спросил Егор.

– О чём?

– О том, что ты видела. Из тебя плохой следопыт. Я заметил твою машину еще по дороге в детский дом. Я сейчас с мальчиком в кафе после кино. Забрал его до вечера.

– Ты хочешь познакомить меня с ним? – удивилась Ми-

лана.

– Я хочу тебе всё объяснить. Не накручивай себя. Мальчик не имеет ко мне прямого отношения, – успокоил её Егор.

– Приезжайте. Купи что-нибудь сладкое к чаю или фрукты.

Егор хотя и успокоил Милану, но волнения остались. Она вспомнила Илью Затонского и его мелкие пакости. «Мальчик, скорее всего, ровесник нашего Саньки. Как он оказался в детском доме? Что мне от него ждать?» – думала она, готовясь к обеду на троих. Мальчишка оказался очень простым и разговорчивым, но каким-то грустным и потерянным. Егор, после обеда, «посадил» его у телевизора, сказав: – «Извини, мне нужно поговорить с Миланой. Это важно», и прошёл в спальню.

– Лана, этот мальчик сын Вики, усыновленный Максимовым. Вика призналась ему, чей это ребёнок, написав записку. Макс от парня не отказался и воспитывал его после её смерти с помощью своей матери. Мать Макса, перебирая бумаги на оформление опеки, нашла записку с чистосердечным признанием. Думаю, Максимов оставил её умышленно, как доказательство. Всё тайное когда-то становится явным. Я читал этот пасквиль. Валентина Петровна не смогла это принять и от опеки отказалась. Так Пашка попал в детский дом. Мы были с парнем «знакомы» еще до его рождения, иногда встречались у них дома, чаще, когда не стало его матери. Я взял над ним шефство. Я не могу переступить че-

рез себя и взять над ним опеку, понимая, что мальчишка не виноват в том, что его родители испортили мне жизнь. Мне жаль Максимова, жаль его мать, жаль Пашку, но... Одним словом отец Пашки Павел Антонов.

– Чего ты три недели мучился? Почему не сказал всего, как только прочёл записку? Мальчик сирота, но у него есть родные дед и бабушка. Им чуть больше пятидесяти, а парню десять. Другое дело захотят ли они породниться. Я поговорю с Антоновыми, а ты, будь добр, не давай мне больше повода следить за тобой и ревновать. Я поговорю с Пашей, – сказала Милана, возвращаясь в гостиную. – Паш, ты теперь знаешь правду о своих родителях. Что ты сам обо всём этом думаешь?

– Я не знаю. Я привык к папе, к бабушке, а теперь его нет, а ей я не нужен, – грустно ответил он.

– Я думаю, бабушка поступила так, не подумав, а может и испугалась, что не сумеет тебе заменить семью. Не обижайся на неё. Её пожалеть надо. Очень трудно потерять ребёнка в любом возрасте. Хочешь, я покажу тебе фото твоего отца и деда с бабушкой? Мы в детстве дружили с твоим отцом до двадцати лет.

– Я на него похож? – с интересом спросил парнишка.

– Очень. Вот взгляни. Это Павел, это его сестра Полина, а это я, – говорила Милана, листая альбом. – Ты запомни одну вещь – мы не выбираем себе родителей. Я выросла с приёмным папой и узнала об этом только в двадцать лет. Твой

отец умер до твоего рождения, но тебя принял Максимов как родного. Разве он был плохим отцом?

– Хорошим. Я очень скучаю о нём, – признался Павел.

– Я знаю, как тяжело терять близких людей. У меня не стало сразу мамы, потом её родителей, полгода назад убили дедушку с бабушкой. Но у меня есть три брата, два отца, две мачехи и Егор, – говорила Милана, обнимая мальчика.

– Так не бывает, – удивился Павел Максимов.

– Я тебе расскажу истории ещё круче. Хочу спросить тебя: ты не против знакомства с Антоновыми? Если они тебе не понравятся, ты можешь с ними не общаться.

– Я боюсь попасть в приёмную семью, но и в детском доме мне не нравится. Какие они Антоновы?

– Не хочу тебе врать, но я честно не знаю какими они стали. Мы лет десять не общались, к сожалению так бывает. Вот вместе и познакомимся заново. Я позвоню им, и договоримся о встрече.

– Я согласен. Давайте в следующую субботу.

Разговор с Антоновыми дался Милане на удивление легко. Она встретила сразу с Полиной, рассказала о Павле и попросила её поговорить со своими родителями. Анатолий Борисович сам позвонил Милане и попросил её приехать. Рассказав историю рождения Павла Максимова, не скрывая подробностей, и причину, по которой мальчик оказался в детском доме, она показала несколько фотографий внука Антоновых. Пашка-сын был вылитый Пашка-отец. Елена

Анатольевна знала немного Викторию, которая бывала в их доме. Вспомнила и о том, что Павел однажды говорил, что станет скоро отцом, но она это приняла за очередной пьяный бред. Больше разговоров в доме на эту тему не было. Знакомство Павла с семьей Антоновых состоялось. Мальчик принял Антоновых, а они приняли его.

Свадьба Русланы и Анастасии состоялась пятнадцатого апреля две тысячи семнадцатого года.

Её планировали ещё осенью, поэтому не стали, не переносить, не отменять. Со дня гибели Тихомировых старших прошло семь месяцев. На семейном совете решили: жизнь продолжается, а дед и бабушка порадовались бы за внука. Теперь молодожёны уехали в свадебное путешествие на целый месяц и должны вернуться числа четырнадцатого мая. Чтобы продлить отпуск, Тихомиров – отец уехал с женой в отпуск ещё на майские праздники. На две недели Тихонови остались в руководстве компании в большинстве.

Утром около десяти часов Милане позвонил руководитель дочернего предприятия Гришаев. Милане не понравился ни сам звонок, а голос звонившего. Он был не только нездоров, но и очень взволнован. Проработав с Гришаевым менее полугода, Милана знала, что он ровесник её отца, грамотный специалист, тактичный и выдержанный человек.

– Милана Леонидовна, я себя неважно чувствую, но у меня к Вам есть важный разговор. Вы не могли бы приехать ко мне? Это очень важно, – попросил Гришаев.

– Я выведу через пять минут, адрес я помню, – ответила она, вышла в приёмную, предупредила секретаря и направилась к Владу. – Влад, мне звонил Гришаев, просит приехать, что-то у него для меня есть. Оставайся на связи. Отца нет, Сергеева нет на месте тоже. Появится, пусть едет к Гришаеву, адрес он знает. Кажется, всё.

Через тридцать минут Милана остановила машину у дома руководителя дочернего предприятия. Она нажала кнопку звонка, но заметила, что калитка открыта, пошла вглубь ухоженного двора, где располагался дом. Здесь она не была, но сам посёлок знала, здесь жил Любавин. Подняв голову вверх, она рассматривала строгий, но основательный фасад из стекла и бетона. Сделав три шага по дорожке, уложенной плиткой, Милана услышала выстрел. Она не могла ошибиться – это был звук настоящего выстрела. Три ступени, входная дверь, которая оказалась открытой, прихожая и темнота. Она не сделала и двух шагов от порога, когда получила удар по голове. Милана пришла в себя от запаха аммиака и увидела перед собой склонившегося человека, который сказал: – «У этой сотрясение. Кровь уже свернулась». Сколько прошло времени, она не знала. Ей помогли встать и усадили на диван. Плохо соображая, она закрыла глаза, пытаясь вспомнить, где она и что случилось. Почувствовав на лице что-то липкое, она коснулась его рукой, и увидела на ней кровь.

– Вы можете мне объяснить, что произошло? Я услышала выстрел, но только переступила порог прихожей, как по-

лучила по голове, – негромко сказала Милана. – Что с моей головой? Где сам Гришаев? Что с ним?

– Комедию не ломайте. Вас нашли лежащей на полу гостиной с пистолетов в руке, а хозяин дома лежал почти рядом с пулей в груди. Вы, вообще, кто? Как здесь оказались?

– Стоп! Пока вы не скажете, что с моей головой, я не скажу ни слова. Проводите меня туда, где я могу сама себе оказать помощь. Я не ориентируюсь в чужой квартире.

– Держите салфетку. Вам нельзя мыть руки, пока мы с них не сделаем смывы пороховых газов. А голову я вам посмотрю сам, – сказал мужчина, рассматривая рану на голове. – Ничего страшного. Кровь уже запеклась, рана неглубокая и не кровит. Продолжим?

– Милана Леонидовна Тихонова. Я финансовый директор компании «Сибстрой». Около десяти утра мне позвонил Гришаев, сославшись на плохое самочувствие, и попросил приехать. Его звонок вы можете проверить на моём смартфоне. Я приехала через полчаса. Прошла во двор и, подходя к дому, услышала выстрел. И калитка, и входная дверь были открыты. Я не видела хозяина дома. Как я вообще оказалась в гостиной, если получила удар по голове в прихожей? Что с хозяином дома? Мой телефон и ключи от машины у Вас? – спросила Милана, ощупывая карманы брюк.

– И телефон, и ключи у нас. Звонок на Ваш телефон действительно был. Гришаев тяжело ранен и отправлен в больницу. А что Вас связывает с ним?

– Только бизнес. Он руководитель дочернего предприятия. Это я его начальник, а не он мой. Так понятнее? Вы подозреваете меня? Но у меня нет мотива. К тому же, зачем мне это делать самой? Я могла кого-то нанять. А где его домашние? Вы их опросили?

– В доме нет никого, и не было, кроме Вас и его.

– Это странно. Дети на работе, внуки на учёбе. А где жена и прислуга? Если в доме никого не было, кто меня перетащил сюда? – пыталась рассуждать Милана.

– Следы волочения от ваших каблучков есть, – услышала она голос Сергеева. – Кроме того, звонок от соседей поступил в десять двадцать, а наряд приехал в десять двадцать пять. Это разве не странно? Вам не кажется, что был еще звонок, но раньше?

– Вы кто такой и по какому праву влезаете не в своё дело? – спросил следователь.

– Дело как раз таки моё. Я, Сергеев Владислав Анатольевич, начальник службы безопасности компании «Сибстрой». Мне важно знать: в чём обвиняют моё руководство, и кто стрелял в одного из руководителей? – говорил Сергеев.

– Вы слишком много хотите. Мы нашли Тихонову на полу с пистолетом, а рядом с ней раненого Гришаева. Выводы сами сделаете? – задал следователь вопрос. – Всё сделано в присутствии понятых, с фотографиями с места происшествия.

– А чего их делать? Если выстрел был один, у Тихоновой

на руках будут пороховые газы, а если их нет – извините. По-вашему она выстрелила, а потом получила по голове? Или получила по голове и, падая, выстрелила? От кого получила? Кто и кого тащил из прихожей сюда? Почему подозреваемой не оказали первую помощь? – говорил Сергеев ни к кому конкретно не обращаясь.

– Простите, что перебиваю. Владислав Анатольевич, срочно позвоните Тихомирову Владу – ни один платёж не должен пройти сегодня, ни один. И организуйте охрану в больнице у Гришаева. Я не знаю, что решит в отношении меня полиция, но я точно знаю, что я не стреляла, а значит, ему может угрожать опасность. У них ключи от машины, а там моя сумка, в ней паспорт и права.

– Вы решили сделать за нас нашу работу? В любом случае Вам придётся проехать с нами до выяснения всех обстоятельств дела, – предупредил следователь.

– Милана Леонидовна, я прослежу за сбором доказательств и приеду в отделение с адвокатом. Потерпите. Разберёмся. Владу я позвонил, человека в больницу отправил. – Вы позволите ключи от машины Тихоновой? Я возьму её сумку с документами.

Милану доставили в отделение. Взяв отпечатки и сделав с рук смывы, начали заполнять протокол. Всё то, что было сказано ранее, повторялось с самого начала. Причём вопросы звучали как некое издевательство.

– Послушайте, я Вам всё уже объяснила. Мне нечего до-

бавить к уже сказанному. Пишите всё что помните, что забыли – спросите.

– Ты меня не учи, как работать. Я спрашиваю – ты отвечаешь.

– Хватит! Не тыкайте мне, пока не предъявите обвинение, и не делайте из меня дурочку. По-вашему: я стреляю в хозяина, он падает, а я, поняла что натворила, обнимаю его, прошу прощения и оставляю на себе его кровь. Вы сами в этот бред верите? Потом стукнула себя по голове, бросила оружие, взяла в руки пистолет и прилегла, потеряв сознание. Потерю сознания я тоже изобразила? Как полиция узнала о выстреле, до самого выстрела? Как я узнала, что хозяин в доме один? Почему, если хотели убить, не убили, не добились? А если идея убийства возникла после звонка? Почему подставили меня? У него во дворе камеры. Как я пронесла пистолет и где его вообще взяла? У меня есть травматический пистолет и разрешение на него. Свою службу о поездке туда я предупредила, поэтому они и приехали. Кому нужно было, чтобы меня застали в доме с пистолетом в руке? Версий много и одна лучше другой. Вы же следователь, думайте. Есть, конечно, вариант проще – можете дожидаться, когда Гришаев придёт в себя и сам всё расскажет. Но есть и другой – повесить это на меня, а если он умрёт, вместо покушения обвинить в убийстве. Я ничего не смогу выяснить, находясь здесь.

– Поручите это кому-нибудь. У Вас такие помощники, –

как будто с издёвкой посоветовал следователь.

– Вы зря иронизируете. Сергеев без моей просьбы сделает всё то, что касается его службы. Он более пятнадцать лет проработал в розыске. Давайте с Вами поговорим без протокола. Представим, что план злодея сработал. Гришаев не помеха, я задержана и оказалась ни у дел. Кому это выгодно? Дочернему предприятию. Значит, собака зарыта там. Вы знаете историю народного депутата Любавина? Держателем акций «Вестстроя» был его однофамилец и друг юности моего деда. Тихомировых жену и мужа убили в собственном доме. Пятьдесят процентов акций друг деда передал нам, остальные оставил в семье. Не секрет Полишинеля, что мне выгодно, чтобы компания работала, а не разваливалась, поэтому я и контролировала её. Гришаев знал об этом и был не против такого контроля. Нужно искать злодея среди тех сотрудников, кто связан, так или иначе, с денежным оборотом. Можно мне ответить на звонок? – спросила Милана, услышав рингтон смартфона.

– Включите громкую связь, – согласился следователь.

– Говори Влад всё, как есть, – попросила Милана.

– Лана, ты угадала. Среди сегодняшних платежей есть два очень интересных момента. Один на двадцать тысяч долларов на твоё имя в банке Кипра, второй на сто тысяч в той же валюте компании «Вестстрой+». Ты меня извини, но я позвонил Егору.

– Значит, они всё же оформили кредит. Папе передай –

это моя головная боль. Все операции прекратить. Спасибо, брат. – Она прервала связь и посмотрела, задумавшись, на следователя. – А вот Вам, господин следователь и мотив. Я получаю двадцать процентов от выведенной суммы, а Гришаев бы этого не допустил.

– Кто такой Егор? – спросил с интересом следователь.

– Егор Ланской мой близкий друг, а Вы называйте, его как Вам больше нравится.

– Да, войдите. Что там не тяни? – спросил следователь и, прочитав бумагу, взглянул на Милану. – Нет на Ваших руках пороховых газов, – сказал он, убирая бумагу в папку.

– Я знала об этом. Можно я теперь приведу в порядок лицо и руки? – спросила Милана.

– Посидите, молча, я должен закончить протокол.

Милана достала из сумки влажные салфетки и зеркало. Приведя в порядок лицо и руки, поднялась и прошла чуть в сторону, расчёсывая волосы и собирая их заколкой. Она вновь присела на стул, когда в дверь постучали.

– Войдите, – сказал следователь, не отрывая взгляд от бумаг.

– Здравствуйте. Меня зовут Егор Ланской. Я привёз одежду для задержанной. Она может переодеться? В пакете футболка и брюки, как раз для изолятора.

– Не смешно. Переодевайтесь Милана Леонидовна, я на Вас не смотрю, – позволил следователь.

Милана сняла блузку со следами крови, надела футболку,

но не стала переодевать брюки.

– Егор, какие новости? Я думаю, следовательно не будет возражать против хороших новостей. Или мне нужен адвокат? – спросила Милана. – Мне можно оставить свою блузку в вашей мусорной корзине?

– Оставляйте блузку, излагайте новости, делайте, что хотите. Я закончу протокол, подпишите и можете быть свободны.

– Вам будет интересно узнать: Сергеев поехал в «Вестстрой». Думаю, скоро виновного доставят, а стрелявшего – вычислят. Он к этому делу подключил следственный комитет, так что всё будет по закону. Кто же позвонил в полицию до выстрела? Как думаете? – спросил Егор. – Мне почему-то кажется, что это сам потерпевший сделал. Почувствовал опасность и позвонил. Он знал, что Тихонова приедет, а вот злодей не знал и действовал спонтанно. Кстати, операцию Гришаеву сделали. Пуля прошла выше сердца. Жить будет.

– Это единственная хорошая новость за сегодняшний день. Вы подпишите протокол и извините за причинённые неудобства, – буднично сказал следователь.

– Значит, моя невиновность для Вас новость неприятная? – спросила Милана, читая протокол. – Хорошо, что всё обошлось без взаимных оскорблений. Узнаете что-то новое – позвоните. Мне очень интересно: когда это началось? Кто за этим стоял и стоит?

Они вышли вдвоём из отделения полиции и остановились.

– Ты знаешь, который час? – спросил Егор Милану. – Четверть пятого после полудня. Твоя машина у офиса – милости просим в моё авто. Я отвезу тебя в ресторан. Тебе поесть надо, а я составлю тебе компанию. Позже отвезу тебя домой.

– Егор, может не нужно в ресторан? Перекусим что-нибудь дома, – нерешительно сказала Милана.

– Ты не обедала, я тоже. На ужин у тебя не хватит сил, а из меня кулинар плохой. Пообедаем, а дома выпьем вина и забудем сегодняшний день, как страшный сон. А лучше займёмся тем, что позволяет забыть обо всём, – предложил Егор. – Для начала, позвони отцу и Владу, а я доложу о тебе, пленница, Сергеёву. Садись в машину.

Милана позвонила отцу и Владу, успокоив обоих.

– Поговорим завтра с утра на планёрке. У Сергеёва будет больше информации, а я приду в себя. Пап, стариков наших не пугай. Не говори ничего, – сказала она, отключила телефон и повернулась к Егору. – Скажи, как вам удалось вычислить вора?

– Мне позвонил Влад, он же знал, куда ты поехала. Я сам позвонил Любавину, ведь это его «детище», с ним мы и нашли слабое звено, – говорил Егор, внимательно следя за дорогой.

– Ты знаешь, мне впервые в жизни было так страшно, очень страшно. Я вдруг подумала, а что если следствие с нами за одно, и меня просто посадят без выяснения всех дета-

лей. В самом начале меня не особо и слушали, – говорила Милана, вспоминая разговор со следователем в доме Гришаева. – Как же верна пословица «От сумы и тюрьмы не зарекайся».

– Сергеев бы этого не допустил. Работа топорная даже для дилетанта. Лично у меня складывается впечатление, что визит злодея был запланирован, а вот твой был для него неожиданностью. Пришлось ему, бедолаге, придумывать всё на ходу. Чтобы тебя грамотно подставить, ему стоило ещё раз выстрелить, чтобы следы остались, а он этого не сделал. Забыл, не успел или не хотел? Он же успел испачкать кровью твою блузку, перетащить из прихожей в гостиную, – рассуждал Ланской.

– Скажи, разве сразу не понятно было, что я не могла нанести себе удар правой рукой в левую часть головы? – спросила Милана, глядя на Егора.

– Ты у следователя об этом спрашивала? – улыбнулся он.

– Спрашивала! Просила на пальцах объяснить, как он себе это представляет, – в сердцах ответила Милана.

– Успокойся, – усмехнулся Егор. – Ты представь:ходишь ты в дом и видишь лежащего человека с пистолетом в руке, а рядом раненого. Что ты подумаешь в первые две-три минуты? Правильно! Картина маслом – «Приплыли», а для тебя – «Не ждали». Для того, чтобы доказать твою вину или невиновность – нужно поработать. Сергеев приехал вовремя и указал на нестыковки, а иначе сидеть бы тебе в камере. –

Да, Антон Викторович. Спасибо за службу. Я передам, – ответил он на телефонный звонок. – Гришаев пришёл в себя, Сергеев позвонил следователю. Теперь у него есть свидетель.

– Егор, меня в таком виде пустят в ресторан? – нерешительно спросила Милана.

– Мы приехали пообедать, а не на смотрины. Сходи в дамскую комнату, а я сделаю заказ. У тебя пять минут и время пошло, – успокоил её Егор, обняв за плечи.

Милане в сентябре исполнился тридцать один год. Прожив с Егором год, она готова была выйти за него замуж, а еще больше было желание родить ребёнка, но теперь Егор как-то не заводил разговоров о свадьбе.

– Егор, мне нужно сказать тебе о том, что я перестала пить таблетки. Я хочу ребёнка, – глядя на Егора, сказала Милана. – Очень хочу.

– Ты соглашаешься, стать моей законной женой или хочешь использовать меня в качестве донора спермы? – спросил он серьёзно.

– Если ты не передумал на мне жениться, я согласна.

– Я готов пойти с тобой в загс в любое время. Мало того, я напишу рапорт, как только найду другую работу. Мне всего тридцать четыре года, у меня два высших образования и неплохой послужной список. Кому-нибудь да пригожусь в качестве юриста или экономиста, – беря её за руку, говорил Ланской.

– У меня к тебе предложение. Служи, а как только я со-

зрею и пойду в декретный отпуск, ты меня заменишь в компании. Мне не – кому доверить свой пост. Идёт? – предложила Милана.

– Ты доверишь мне своего «старшего ребёнка»? – улыбнулся Егор. – Ты не просто работаешь, ты развиваешь бизнес.

– Этот «ребёнок» нас будет кормить, – ответила она серьёзно.

– Когда и какую ты хочешь свадьбу? – задал вопрос Егор, сажая Милану к себе на колени. – Какой ты её видишь?

– Отцы скромничать не дадут, но я попробую их уговорить. Я хочу собрать родственников и близких друзей, а на следующий день махнуть на море недели на две. Я не была в отпуске в этом году, – отвечала она, обняв его за плечи.

– Мне не хочется тебя огорчать, но я не могу поехать на любое побережье. Впереди осень, зима, остаются только далёкие острова.

– Не нужно искать проблемы там, где их нет. У меня в Турции есть прекрасный уголок, а поедем мы туда в апреле. В это время народу там не так и много, а вода в море и температура воздуха на побережье вполне комфортные.

Новый две тысячи восемнадцатый год Милана и Егор встречали вдвоём, поздравив всех родных и вручив подарки ещё днём. Воскресный день позволил им не только «поколесить» по адресам, но и приготовить праздничный ужин. Родители Егора и «большая» семья Миланы очень надеялись

на скорую свадьбу. На кануне Рождества Милана ехала на своей машине из дома отца, когда услышала рингтон входящего звонка.

– Да, – ответила она и сбросила скорость.

– Милана Тихонова? – спросила звонившая женщина.

– Я Вас слушаю, – ответила Милана.

– Мы можем с Вами встретиться? Мне нужно поговорить с Вами о Егоре. Не волнуйтесь, с ним всё в порядке, просто я должна Вам кое-что сказать. Давайте встретимся через час в парке на центральной аллее, – предложила звонившая дама. – Погода сегодня чудесная.

– Хорошо, – ответила Милана и услышала сигнал «отбоя».

Она остановила машину на обочине, включив аварийный сигнал, взглянула на часы, достала сигареты и закурила. «Неужели мне опять «преподнесут» сюрприз? Что на этот раз? – спросила она вслух, вспоминая Машу Дроздову и снимок УЗИ. Егор не мог меня обманывать. Что принесёт мне эта встреча? Господи, почему я так волнуюсь? Боюсь услышать что-то неприятное или потерять Егора? А ведь я, действительно, боюсь его потерять. Что это – чувство благодарности, некое удобство, привычка, а может, любовь? Мы с ним вместе больше года и я не задавала себе подобных вопросов. Мне с ним очень хорошо и спокойно. Не спокойна только его служба, но я и с ней смирилась. Согласилась выйти за него замуж и хочу ребёнка. Почему так на душе беспокойно?» Мысли в голове путались и внушали то страх, то

вселяли надежду. Прошли минут двадцать, прежде чем она повернула ключ зажигания. Машина плавно тронулась с места и, заняв свою полосу, «направилась» в город. Остановившись на стоянке и выждав время, Милана вышла из машины и направилась к входу в парк. На ней был короткий полушубок, джинсы и высокие ботинки. Сунув смартфон и ключи в карман полушубка, накинула на голову капюшон, надела перчатки и медленно пошла по центральной аллее. Дорожки были свободны от снега, который теперь лежал на газонах и искрился под неярким зимним солнцем.

– Милана? – услышала она у себя за спиной голос и обернулась. – Это я Вам звонила. Здравствуйте. Пройдёмся?

– Добрый день, – ответила Милана, разглядывая незнакомку. На вид ей было около сорока лет. В длинной шубе она казалась ростом выше, хотя рядом с Миланой была «на уровне». На голове – яркий платок, покрывающий не только голову, но и плечи, лёгкий макияж.

– Меня зовут Лариса Сергеевна, можно просто Лара. Я не скажу вам ничего неприятного, не буду обсуждать вашу личную жизнь, но разговор этот необходим. Я не дам Егора Вам в обиду.

– У меня и в мыслях не было его обижать. Чего Вы хотите? – спросила нетерпеливо Милана.

– Я знаю Егора больше десяти лет. Знаю по службе, знаю вне службы. Мы не сразу стали близки, но это случилось. Между нами не было даже влюблённости. Просто, встрети-

лись два одиночества. Мы наших отношений не афишировали, хотя встречались лет пять. Не скажу что часто, но нас это устраивало. Егор начинал служить с нами после университета. Была у него несчастная или роковая любовь, я не знаю, но переживал он это довольно долго.

– От меня Вы что хотите? – спросила Милана, остановившись.

– А Вы не понимаете? Я не хочу видеть его потухший взгляд и кислую физиономию в очередной раз. Вы же не станете убеждать меня и утверждать, что хотите видеть его счастливым?

– Вы сейчас думаете о его счастье или о своём месте рядом с ним, которое я заняла? Говорите прямо, не надо лукавить.

– Мне нравится Егор. Я этого не скрываю, но между нами уже нет тех отношений, что были, Я вижу и то, как он изменился, после того, как встретил Вас, ожил. Меня пугает только то, что он не нужен таким как Вы. Вам нужен денежный мешок. Ему уже разбивали сердце. Вы хотите повторить?

– Что Вы, Лара, обо мне знаете? Вы так печётесь о судьбе Егора, что я начинаю ревновать.

– Ваша ревность беспочвенна. Мы с ним больше двух лет не встречаемся. Вы либо не обнадёживайте его, либо выходите за него замуж, – сказала она так, словно поставила ультиматум. – Почему, Вы не найдёте себе подобного? Егор увлечён, и забывает, что Вы птица не его полёта. Поиграете и бросите?

– Я подумаю, Лариса Сергеевна, над Вашими словами. Я не столь состоятельная дама, чтобы содержать мужчин, да и Егор не станет жить за чужой счёт. Скажите, сколько Вам лет и зачем Вы вообще завели этот разговор?

– Мне чуть больше сорока. Моему сыну двадцать. Я не знаю, что я сделаю, если в одно прекрасное время, какая-то мажорка им будет вертеть, а он при этом страдать. Нельзя отдавать хорошего мужчину в плохие руки.

– Не переживайте. Я Егора не обижу. Он был моим первым мужчиной, и это я, как вы говорите, разбила ему сердце.

– Вы были знакомы? – удивилась она. – Давно?

– Мы познакомились, когда мне было семнадцать. А кто кому разбил сердце, вопрос спорный. Прощайте, – улыбнулась Милана, развернулась и пошла в обратном направлении. «Хорошего мужчину в плохие руки», – надо же такое придумать», – думала она, садясь в машину.

Дождавшись Егора со службы и накормив его ужином, Милана решила на разговор. Она вновь и вновь вспоминала слова новой знакомой, которая так переживала за спокойствие Егора.

– Егор, кто такая Лариса Сергеевна? – улыбаясь, спросила Милана.

– Почему ты о ней спрашиваешь? Вы знакомы?

– Раньше сватали женщин, а она выступает в роли твоей свахи. Я даже растерялась от её напора. «Или оставьте его, или выходите за него замуж», – сказала она мне. Без вся-

ких затей, сама позвонила, сама назначила встречу, отчитала, как школьницу.

– Видишь, даже посторонние люди тебе советуют, а ты всё сомневаешься, – усмехнулся Егор.

– Ну, на постороннюю она не похожа, здесь Вы, батенька, лукавите, да и мыслит логично. Я приняла все её доводы, правда не сказала, что дала тебе согласие.

– Лариса прямая и бесхитростная. Она всегда говорит то, что думает, не взирая на чины. Я начинал службу с её мужем, а она работает в нашей канцелярии. Я года два отслужил, когда муж погиб в командировке на Кавказе, а сыну было лет десять. Она замуж так и не вышла, воспитывала мальчишку с родителями мужа. Сблизились как-то незаметно. Мы ни дня не жили вместе, да и в квартире я у неё был очень редко. Мою квартиру она не посещала принципиально, и не допускала даже мысли о новом муже. Самое смешное, что два взрослых и абсолютно свободных человека чаще всего занимались сексом в кабинете, в машине и это не было неудобством, придавало остроты. Она, человек с юмором, как-то сказала: – «Ты, Ланской, как Наполеон, даже кобуру не снимаешь».

– А ты повторить неудобства не хочешь с остротой, но без кобуры? – прищурился глаза, спросила Милана.

– Провоцируешь?

– Нет. Предлагаю простой бесхитростный секс прямо здесь и сейчас. Или Вам, Господин Главнокомандующий, те-

перь это не по силам?

– Ну, держись! Сама напросилась, – говорил он, усаживая её на обеденный стол...

– Это не всё, Ланской, – тяжело дыша, тихо сказала Милана. – Я подумаю: свою машину использовать в качестве следующего эксперимента или твою и когда это сделать.

– Ланка, ты сумасшедшая, – смеясь, говорил Егор. – Что ты придумаешь после этого?

– Нормальная я. Выйду за тебя замуж и ... Где ты видел мужа, который занимается сексом в машине с собственной женой? Вот это совсем не нормально. Кстати, со спущенными штанами у тебя совершенно не наполеоновский вид, – смеясь, говорила Милана.

Глава 10

Егор сделал предложение Милане тринадцатого января, и они подали заявление в загс. Дату регистрации Милана выбрала такой, чтобы на следующий день уехать по путёвке туда, где уже тепло и куда позволено Егору.

– Я хочу как в кино. Заберёшь меня из родительского дома и отвезёшь в загс. Потом гости, ресторан, а вечером самолёт и рейс в райский уголок на две недели, – мечтательно говорила она.

– Пусть будет как в кино. Главное, чтобы ты не передумала за это время, – говорил Егор, улыбаясь.

– Не передумую. У меня будет время и с работой справиться, и придумать сценарий нашего торжества, выбрать самое, самое роскошное платье, тем самым ввести тебя в расходы, составить список гостей, человек сто. У тебя много друзей?

– Хватит пальцев одной руки. Я не собираюсь приглашать коллег, да и присутствие начальства лишнее, – ответил Егор. – У нас достаточно большая семья, чтобы не было недостатка в гостях. Тихомировых, Ланских, Любавиных по шесть человек, Тихоновых пятеро, родители Насти и Игоря, нас двое – уже три десятка.

– Я пошутила и насчёт сценария, и насчёт платья, и насчёт гостей. Соберём перечисленный тобой состав, закажем

скромный ресторан. У меня и подруг почти не осталось. Да, мы общаемся, но не дружим, встречаемся редко. У всех мужа, дети, – говорила Милана. Заговорив о детях, она вспоминая свой поход к врачу, после того как перестала пить таблетки. Никаких поводов для беспокойства доктор, посмотрев её и анализы, не заметила: – «Вам не стоит волноваться и переживать раньше времени. Ваш организм «отдохнёт» от препаратов и всё наладится. Приходите через полгода. Думаю, к этому времени, Вы уже станете на учёт по беременности».

– О чём задумалась? – спросил Егор, заметив, как изменилась она в лице.

– Думаю, какое платье брать – белое или голубое? – соврала Милана, не глядя на Егора.

– Только белое, длинное и очень красивое. Ты помнишь свадьбу Руслана и платье на Насте? Твоё должно быть лучше, но без корсета и шнурков. Я не буду всю брачную ночь развязывать морские узлы.

– Я хочу, чтобы смотрели на меня, а не на моё платье, – смеялась Милана.

– Я с удовольствием посмотрю на тебя даже без сорочки...
Прошли еще три месяца, а беременность не наступала.

– Ланочка, девочка моя, ты чего такая грустная? – спросила бабушка Антонина Степановна. – Вы не поссорились с Егором?

– Нет, бабуля. Я так хочу малыша, а пока не получается.

Каждый раз надеюсь, что мои критические дни заблудятся, а они, как экспресс, приходят точно по расписанию, – пожаловалась внучка.

– А ты их не жди. Забудь на время, старайся чем-то отвлечься. Беременность всегда наступает быстрее, когда её не ждёшь. Ты её планируешь, но не ждёшь. Это я тебе как женский доктор говорю, – успокаивала её бабушка. – У вас всё получится, только не заводи с Егором сама разговоров на эту тему. Не давай ему повода думать, что это его вина. Вернётесь после свадьбы из отпуска, и если не получится – сходите в клинику вместе. Не думаю, что у вас с ним несовместимость, и вы попадёте в шесть процентов, а всё остальное лечится.

Милана немного успокоилась, а потом подготовка к свадьбе заняла все её мысли. Платье выбиралось с учётом сезона. Длинный рукав и лиф был кружевным, а юбка в пол, лёгкая, чуть собранная. Банкетный зал ресторана и сам банкет на пятьдесят человек был оплачен. Ни Егор, ни Милана не стали спорить с родителями, которые пригласили своих близких друзей. У пары был первый брак, и для родителей это событие было не менее важным, чем для молодожёнов. Егор волновался больше Миланы. Приехав за невестой в родительский дом, он не ожидал такого «испытания», как выкуп невесты. Одиннадцатилетний Санька на пару с Павлом Антоновым устроили, под чутким руководством бабушки, настоящий торг. Хорошо, что рядом был Влад с девуш-

кой Алёной, который взял жениха «под опеку». Владу было двадцать семь и следующая свадьба должна быть его. Руслан, женившийся год назад на Насте, по секрету признался, что в конце лета станет отцом. Торжество прошло так, как мечтала Милана. Из дома отца они выехали кортежем из семи машин. Загс с голубями и цветами, ресторан с красивым оформлением, вкусной едой и музыкой, весёлый тамада, оператор с камерой, гости с криками «Горько!» и подарками. Они попали в квартиру после двадцати часов уставшие, но довольные. Влад с Алёной помогли с цветами и подарками, получили комплект ключей от квартиры Миланы и уехали.

– Влад, постарайся гербарий выносить вовремя. Всё остальное не так важно, – сказала Милана прощаясь.

– Как ты себя чувствуешь в новом статусе? – спросил Егор, обнимая жену. – Я самый счастливый человек.

– Я тебя люблю, Ланской, – тихо сказала Милана.

– Повтори, – попросил Егор.

– Я тебя люблю.

– Как долго я ждал этих слов, – крепче обнимая жену, говорил он. – Я тебя очень люблю. Если бы не ты, меня такого, как сейчас, не было.

Его поцелуи были нежными, а руки волшебными. Милана скорее поняла, чем почувствовала, что платье уже лежит у её ног...

– Жена, не расслабляйся. Нам через пять часов нужно быть в аэропорту. Коротка брачная ночь, – говорил через час

Егор. – Не спи.

– Не сплю я, не сплю. С тобой разве уснёшь? Чемодан у нас собран, вещи в дорогу готовы. Нам с тобой нужно не забыть только деньги, документы, телефоны, а остальное всё уже в сумке. Дай мне прийти в себя, изверг. У меня нет на сегодня дел.

– А «веники» по вазам расставить, а подарки разобрать или хотя бы убрать. Зачем ты взяла все цветы, если знала что мы уедем? «Береги платье снову», кто сказал? У меня было время разбросать вещи. Кто их будет собирать?

– Домострой начнётся прямо с сегодняшнего дня? – спросила Милана, приняв его игру. – Знаешь ты кто? Пуританин. Идите в душ, мой господин, пока я добрая. Вы не представляете себе, какая я в гневе, и лучше вам этого не знать. Вещи я соберу, тем более что они все мои. А цветы? Ну, как их было оставить? Я подарила букет бабуле, а чей он не знаю. И никакие это не веники.

Милана начала со сбора одежды, которая чудесным образом приземлилась в самых неожиданных местах. Платье покоилось на ковре, рядом с пиджаком, а брюки «потерялись» по дороге. Она улыбнулась собственным мыслям, глядя на своё отражение в зеркале. Закончив с одеждой, занялась цветами, расставив букеты в вазы с водой. Наведя относительный порядок в комнатах, она сложила все подарки на диван.

– Ты сегодня очаровательная с этой причёской, – сказал Егор, выйдя из ванной комнаты и нежно целуя жену. – По-

чему ты мне никогда раньше не говорила, что любишь?

– А ты меня и не спрашивал. Когда десять лет назад я тебя спрашивала об этом, ты всегда отвечал: «люблю», «конечно», «очень», но, ни разу не сказал эти три слова сам. Я услышала их от тебя через десять лет. А я? Сегодня поняла, что не стоит скрывать то, что от счастья просится наружу. Говорят, любви не нужны слова, а мне хочется рассказать об этом всему миру, – говорила Милана, обняв мужа. – Мне как будто ни тридцать два, а двадцать лет. Со стороны, наверное, это выглядит смешно, но я чувствую себя влюблённой, молодой и счастливой.

– Тебе не жалко расставаться с такой красотой? – спросил Егор, аккуратно извлекая из причёски Миланы мелкие белые цветочки.

– Причёска мастеру, действительно, удалась, но с цветами он явно перестарался. Нам нужно разобрать эту цветочную клумбу, а саму «грядку» мы можем оставить, – сказала Милана, помогая мужу. – Я сегодня счастливая, а всё очарование следствие этого счастья. У тебя есть вопросы, связанные с нашим отдыхом?

– Лана, ты зубную щётку и бритву положила?

– Зачем? Лишний груз нам ни к чему. Походишь не бритым, сейчас это модно, а кариес за две недели тебя не съест, – говорила она и понимала, что Егор шутку не оценил. – Не волнуйся. Я всё упаковала, соблюдая твои пожелание и предпочтения, кроме обуви на пляж. Пока я в душе, подумай, что

нам делать с подарками и прочти пожелания, – сказала она, направляясь в ванную комнату.

Пока Милана отсутствовала, Егор прочёл поздравительные открытки в конвертах, обошёл и осмотрел квартиру. Везде был порядок, а на диване лежала его одежда в дорогу.

– Лана, ты читала пожелания Любавина? – спросил он жену. – Старик написал всего два слова «Берегите любовь». Здесь валюта и, в пересчёте на рубли, выходит солидная сумма.

– Он знает, о чём пишет. А деньги? Я не думаю, что он отдал последнее, не думаю, что хотел покрасоваться. Наверное, учёл, что от семьи из шести человек, это нормально. Что будем делать? У меня на карточке достаточно денег, есть наличные, для обмена на местную валюту, – спросила Милана, вспоминая Любавина.

– Если ты считаешь, что мы обойдёмся без них, положи в сейф к своему «травмату». Зачем он тебе? Ты за год сколько раз стреляла? – спросил, улыбаясь, Егор.

– Раз пять-шесть, – ответила Милана, собирая конверты.

– Когда успела? – удивился Егор.

– В твоё отсутствие. Я не могла себе позволить при тебе промахнуться.

– И как успехи? – спросил уже серьёзно муж.

– Сорок пять из пятидесяти. У Саньки получается гораздо лучше, – ответила Милана буднично.

– Ты ещё и мальчишку в это дело втянула, – недовольно

сказал Егор.

– Мальчишке двенадцатый год. Он стреляет лучше меня. У нас уговор: он его разбирает, чисти, собирает под моим чутким руководством.

– О чём я ещё не знаю? – спросил Егор строго, глядя ей прямо в глаза. – У нас был с тобой уговор. Что ты ещё скрываешь?

– Дай подумать? – улыбнулась Милана.

– Глядя на тебя со стороны, можно подумать, что ты ветреная особа с острым язычком.

– Нельзя.

– Что нельзя?

– Думать нельзя, когда ветреная особа рядом с тобой, надо быстро реагировать и немедленно действовать.

– Ты, прямо, вылитый дед Николай. Чего ты добиваешься? – вновь улыбаясь, спросил Егор.

– Нежного поцелуя. Жаркий поцелуй может сорвать нам поездку, – ответила жена, легонько целуя мужа. – Итак: машины наши на местах, вещи собраны, документы в сумке, в квартире кое какой порядок, ключи у Влада, соседи предупреждены, капиталы в сейфе. Кажется, учли всё. Ты есть хочешь? – спросила она, включая чайник. – Сегодня у нас разовый чай из пакетиков и растворимый кофе. Доставай из холодильника то, что хотел бы съесть.

Милана в Аланье была уже в третий раз, и Егор доверился «знатоку». Первое место, куда она его повела, был причал

с водным транспортом. Теперь они приходили к Ахмету на рассвете вдвоём, а вечер занимали прогулки, с посещением развлекательных мест. Егор взял на прокат машину, купили карту и они путешествовали на «личном» транспорте самостоятельно. За день до отъезда, после морской прогулки на «Спарке», Милане стало плохо у берега прямо в седле гидроцикла. Она уже собиралась его покинуть, когда голова закружилась и, не подхвати её Егор, она свалилась бы в воду.

– Как ты? – держа жену на руках, спросил он. – Перегреться ты не могла. Закружилась? А если бы это случилось не у берега?

– Поставь меня на землю. Я уже в норме. Не сердись. Когда бы ты ещё носил меня на руках, как не в медовый месяц?

– Я согласен носить тебя на руках, куда и когда ты захочешь, если не будешь пугать меня подобными вещами. Может, изменим наши планы? – спросил он, снимая с неё спасательный жилет.

– Егорушка, всё в полном порядке. Мы завтра улетаем домой, а до этого времени я буду ходить с тобой за руку.

Планы всё же пришлось частично поменять. За завтраком Милане опять стало плохо, и она вынуждена была вернуть часть завтрака назад.

– Мне это не нравится. Надо показаться врачу, – сказал с тревогой Егор. – Есть же при отеле доктор?

– Надо, дорогой. Я проверю всего одну догадку, и мы с тобой пойдём к доктору, – сказала она, купив по дороге в номер

тест на беременность. Посиди или полежи, расслабься, а я в ванную. – Егору показалось, что Милана отсутствовала долго. Он посмотрел на неё вопросительно, когда она появилась рядом. – Вот откуда и головокружение и тошнота, – сказала она, протянула мужу тест и улыбнулась. – Я беременная. У нас это получилось. Вернёмся в город, и я схожу в клинику. Это не болезнь!

– И давно это случилось? – спросил Егор, обнимая жену.

– Тест показывает плюс четыре, а значит еще дома и до свадьбы.

– Тебе есть за двоих надо, а ты и за одного не можешь.

– Пустяки. Я попробую есть то, чего мне хочется. Так я смогу обмануть токсикоз. Знаешь, чего мне сейчас хочется съесть? Обыкновенную сладкую булку размером с лапоть, запивая её соком. Мы купим это по дороге. Не трусь. Я сама волнуюсь. Мы с тобой знаем, что это состояние временное и скоро пройдет.

– Насколько оно временное? Как ты будешь работать? – не унимался Егор. – Как ты сядешь за руль, чтобы добраться до работы? Нет, моя хорошая, нам предстоит решить много вопросов по возвращению, – убеждал её муж.

– Половина женщин страдает от токсикоза и как-то живут.

– Меня не устраивает твоё «как-то». Мне нужно чтобы было нормально, – не уступал Егор.

– Тогда тебе стоит поговорить об этом не со мной. Ты все претензии предъявляй своему наследнику. Это он создаёт

мне временные неудобства. Испытывает меня на прочность.

– Шутишь? Почему ты решила, что это он, а ни она? Когда мы сможем узнать пол нашего малыша?

– Наберись терпения. Это будет месяца через три, не раньше. Поехали, попрощаемся с райским уголком. Теперь мы года три не сможем сюда вырваться.

Егору понравился отдых с Миланой по её расписанию. Он принимал все предложения, соглашался с планами не потому, что хотел угодить, а потому, что самому было интересно. Он отдыхал в отпуске сам и с подругами, но это было как будто в другой жизни. Они вернулись домой, и уже на следующий день Милана пошла на приём к врачу. Диагноз беременности сроком пять-шесть недель подтвердился. Головокружения и токсикоз скоро прошли, и она чувствовала себя хорошо. В конце июня они узнали пол ребёнка, а в августе их сын стал активно общаться с родителями – толкаясь и пинаясь. Двадцатого августа у Руслана родилась дочь, которую назвали Лизой. В сентябре самому Руслану исполнилось двадцать восемь, а Милане тридцать два года. Она ушла в декретный отпуск, а Егор, написавший рапорт и уволившийся со службы, занял её кресло и должность в компании. Теперь для Миланы настало время шопинга по магазинам детской одежды. В квартире при помощи агентства занялись генеральной уборкой и перестановкой мебели в спальне. Поздний вечер четырнадцатого декабря Егор запомнил надолго. Схватки у жены начались неожиданно и муж запаниковал.

– Егор, успокойся, – просила Милана. – Вызывай неотложку и будем собираться. У нас есть в запасе минимум час, а могу родить только к утру.

– Я провожу тебя в роддом и поеду к родителям, – говорил он, помогая жене одеться. – Я один здесь с ума сойду.

– Чтобы все остались с умом – не беспокой до утра никого. Договорились? – глядя на мужа с любовью, говорила Милана. – Всё будет хорошо. Я обещаю. – Она волновалась не меньше мужа, а боль только добавляла страха. – Обратно возвращайся на такси.

Ланская Милана родила сына пятнадцатого декабря в три сорок, весом три шестьсот и ростом пятьдесят один сантиметр. Егор забрал жену и сына из роддома двадцатого декабря. До самого Нового две тысячи девятнадцатого года чета Ланских, родители Егора Илья Семёнович и Зоя Васильевна, через день навещали внука, помогая сыну и снохе. Необходимости особой не было, Милана справлялась со всем сама, но ей было приятно такая забота. Бабушка Миланы Антонина Степановна запретила Тихоновым и Тихомировым навещать внучку и правнука, пока тому не исполнится хотя бы месяц. Все обещали, но не послушались. Влад с Русланом приехали на пять минут уже двадцать первого, а оба отца и дедушки прибыли после работы с подарками двадцать второго. Бабушку с дедом, Светлану и Саньку с отцом Милана принимала через месяц.

– Ты меня Егор прости, но, как бы сказал Николай, у сына

от тебя всего одна деталь, всё остальное от нашей внучки, – сказал Михаил Васильевич. – Это мне подарок на семидесятипятилетний Юбилей. Первый правнук. Расти здоровым парнем, Дмитрий Егорович.

– Лёня привёз Наташу из роддома и тебя вот такую же, – говорила бабушка внучке. – Голосистая, на голове три волосинки, глазки косят – гадкий утёнок, а теперь красавица и умница. Дай Бог счастья и здоровья Митеньке.

С наступлением февраля морозы пошли на спад, а им на смену задули ветра. Редко какой день не шёл снег, и не завывала метель. Прогулки на улице вторую неделю отменялись. Дышали свежим воздухом теперь в переноске на лоджии. Пятнадцатого февраля уже после двадцати часов Егор вспомнил, что не купил памперсы сыну.

– Пока ты укладываешь Митю, я схожу в аптеку. Кто знает, какая погода будет завтра, – сказал Егор, надевая куртку.

– Егор, у нас не горит. Это можно сделать и до обеда завтра. На улице метель, темнота – оставайся дома, не ходи.

– Не волнуйся. До аптеки три шага, а свои промахи нужно исправлять во время, – не сдавался муж.

Аптека была действительно недалеко, всего через два дома от них. Пройти дворами туда и обратно можно за десять-пятнадцать минут. Всё зависит от темпа ходьбы. При нынешней погоде и ветре, это могло занять при попутном ветре меньше времени, при встречном – больше. Прошли полчаса, а Егора не было. Смартфон его оставался на обе-

денном столе. Сердце Миланы забилося в тревоге, когда прошли ещё пятнадцать минут. Одеться и пойти навстречу мужу, оставив двухмесячного ребёнка одного, она не могла. Звонить кому-то – пройдёт немало времени, прежде чем кто-то приедет. И тут раздался звонок консьержки.

– Милана Леонидовна, здесь у подъезда Ваш муж. Мужчина с собакой, наш жилец его нашёл. Я вызвала скорую и полицию, – говорила она волнуясь.

Милана положила на бочок сына в кроватку, подложив ему под спинку подушку, накинула полушубок и в домашнем костюме и тапочках сбежала вниз по лестнице, не вызывая лифт. Егор лежал недалеко от подъезда в снегу.

– Егор, Егорушка, ты меня слышишь? Родной мой, открой глаза, – просила она мужа, видя на его лице кровь. Она сбежала из раны на голове, которая слегка была покрыта снегом. Веки Егора дрогнули.

– Там, – тихо сказал он, показывая рукой в сторону.

У подъезда, не смотря на поздний час, собралось человек пять. Мужчина с собакой направился в указанную сторону и через пару минут вернулся с упаковкой памперсов. К этому времени, врач подъехавшей скорой помощи уже осматривал Егора и накладывал ему повязку на голову. Подъехала и машина с нарядом полиции.

– Иди домой, не бросай Митю, – тихо попросил Егор.

– Доктор, что с ним? – обратилась Милана к врачу.

– От сотрясения, до перелома. Били его сильно, но недол-

го.

– Не вышел из меня Рембо, – пытался пошутить Егор. – Иди в дом – простудишься.

– Как там Рембо я не знаю, но думаю, им тоже досталось. Вы на руки его посмотрите. Все костяшки сбиты. – Вы помните, как Вас били.

– Разве такое забывается? – вопросом на вопрос ответил он.

– Уже хорошо – амнезии нет. Давайте в машину. При Вас есть документы?

– Я привезу. Вы куда его сейчас? – спросила Милана.

– В одиннадцатую городскую. Ему нужен, по меньшей мере, рентген и невропатолог. Сейчас он геройствует, а утром может не встать. Извините, – сказал врач. – Нам нужно ехать. Я помогу.

Милана поднялась в квартиру, поблагодарив консьержку, бросила упаковку с памперсами на диван и набрала номер телефона Руслана.

– Руслан, мне нужна твоя помощь, – сказала она и рассказала о случившемся.

Прошли полчаса. Она собрала документы Егора и вещи для него в пакет, в ожидании брата. Когда в дверь позвонили, она была уже готова к выходу. В дверях стояла Настя, держа Лизу на руках.

– Лана, не удивляйся. Куда ты в таком состоянии, да ещё за рулём? – говорила Настя, раздевая Лизу. – Руслан отвезёт

тебя в больницу, а я побуду с детьми. На обратном пути он нас и заберёт. Так будет спокойнее. Когда Митя ел и что ему можно дать, если вы задержитесь?

Они прибыли в больницу, когда Егор уже был, после рентгена, в операционной.

– Что с ним, доктор? – волнуясь, спросила Милана. – Почему операционная?

– Его, ко всему прочему, ударили ножом в бок. Нож прошёл по касательной, повредив только кожу и мышцы. Ни переломов, ни трещин нет. Ссадины, гематомы, удар по голове принёс сотрясение, и рассечение кожи. Одежда и шапка немного смягчила удары. Он в сознании. Швы накладывали под местной анестезией. Лежать ему надо, а он домой рвётся, – говорил доктор, положив свою руку на плечо Миланы. – Не волнуйтесь. Он крепкий мужчина и быстро пойдёт на поправку.

– Если я Вас правильно поняла, ему нужен постельный режим. Всё остальное от Вас не зависит? – спросила Милана.

– Вы его жена? Уговорите своего супруга полежать хотя бы сутки в отделении. Вам самим нужна полиция в доме? Пусть они его здесь и пытаются под присмотром, – посоветовал врач.

– Егор, ты остаёшься в больнице минимум на сутки и не спорь, мне так будет спокойнее. Я не справлюсь, если тебе станет хуже. Два ребенка для меня сложно, – говорила Милана, дождавшись перевода мужа в палату. – Попытайся ме-

ня понять. Здесь чистые вещи. Переоденешься? Я привезла телефон и зарядку. Почему ты не сказал о ране?

– Митя с кем? – спросил Егор, оставляя её вопрос без ответа.

– С Настей. Они приехали всей семьёй. Руслан привёз меня сюда, а Настя с Лизой и Митей дома. Там тебя полиция ждёт. Я на пять минут, – ответила Милана.

– Слушай меня внимательно, жена. Сейчас вы с Русланом едите домой. Я позвоню отцу, поговорю с полицией и до полуночи буду дома. Отец поможет добраться, мама подлечит. Милана, я не умирающий лебедь, а слегка подбитый. Разницу чувствуешь? Беги и ни о чём, кроме сына, не думай. Да, вместо раны у меня порез, слегка испортивший кожу. Передай привет Руслану и спасибо Насте. Иди, – сказал Егор голосом, не терпящим возражений.

Вернувшись в квартиру и проводив Руслана с семьёй, Милана глядя на сына, расплакалась. Напряжение последних двух часов сменилось слезами. Она плакала от пережитого страха, своей беспомощности, неизвестности и удовлетворительных новостей. Теперь она могла быть слабой. «Спасибо тебе, Господи, за то, что уберёг Егора. Прости меня, что дорогу в храм забыла. Отец Павел постарел, но помнит меня и молится. Ты знаешь, что я верую, и в суете дней не забываю молитву, но я не настолько набожна, чтобы соблюдать все церковные правила, – говорила она, глядя на икону складень, переданную ей Отцом Павлом. – Я не прошу большего, чем

у меня есть, у меня всего в достатке. Помоги мне сохранить то, что имею. Дай мне силы», – просила она сквозь слёзы.

Милана посещала церковь не часто. Точнее сказать тогда, когда не находила для себя ответов. Она шла к Отцу Павлу и знала, что он если и не даст совета, то обязательно выслушает. Были и даты, когда она шла в церковь с определенной целью. Проще было посетить любой храм в городе, но она ехала туда, где её знали, и у неё были на это свои причины. Милана услышала короткий звук дверного звонка, вытерла глаза и вышла в прихожую открыть дверь. На пороге стояла мама Егора Зоя Васильевна.

– Лана, ты что делаешь? Тебе ребёнка кормить. Быстро умылась и успокоилась, – говорила она, снимая верхнюю одежду. – Илья скоро привезёт Егора. Я сделаю ему укол, поставлю на ночь капельницу. Утром меня Илюша опять привезёт. Наш сын на мне, ваш на тебе. Всё будет хорошо. Приготовь постель на диване, так будет удобнее и ему вставать, и мне колоть, и тебе меньше хлопот.

– Спасибо Вам. Что-то я расклеилась. Как представлю его у подъезда, такой ужас охватывает, – оправдывалась Милана. – Я просила его не ходить в аптеку в такую погоду и так поздно, но он меня не послушал.

– Изменить ничего, дорогая моя, нельзя, а взять ситуацию под свой контроль мы попробуем, – утешала Зоя Васильевна Милану.

Ещё с полуночи до ноля часов в квартире Ланской Мила-

ны не спали. Отец привёз сына со словами: «Принимай, Лана, избитого мужа, а ты Зоя прими вердикт доктора. Я свою миссию выполнил». Уложив Егора на диван, Зоя Васильевна сделала укол, поставила капельницу. Мама Егора проработала акушер-гинекологом более тридцати лет и в данное время была на пенсии.

– Минут через сорок иглу вынешь, и ложись отдыхать. Он проспит до утра. Утром я приеду. Позвони, если что понадобится в магазине. Спокойной ночи, – говорила она прощаясь. – Справишься или мне остаться?

– Езжайте домой и не поднимайтесь чуть свет. Завтра у нас выходной. Дайте Илье Семёновичу отдохнуть. Я справлюсь.

Проводив родителей Егора, Милана присела рядом с ним и видела, как он борется со сном. Накормив сына, положила его в кроватку, убрала капельницу, сама легла в кровать и моментально уснула. Митя проспал до шести утра, и у выспавшейся Миланы новый день начался с туалета и кормления сына. Включив машину, она уже через час развешивала на лоджии бельё. К тому времени как Егор проснулся, Дмитрий Егорович уснул.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Милана мужа, положив Митю в коляску.

– Есть хочется. Ты сама как? Напугал я тебя? – виновато спросил Егор.

– Всё нормально. Ограничений у нас в еде нет. Ты смо-

жешь сам встать, вернее, добраться до кухни? Могу организовать тебе завтрак в постель, но тогда и руки мыть будешь сидя на диване, – говорила Милана, присев на край дивана. – Илья Семёнович мне рассказал о том, что произошло, но эта сказка с твоих слов. Ты ничего не хочешь добавить? А долго собираешься себя казнить за то, что не справился с тремя нападавшими? Тебе не идёт вид побитой собаки. Зоя Васильевна быстро поднимет тебя на ноги, а я помогу. История наша проста: споткнулся, упал, очнулся – гипс.

– Ты не сердись за то, что я настоял на своём и не остался в больнице? У тебя хлопот с моей персоной добавится. Часы жалко, – говорил Егор, осторожно поднимаясь с дивана. – Я в ванную сам доберусь по стеночке, а потом в кухню. Острой боли нет. Слегка кружится голова, думаю это от голода.

– Не будешь сам нарушать режим, я буду проводить у твоей постели больше времени. Считай, что ты лежишь в палате «Люкс» с персональной сиделкой. А часы я подарю тебе свои, – говорила Милана, следуя за Егором.

Она накормила мужа завтраком, составив ему компанию. Через пару часов, с приходом родителей Егора, Милана занялась обедом.

Руслан ехал в воскресенье к сестре убедиться, что в состоянии Егора, всё именно так, как она говорит, решить рабочие моменты и прояснить ситуацию по текущим вопросам. Думая о сестре и её муже, он вспомнил недавний разговор

с женой.

– Ты теперь, дорогой мой муж, в компании третий, пока Егор поправится, и можешь, себя проявить. Займешь его кресло?– спрашивала Анастасия, провожая мужа.

– Ни Егор, ни Милана никогда и не «задвигали» меня. Если идея была моя, отец об этом знал. Ты думаешь, я чего-то стою без сестры? Ошибаешься. Она как локомотив толкает меня вперёд. Ты смирись с тем, что могу работать под руководством, но не руководить. Может опыта не хватает, может мне это не дано от природы. Лично меня всё устраивает.

– Ты из-за чувства благодарности уступаешь им лидерство? У тебя больше прав.

– Прав у нас троих одинаково – отец у нас один, а кресло должен занимать сильнейший. Лана стала для меня не только спасительницей, но и сестрой, мамой, другом. Отца из такой ямы вытащила, деду и Владу помогла. Лет десять назад я очень хотел быть похож на неё, – говорил Руслан. – Я, Настенька, никогда не завидовал ни Милане, ни Егору. Мне не стыдно признаться в том, что они знают и умеют гораздо больше чем я.

– Ты говоришь мне всё это искренне?– спросила Анастасия.

– Я говорю и думаю именно так, – ответил серьёзно Руслан.

– Я за тебя рада. Извини за провокацию. Мне хотелось

убедиться в том, что ты не завидуешь сестре, что отношения между вами не изменились с появлением в компании Егора.

– Убедилась? – приобняв жену, улыбнувшись, спросил Руслан. – Я Егору благодарен за то, что он согласился с Ланой и пошёл к нам работать. Он это сделал ни ради компании, а ради своей жены. Мне с ним легко работается. Он, как и она, не стремится сделать карьеру, занять кресло отца, он просто делает своё дело и делает его хорошо. Таких друзей как они беречь надо и помогать им.

– А я Милане завидую. Муж у меня не хуже, если не лучше, а в остальном она даст мне сто очков вперёд. Я никак не могу понять одну вещь: как ей удаются такие кардинальные перемены? Она на работе одна, а выходит из офиса и становится абсолютно другой. Я никогда не слышала, чтобы она повышала голос, но говорит так, что понятно – в голове сплошной набор ненормативной лексики. У неё порядок и в голове, и в делах. Она редко о чём-то просит сама, а помогает ещё до того, как ты думаешь попросить её о помощи. Она избегает публичных мероприятий, уделяя это время всей своей семье. Она давно могла сменить квартиру или переехать в дом, а живут в квартире, купленной десять лет назад. У неё нет ни няни, ни домработницы, а дома порядок. Может, я на всё это смотрю с колокольни избалованной куклы, у которой есть приходящая няня и прислуга? Я бы так не смогла. У тебя сестра необыкновенная. Жаль

редко видимся.

– Настя, дружить – это не значит пропадать в гостях друг у друга сутками. У вас на руках грудные дети и вам обоим не до посиделок. Лиза с Митей подрастут, и будете встречаться чаще. Лана действительно необыкновенная женщина. Я думаю, здесь нет особого секрета. Она жила в семье, которая действительно была семьёй. Где отношения были не просто родственные, а тёплые, где доверяли и любили, где помогали и не винили. Два деда, две бабушки, отец, мачеха – я хорошо помню эту семью. Мне было у них уютнее, чем дома. Лана просто воспитана на этом, она не может изменить то, что заложено с детства, а может и не хочет. Мне просто повезло с сестрой, а ещё больше с женой. Я поехал. Дискуссию можем продолжить вечером, – целуя жену, сказал Руслан. – Пока.

Егор был «здоров» уже через неделю. Синяки на теле ещё выдавали следы побоев, а ссадины прошли, а швы с пореза были сняты. Двадцать пятого февраля он вышел на работу. Прошёл март, на смену ему пришёл апрель с весенним приветом и настроением. Бабушке Антонине Степановне шестнадцатого апреля исполнялось семьдесят пять лет. Празднование Юбилея перенесли на выходной день, но Милана не могла не поехать и не поздравить её именно в этот день. Она посадила четырёхмесячного Дмитрия в автокресло и поехала в дом отца, купив по дороге любимые цветы бабушки. Она знала, что пожилая женщина будет им рада. Они виделись в

конце марта, когда отцы отмечали свои пятидесятипятилетние Юбилеи. Рождённые двадцатого и двадцать пятого марта, они приурочили их к выходному и отметили в один день. В доме отца за десять лет мало что изменилось. Комната Миланы осталась в том же виде, в котором и была. В доме делался косметический ремонт, менялась мебель, но всё это делалось неодновременно и оставалось как-то малозаметным.

– Милана, тебе не пора сходить к своему врачу? – спросил Егор, восстановив дыхание. – Я совсем не против второго ребёнка, но тебе нужна передышка. Два малыша – это сложно даже для меня.

– Ты мне ещё, милый друг, накаркай мне эту беременность. Я хочу, после столь долгого перерыва, заниматься любовью до звона в ушах на ночь и перед завтраком.

– Милая моя, я беспокоюсь ни о себе, а о тебе. С меня спрос небольшой, а «отдуваться» тебе. Не хочешь к доктору, будете гулять, зайди, пожалуйста, в аптеку. Лана, ты должна знать, что я согласен на некоторые временные «неудобства» для себя, пока ты решишь сама, как защитить себя. Договорились? А звон в ушах я тебе гарантирую, но только на ночь.

Милана скорее почувствовала, чем поняла, что беременная. Уже после майских праздников кормления Мити грудью вызывали неприятные ощущения. Соски становились болезненными, грудь наливалась, но при этом молока не стало больше. «Забеспокоился» и Митя. Он трудился старательно, но видимо не наедался. Двадцать восьмого мая, отпра-

вив мужа на работу, Милана вместе с сыном отправилась в клинику. Беременность сроком в шесть недель на УЗИ подтвердилась. По пути, заехав в детскую поликлинику, она купила в супермаркете детское питание. Дмитрию пошёл шестой месяц, а мама ввела ему прикорм после четырёх. Приехав домой, разобрав пакеты и накормив сына, Милана «залезла» во всемирную паутину. Чем дольше читала, тем больше себя ругала. «Хотела звона в ушах – получи, – говорила она себе вслух. – В тридцать два года быть такой беспечной – непростительно. На что я надеялась? Кормление грудью не гарантия от зачатия, и я об этом знала. Знала и ничего не предприняла. Как не убеждай себя в будущих заботах и трудностях, аборт ты сделать не сможешь. Значит, привыкай к мысли, что снова станешь мамочкой, позаботься о питании для Мити и расскажи обо всём Егору. А ведь он советовал мне сходить к врачу и сам предложил средство защиты, но, видимо, поздно предложил, – усмехнулась Милана. – Да, зная его нелюбовь к «резинкам», мужчина подумал обо мне, а я на всё плюнула. Теперь, женщина, пожинайте плоды собственной беспечности. Я думала, что моё «увлечение» сексом – это послеродовая реакция. Я стала чувствовать и желать его по-другому. Я не перестала его «хотеть» и с наступлением беременности. Получается, потребность в нём у меня не пропала. А, если моё «хочу» навредит ребёнку, буду ли я себя чувствовать виноватой? С одной стороны дети погодки – это хорошо. Вырастут вместе, как близнецы, а с другой –

я физически могу не справиться. Да, как не крути, а вопросов больше чем ответов. Что на это скажет Егор? В финансовом плане проблем быть не должно, а вот в физическом – вопрос. Что я толку воду в ступе? Чего мудрить? Чтобы не сказал Егор, я ведь сделаю по-своему», – поставила точку в своих рассуждениях Милана и смирилась со своей участью. Приготовив ужин и накормив мужа, она стала готовиться к купанию сына.

– А что наша мама такая спокойная и загадочная? – спросил Егор сына, глядя на жену. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, но позже, – уклончиво ответила она.

– Хорошо. Я подожду.

Закончив с делами, Милана накормила и уложила сына спать. Пока принимала душ, машина стирала. Развесив бельё, надеялась на то, что Егор уже спит, но ошиблась. Когда она вошла в спальню, тот сидел на краю кровати и улыбался.

– Тебе помочь начать разговор? – спросил он, глядя на жену. – Ты беременная, была у врача и уже приняла решение. Теперь вот думаешь, как сказать об этом мне.

– И как мне об этом сказать? А главное, что ты мне на это ответишь? – нерешительно спросила жена.

– Я скажу «да», но с непременным условием: ты идёшь в декретный отпуск, и мы берем в дом няню, а до этого меняем две наших квартиры на одну большей площади. Вот как-то так, – Егор обнял жену за плечи и прижал к себе.

– Как ты догадался? – спросила она, положив свою голову ему на плечо.

– У тебя грудь стала другой, полоска на животе проявилась, ты кривишься, когда кормишь Митю. Я полистал интернет, ну и порылся в твоём смартфоне. Извини.

– Это не честно, – говорила Милана, которая в душе была довольна таким ответом.

– А честно скрывать от мужа такие вещи? Не волнуйся. Я попрошу маму, и она нам поможет. Иди ко мне, партизанка...

Глава 11

Прошли две недели. В компании готовились к Юбилею. Ей исполнялось двадцать пять лет. Четырнадцатого июня в ресторане в восемнадцать часов сотрудники принимали гостей, а в квартиру Миланы приехала свекровь Зоя Васильевна.

– Милана, наводи красоту и поезжай в ресторан. Ты можешь ничего не есть и не пить, просто побудь среди людей, устрой себе короткий отдых от домашних дел.

Милана отказывалась, находя разные предлоги, Ланская Зоя Васильевна настаивала, приводя один довод за другим. В конце концов, Милана сдалась, собралась, вызвала такси и поехала. Часы показывали 20:30. О её незапланированном визите не догадывался никто. Такси остановилось недалеко от входа. Милана рассчиталась с водителем, вышла и заметила машину мужа. Она бы не обратила на неё внимания, если бы пассажирская дверь авто не была приоткрыта. Тонированные стёкла не позволяли разглядеть есть ли кто в машине. Милана подошла к автомобилю и приоткрыла дверь шире. Егор и молодая дама целовались. Всего на пару секунд Милана встретила взглядом с мужем, хлопнула дверью и пошла к стоянке такси. Машина, которая привезла её сюда, стояла на месте. Она открыла дверь и села на заднее сидение.

– Отвезите меня домой, – попросила она таксиста.

– У вас всё нормально? – участливо спросил тот.

– Скажите, Вы женаты? – задала Милана вопрос водителю, оставив его вопрос без ответа.

– Десять лет в браке, – ответил он.

– Вы часто изменяете своей жене? – спросила Милана, не надеясь на ответ водителя.

– Смотря, что Вы подразумеваете под изменой. Просто прежде чем обвинять, нужно понять от чего это произошло, – сказал таксист, поглядывая на Милану в зеркало. – Для меня есть три типа женщин: жена, любовница, проститутка. Только одна из них принимает меня без всяких претензий, отработывая свои деньги. Это услуга, которую я получаю, как Вы в салоне красоты. А двух других я просто обманываю. Как вы думаете, кому в этом случае хуже?

– Думаю, жене, – ответила Милана.

– Хуже всего мужу. Пока он не определится, его жизнь похожа на жизнь сапёра – не знаешь, когда и где рванёт. Уйти от жены к любовнице можно, но не нужно. Мудрая жена, прожившая в браке ни один год, знает хорошо своего супруга. Зачем ей удерживать того, кто не ценит её. А вот любовница считает, что она лучше жены и допускает ошибку. Ведь жить бок о бок и изредка встречаться – это разные вещи. Мужчине не просто сделать выбор. Он получает, в лучшем случае, то, что уже было в его молодости, а лишается того, к чему привык за эти годы. Я говорю о сексе, тепле и уюте. Выбирать женщину нужно так, как выбирает себе новый на-

ряд. Ни на один вечер, а чтобы был хорош и в праздники, и в будни. Одни предпочитают удобный фасон, который можно подогнать под себя, и который прослужит долго. Другие примеряют на себя новинки сезона, которые выйдут из моды через полгода. Стоит ли осуждать и убеждать их в том, что новое – это хорошо забытое старое. Я считаю, что измена, предательство – это когда человек тебе становится чужим, ты не чувствуешь в нём необходимости, и вычёркиваешь его из своей жизни. А всё остальное – наши ошибки. А ошибки надо уметь прощать. Вы так не думаете?

– Трудно сказать, – ответила Милана и замолчала до самого дома.

– Что случилось? Почему ты вернулась? – спросила свекровь. – А где Егор?

– Зоя Васильевна, я не была в ресторане. Егора видела в его машине, когда он целовался с женщиной. Он меня тоже видел. Так будет понятно? Пожалуйста, или караульте внука, или уйдите, – сказала Милана, держась за живот. – Извините, мне не до разговоров.

Она прошла в спальню. Сын спал. Милана, не стесняясь свекрови, сняла платье, надев короткую тунику и заменила бельё.

– Милана, тебе нужно в больницу, у тебя кровотечение.

– Оставьте меня в покое. Мне жить не хочется, – ответила она, расстилая пелёнку и ложась на кровать.

– А ты о сыне подумала? Ни один мужик не стоит того,

чтобы забыть или бросить собственного ребёнка, даже мой сын, – с вызовом сказала свекровь.

– Пожалуйста, уйдите, – попросила Милана.

Зоя Васильевна вышла из спальни и не знала, что в данной ситуации ей предпринять. Самое разумное – вызвать неотложку. Но зная характер невестки, она сомневалась в том, что та примет такую помощь. Ланская была женским доктором, хотя и на пенсии, поэтому положила на себя и на Бога. Нашла стерильные перчатки в домашней аптечке и вернулась в спальню.

– Ляг на спину, ноги согни в коленях. Как болит и где? – ощупывая живот Миланы, спрашивала она. – Потерпишь, я тебя попробую посмотреть.

– Низ живота болит, как при схватках.

– Слушай меня внимательно: если в течение десяти минут у тебя не прекратится кровотечение – ты поедешь в больницу. Я не хочу брать грех на душу перед внуком. – Через пять минут всё было закончено. – Прости, Милана. Мне жаль, но у тебя полный выкидыш. Болит меньше? Полежи, а через полчаса сходишь в ванную, – сказала свекровь, сворачивая испачканную пелёнку и подстилая чистую.

Милана лежала, уставившись взглядом в потолок. За окном начинались сумерки. Боль была тупой и непостоянной, доставляя небольшой дискомфорт, а выделения прекратились. Она поднялась с постели и прошла в ванную комнату. Зоя Васильевна начинала волноваться, когда, наконец, Ми-

лана вышла.

– Вы хотите уехать домой? – тихо спросила она женщину. – Спасибо Вам за помощь.

– Можно я останусь? – спросила Зоя Васильевна.

– В шкафу есть Ваш халат и сорочка. Ложитесь спать в спальне, а я лягу в гостиной. Спокойной ночи, – сказала Милана и прошла в кухню. Она достала бутылку с коньяком, бокал и прошла в гостиную. Усевшись в кресло с ногами, взяла бокал с напитком. Голова была абсолютно пустой. Она остановила свой взгляд на фотографии, стоящей на «горке». Это была свадебная фотография, сделанная чуть больше года назад. Сделав глоток, она отвела взгляд, но он вернулся обратно помимо её воли. Дважды звонил телефон, и дважды она отвечала одной фразой «Перезвони завтра», не интересуясь, кто звонил. Ближе к полуночи в квартире появился Егор. Заметив в гостиной жену с бокалом в руках, он присел на диван.

– Ты что творишь? Ребёнок не должен страдать из-за нас.

– А нет больше ребёнка, и нас больше нет. Есть ты, есть я, а нас нет. Зачем ты пришёл? – говорила она равнодушно.

– Дай мне две минуты. Ты должна знать, что я тебе не лгал. Единственное, что я утаил это то, что я не оставил службу. Я хотел уволиться, но мне предложили другой выход и я его принял. Ты ушла в декретный отпуск – я пошёл в очередной. Потом в отпуск по семейным обстоятельствам. Ты родила, и я оформил отпуск по уходу за ребёнком. Всё это время

работал по контракту в вашей компании. Всех это устраивало. Теперь обстоятельства для меня складываются так, что я оставляю на время и вас, и компанию. Это всё. Извини.

– Теперь ты дай мне две минуты. В понедельник пишешь заявление, отработываешь две недели и уходишь. Мне нужно время, чтобы найти няню. Вещи заберёшь в любое время в течение двух дней, а ключи оставишь. На развод я подам сама. Скажи, в вашей конторе часто практикуются такие издержки производства, как сегодняшняя дама или это обязательное условие в вашем кодексе? Может, и я была частью твоей службы? Ты теперь знаешь кухню изнутри. Тебя совесть не мучает? – негромко говорила жена.

– Моя совесть по отношению к «Сибстрою» чиста. Не делай из меня монстра. Я тебя люблю, и никогда не использовал твои чувства в служебных интересах или целях. И не путай, пожалуйста, флирт с изменой.

– То, что позволено Юпитеру, не позволено быку? Ты сделал выбор между долгом и семьёй. Может ты своим выбором спас человечество? Считаешь, что твой патриотический порыв оценят? О нём через полгода забудут, как могут забыть и о тебе самом. А вот семья, если и простит предательство, не забудет. Я тебя ненавижу, я видеть тебя не могу. Убирайся.

– Я не уйду. Как я тебя оставляю в таком состоянии наедине с ребёнком? Ты не должна была видеть то, что видела.

– Для сегодняшних событий моё состояние нормальное. За Митей присматривает Зоя Васильевна, а я ищу истину в

коньяке.

– Мама здесь? – удивился Егор.

– Здесь. Это она посоветовала мне поехать в ресторан.

– Ребята, вам нужно сесть и обо всём спокойно поговорить. Вы наломали дров по молодости, неужели ума не прибавилось? – говорила Зоя Васильевна, выйдя из спальни. – Я за тридцать семь лет так и не смогла смириться со службой Ильи, хотя всегда старалась понять, простить и принять. Сколько было моментов, что готова была всё бросить и бежать, куда глаза глядят. Только это был не выход. Тогда мы сиделись с ним рядом и говорили. Не всё можно говорить, но держать жену в неведении гораздо хуже. Кто может знать, что мужа ждёт завтра, но жена должна быть уверена, что он её не предаёт. Он просто сменил профессию и временно играет роль, пусть и не в театре. Роли не всегда бывают хорошими, героическими. Порой они бывают мерзкими, унижительными, но жена знает – это всего лишь роль. Вся наша жизнь игра. Это Илья попросил меня поехать к вам и отправить Милану в ресторан. Кто же знал, что это начало возможного сценария к новой игре. Свою игру ты, сын, начал с большого проигрыша.

– Спасибо, мама. Отец не знает ничего про новую игру, здесь ты ошиблась.

– Знаете, Зоя Васильевна, я бы поняла Вашего сына, поговори он со мной до того, как я стала свидетелем его новой роли. В этом случае я не поддавалась бы на Ваши уговоры и

не поехала в, этот чёртов, ресторан. А теперь я не могу себя заставить забыть этот кадр из нового кино. Извините.

– Это ты меня, Милана, извини. Видит Бог, я не хотела, чтобы всё это случилось.

– Значит, между нами пропасть? Может, хватит пить?

– Может и хватит. Между нами ничего нет – ни пропасти, ни бездны потому, что нас нет. Видишь ли, Егор, у меня сильно развито воображение. У него нет границ. Ваш поцелуй в машине может истолковываться мною по-разному и закончиться где угодно и как угодно. Не стоит меня переубеждать, это бессмысленно. А теперь я буду спать. Извините.

Утром Милана проснулась до рассвета. Егор спал на диване. Она тихонько прошла в ванную, а оттуда в кухню. Хозяйку мало волновало то, что она может разбудить кого-то. Сегодня была суббота, а значит, будет время выспаться. Открыв в приложении смартфона сдачу в аренду комнат в пригороде и дач, она внесла несколько телефонов в память, выбрав самые подходящие места. Загрузила и включила кофемашину. Отрезала кусочек сыра. За чашкой кофе нашла объявления, предлагающие услуги няни. Теперь она знала стоимость услуг, спрос и предложения. Услышав плач сына, вошла в спальню.

– Доброе утро, Зоя Васильевна. – Что случилось с моей радостью? – обратилась она к сыну, беря его на руки. – Ребёнок проголодался?

– Как твои дела, Лана? – спросила Зоя Васильевна. – Егор

где?

– У меня всё хорошо. Я почти «сухая». Егор спал в гостиной. У меня могут быть проблемы с молоком? Может попробовать? – спросила она свекровь, переодевая сына. – Я выпила вчера не более пятидесяти граммов. Рискнём, сынок? – спросила она, давая сыну грудь. – Зоя Васильевна, я хочу уехать на пару дней. Вы на меня не обижайтесь, но я не могу делать вид, что ничего не произошло. Мне очень больно, поверьте, но ещё больнее знать, что он с кем-то. Возможно, это пройдёт, возможно, я позже буду думать иначе, но не сейчас. Простите. У Вас нет на примете кандидатки в няни? С уходом Егора из компании, мне придётся выйти на работу.

– Возьми меня в няни. Хочешь, я буду приезжать к вам, а нет – привози Митю к нам, – предложила свекровь.

– А что на Ваше предложение скажет Илья Семёнович? – спросила Милана. – Узнав обо всём, он может не понять меня.

– Кто его будет спрашивать. Он достаточно накомандовался, пора и мне проявить настойчивость, а может, он и возражать не будет, – ответила она.

– Вы поговорите с мужем, а я поговорю о своём рабочем графике с руководством. Посмотрите на Митю. Или у молока вкус изменился, или Дмитрий Егорович проголодался, – улыбнулась Милана. – Вам нужно позавтракать, а иначе, какая из вас будет няня.

– Лана, как у вас с Митей дела? – спросил Егор, входя в

спальню. – Иди сынок ко мне, – протянул он руки к сыну. Митя с удовольствием перебрался с рук матери на руки к отцу. – Тебе нечего добавить к сказанному вчера?

– Чтобы я тебе сейчас не сказала – всё будет неправдой или полуправдой. Они тебе нужны? Чувствую я себя нормально. Схожу в понедельник к врачу. Добавить мне к сказанному не чего. Мне больно и неприятно видеть тебя, говорить с тобой. Это тебе понятно?

– Я могу навещать Митю? Что ты скажешь в компании? Зачем тебе вообще работать? – задавал Егор вопросы, не дожидаясь ответов.

– Митю можешь навещать в любое время, но только приходи к сыну для общения, а не с инспекцией. Пока не передашь мне все дела, я не подпишу у отца твоё заявление. После этого скажем, что ты возвращаешься на службу. Кто это будет проверять? А работать мне в компании или нет, пусть решит руководство. Я особо не рвусь, но помочь по необходимости готова. А теперь, пожалуйста, уходи, – закончив ответы на вопросы, попросила Милана.

– Я думал, мы всё же поговорим, – выдохнул Егор.

– А ты не думай. К следующему твоему приходу, я заведу себе знакомого, устрою страстные поцелуи у тебя на глазах, после чего, возможно, и поговорим. Мне очень хочется услышать, что ты на это скажешь, – ответила Милана.

Через неделю, передав все дела Милане, Ланской был уволен. Милана сама подписала его заявление у Тихомирова от-

ца, после чего собрала членов своей семьи у него в кабинете.

– Егор уходит из компании, и передал мне все дела. Никаких грехов за ним нет, как нет причины отказать ему в уходе. Мы с ним расстаёмся тоже, и я подала на развод. У меня к вам только одна просьба: я могу работать неполный день согласно трудовому кодексу, как кормящая мама?

– Ты хочешь сама работать или...

– И то и другое, – перебила Милана отца. – Мне нужно себя нагрузить чем-то, а вы в это время по очереди ходите в отпуска.

– С девяти до тринадцати и не минутой больше, – сказал отец Тихомиров. – На кого ты оставишь Дмитрия?

– Зоя Васильевна сама мне предложила помощь, – ответила Милана. – Мы еще не решили: будет ли она приходить к нам или я буду отвозить Митю к ним.

– Лана, давай на чистоту: что случилось? – спросил Руслан.

– Вы видели Егора на Юбилее компании? Можете не отвечать. Вы его видели, – с упреком сказала Милана. – И я его видела, но не в ресторане, а в более спокойной обстановке.

– Ты хочешь сказать...

– Я уже всё сказала, – перебила Влада Милана. – Я в полном порядке и не нуждаюсь ни в сочувствии, ни в жалости.

– Теперь ты меня послушай, дочка, – поднимаясь из-за стола, сказал отец Тихонов. – Мне не нравится ваша история с Егором. Я знаю твою нетерпимость к некоторым вещам, но

и никогда не поверю, что Егор способен тебя предать. Что-то неординарное заставило его так себя вести. Измена – это твоё, Милана, богатое воображение. Зачем измену делать наглядной, зачем на глазах так себя подставлять?

– Дорогие мои мужчины, говорю один раз и только вам: на данный момент я своего решения не изменю, и свои ошибки буду исправлять сама, и ёще – Егора не трогайте.

– Значит я прав, – махнул рукой отец Тихонов.

– Пап, ну не делай ты из мухи слона. Мы не ссорились, не выясняли отношений и расстались по моей инициативе и на моих условиях. Возможно, я пересмотрю свои взгляды на некоторые вещи, – говорила отцу Милана.

– Мне казалось, что он тебя любит, – с каким-то сожалением сказал Руслан.

– А он её и любит, только службу свою он любит больше.

– О чём ты, Влад? – спросил отец Тихомиров.

– Скучно ему в нашей компании. Я прав, сестра? Я из вас самый молодой и самый умный. Не мог я, извините, «пропустить» чужую «тётку» рядом с нашим Джеймсом Бондом. Эта девица на Юбилее – некая Шепелева Юлия, племянница Валентина Шепелева – председателя совета корпорации «Вален-Фарм» и «пропуск» Егору в эту корпорацию. Или дяде очень нужен наш Егор, и он подослал к нему свою родную кровь. Одно из двух, – сказал Влад, довольный собой и своей информацией.

– Егор признался, что он не увольнялся со службы. Это

она пошла ему навстречу и предоставила отпуск. Но давайте, все свои домыслы хранить при себе. Это касается и самых умных. Пакуйте чемоданы, готовьтесь к отпускам. – Пап, я поговорю с няней Зоей и, если она не будет против проживания в твоём доме, вы сможете не менять планов и поехать отдыхать.

– Ты думаешь это возможно? Зоя Васильевна мать Егора. Ты думаешь, она согласится с твоим предложением? – неуверенно спросил Тихонов.

– Пап, она ещё и бабушка Дмитрия. Если взялась мне помочь, думаю, договоримся, – сказала Милана, покидая кабинет отца.

– Лана, ты действительно такая «железобетонная»? – спросил Руслан, входя с сестрой в её кабинет.

– Ты что хочешь от меня услышать, брат? Что я по ночам реву в подушку? Что, жалея себя, обвиняю всех и никого не могу видеть и слышать? Что мой муж подлец, а я ангел? – спрашивала Милана с грустью, – Руслан, мне очень больно, до слёз обидно, что это случилось со мной. Я потеряла ребёнка, могу потерять мужа, но я не могу переступить через себя. Я не могу оправдывать Егора тем, в чём я не уверена. Я не могу жаловаться самой на себя. Дай мне время разобраться в себе. Лучше знать правду, чем сомневаться. Правды я не знаю, зато мои сомнения рождают воображения. Отец прав – моё воображение не знает границ.

– Была ещё и потеря ребёнка? – спросил Руслан, взяв сест-

ру за плечи и заглянув в её глаза.

– Ему было восемь недель, – ответила Милана, положив свою голову брату на плечо.

– Прости меня, Лана. Ты справишься. Нужна будет помощь или совет – обращайся. Не сердись за сравнение, – говорил он, обняв сестру.

– Скажи мне честно, я действительно выгляжу железной леди? – грустно спросила она.

– Ты выглядишь замечательно и так, как будто в твоей жизни всё в порядке. Я не перестаю удивляться твоему характеру.

Милана вышла на работу. Зоя Васильевна приезжала с мужем в восемь утра и уезжала в четырнадцать. Хозяйка заметила, что в её отсутствие продукты в холодильнике появляются сами по себе и свежие. Кроме того, не заводя разговоров со свекровью о Егоре, она знала о нём многое. Зоя Васильевна рассказывала семимесячному Мите о его отце довольно подробно: что думал и делал, что сказал. Сам Егор навещал сына в субботу. Если позволяла погода, Милана отправляла их гулять, оставаясь дома. Общения с мужем сводились к коротким диалогам.

Прошли три месяца. Двадцать седьмое сентября выпало на пятницу. Утром Зоя Васильевна принесла букет от Егора и торт от себя.

– Спасибо. Зря Вы беспокоились. Я после работы поеду к папе на выходные. Кто есть торт будет?

– Возьми его на работу, там и попьёте чай с тортом. Ты сегодня выглядишь отлично, – сделала комплимент свекровь.

– Я сменила причёску и стала на год взрослее. Ещё вчера мне было тридцать два, а сегодня тридцать три, – ответила она и услышала рингтон смартфона. – Извините, Егор звонит. – Да. Спасибо. Нет. Мы с Митей едем к папе. Боюсь, не получится. Звони. Хорошего дня. – Зоя Васильевна, я ушла.

На работе приняв поздравления от родственников и коллег, она сказала:

– Молодёжь я приглашаю на воскресный обед, а старшее поколение на сегодняшней ужин домой к Тихоновым. Большого банкета не обещаю.

– Лана, давай махнём все вместе в субботу в клуб часа на три, – предложил Влад. – Пусть Егор побудет отцом не только днём, но и вечером. Ты уже дома засиделась.

– Хорошая идея. Мне не придётся в воскресенье стоять у плиты, чтобы вам угодить. Я попробую, но не обещаю.

Егор третий час занимался с сыном. Митя самостоятельно начал ходить там, где была опора для рук, а где её не было полз. Делал он это очень забавно. Вытягивал ручки вперёд и, как будто подтягивал тело, качаясь на животе и болтая ножками в воздухе. Егор попробовал этот метод передвижения – не получилось. «Всё дело, сынок, в твоём животе, а у меня его нет», – оправдывался он перед сыном. Общение с Митей не давали времени на мысли. Хуже стало, когда он уложил ребёнка в кроватку. Теперь он думал о том, как Ми-

лана может развлекаться в клубе. За три года, которые они прожили вместе, она ни разу не отдыхала без него. Она ездила одна к отцу, принимала братьев у себя, но в клуб или ресторан они шли вдвоём. Минут сорок он не находил себе места – это была мужская ревность. Он пытался себя убедить в том, что Милана имеет право на личную жизнь, но в груди неприятно щемило. Он некстати вспомнил и еврея, и доктора, но это, как нестранно, его не задело. В то время Милана не была его женой. Она даже не догадывалась, что находится под его «наблюдением». Сейчас всё было иначе. Она всё ещё была его женой. Срок развода перенесли на декабрь, дав им три месяца на возможное примирение и исполнения года Максиму. Это конечно была глупость, но эта глупость давала ему надежду на примирение. Он в который раз прошёлся по квартире. С тех пор, как он из неё съехал, здесь ничего не изменилось. То, что исчезла их свадебная фотография, он заметил в первый свой визит. Все его вещи, которые он принципиально оставил, теперь висели всего на двух плечиках и лежали на одной полке. Подошёл к окну, которое выходило во двор и за стеклом которого сгущались сумерки. На ум вновь пришли строки из песни Стаса Михайлова: «Разве ты не слышишь, как заплакала любовь, как рушится весь мир, как остывает кровь? Ты слышишь? Всё ведь в этом мире было только для тебя. О, если бы не ты, если бы не ты, и не было б меня». «Для меня нет другого выхода, как только получить возможность на её понимание и обрести её доверие.

Я знаю, что значит жить без неё, и не хочу такой жизни. Без неё не то чтобы никак, без неё незачем, – думал Егор, глядя в окно. – Прошло больше трёх месяцев. Нельзя идти напролом, как танк, но и тактика выжидания не даёт никаких результатов. Лана делает вид, что она обижена, хотя понимает, что измены не было. Нужно сделать ход навстречу первым, а иначе я сойду с ума от неопределённости».

Милана вернулась в квартиру через три часа в приподнятом настроении слегка навеселе.

– Митя где? – спросила она, снимая туфли и плащ.

– Спит, – ответил Егор. – Как погуляли?

– Спасибо, весело. Ребята еще остались, а меня отправили на такси. Чем занимались? – ответила она, глядя в зеркало и поправляя причёску.

– Тебя очень ждали, – сказал Егор и обнял её. Он поцеловал её раз, другой и она не ответила, но и не оттолкнула его. Прижав Милану к стене, поднял подол платья и, ощутив под рукою бельё, вдруг остановился. Его словно окатили холодной водой. Он понял, что отсутствие какой-либо реакции со стороны жены, не согласие, это равнодушие. Он обнимал и целовал «манекен».

– Всё? – спросила равнодушно Милана, одёргивая платье.

– Постой! Ты ничего ко мне не чувствуешь? – спросил Егор, в голове которого не укладывалось подобное поведение жены. Он ожидал положительную или отрицательную реакцию, но не холодность и равнодушие. Такую Лану он не

знал.

– А ты сам этого не видишь? – спросила она. – Я думаю, тебе стоит поторопиться. Тебя ждут в машине у подъезда, – усмехнулась жена.

– Извини. Моя машина стоит на стоянке. Митю я накормил в восемь. Уснул он в начале десятого. Пока.

Егор обул туфли, снял пиджак с крючка и, не надевая его, вышел из квартиры, осторожно прикрыв дверь до щелчка дверного замка, а Милана присела на корточки в прихожей и улыбнулась. «Да, еще пару минут натиска и крепость, в моём лице, пала бы на милость победителям. Теперь такая возможность у меня появится нескоро, – подумала она. – Надо было уступить. Хороший получился бы подарок в день рождения». Поднявшись на ноги, она прошла в спальню, «проверила» сына и, переодевшись, легла в кровать. Она долго лежала без сна, вспоминая своё прошлое с Егором и думая о настоящем. «Почему я не уступила ему? Это был хороший повод к перемирию. Характер я свой показала. Вышло довольно глупо. Повод для ревности у меня был – это правда. А всё остальное – моё больное воображение. Что мешало мне остаться у машины, дать пощечину Егору, «испортить» причёску барышне? Я если и не поставила бы точку в этой истории, была бы запятая. Что сделала я? Хлопнула дверью и дала волю своему воображению, при этом зная о его безграничности. Куда оно меня привело? В тупик. Чем меня не устраивал Егор, что я с такой лёгкостью повесила на него яр-

лык предателя? А если меня никто не предавал? Доказывать мне обратное бесполезно, поэтому Егор этого и не делает. Моя нетерпимость – мой враг. Мне плохо без него, но я продолжаю держать марку. Мне хочется извиниться и броситься к нему на шею, а я изображаю из себя железную леди. И кто из нас играет роль? В последнее время я, действительно, не выхожу из образа. Я совсем не думаю о том, что это он может не простить мне моё недоверие и сомнение, и делаю это напрасно. Единственное, чего я могу добиться – его разочарования и ухода. Хлопнет дверью и уйдёт со словами: «Не веришь – не надо». Егору тридцать шесть и он отдаёт себе отчёт в том, что делает. Либо я его принимаю со всеми его достоинствами и недостатками, либо забываю о нём и не мучаю ни себя, ни его. Я сама далеко не ангел. Кто бы ещё мог вытерпеть мой характер? Как бы я жила последнее время, если бы не Егор? Надо меняться, Милана», – думала она засыпая.

Пятнадцатого декабря, в воскресенье день рождения Дмитрия, которому исполнился год, начали отмечать прямо с утра. Чтобы не встретиться с Тихоновыми и Тихомировыми, Зоя Васильевна и Илья Семёнович Ланские приехали поздравить внука, когда ещё не было десяти часов. По просьбе прабабушки, Милана с Митей ещё вчера посетили дом Тихоновых, так, что сегодня их в гости не ждали. Ближе к обеду приехал Влад с Алёной и отцом, а Руслан с женой и дочерью прибыли после дневного сна. Лиза была старше

Мити всего на четыре месяца, и смотрелись они как ровесники. После ужина сын уже клевал носом. Слишком насыщенным был день гостями и подарками. Мальчик уснул и без купания, и без вечерних песен. Милана прошла по квартире. Она ждала Егора, который не пришёл. Часы показывали 19:20, когда раздался короткий звонок в дверь. За дверью стоял Егор.

– С новорождённым тебя, – сказал он, протягивая ей букет. – А это Мите, – говорил он, поставив пакет у порога, снимая куртку и обувь. – Он где?

– Ты опоздал с поздравлениями, – с сожалением сказала Милана.

– Я не хотел портить своим визитом праздник твоим гостям.

– Я не о гостях, я о Мите. Сын уснул – устал за день, – уточнила Милана.

– Выходит, я пришёл напрасно? – спрашивал Егор, не зная как поступить дальше – уйти сразу, или подождать.

– Почему напрасно? Я же не сплю, – сказала Милана, обняла его за шею и поцеловала в губы.

– Ты уверена? – спросил Егор, немного волнуясь и помня свою попытку, а, услышав в ответ «да», уже не сдерживал себя...

– Лана, ты живая? – спросил он, лёжа на ковре гостиной тяжело дыша, и не услышав ответа, приподняв голову, посмотрел на жену. Она улыбалась. Он взял её руку, приложил

к своим губам и опустился на ковёр. – Такого в нашей с тобой жизни ещё не было.

– Всё когда-то бывает в первый раз. Как дела у Джеймса Бонда? – спросила Милана, поднимаясь с ковра.

– Нормально, – ответил Егор, не отпуская её руку.

– Поднимайся. Вид у тебя сомнительный, как бы чего не вышло, – улыбнулась она. – Хорошо, что свет неяркий и окна выходят во двор, а иначе такое кино можно было увидеть, – говорила она, прикрываясь платьем и направляясь в ванную.

Выйдя из ванной, Егор застал Милану у кровати сына.

– О чём думаешь? – тихо спросил он, обнимая её за плечи.

– Думаю, заработал ли ты поздний ужин или нет? – ответила она.

– И что решила?

– Решила, что лёгкий ужин не помешает нам обоим. Зоя Васильевна знает, где ты?

– Догадывается.

– Позвони ей. Она мама, и она волнуется. Жду тебя на кухне.

Милана разогрела ужин, доверив его микроволновой печи, достала салаты и закуски из холодильника, поставила вино и бокалы.

– Позвонил, успокоил. Маму интересуется: в каком виде я завтра отправлюсь на службу? – доложил Егор, положив смартфон на подоконник и присаживаясь к столу.

– Вот в таком и отправишься, – ответила Милана, ставя

тарелки на стол. – Выглядишь, как с пробежки. Ты в знак протеста оставил часть вещей? Я даже о причине догадываюсь.

– А я её и не скрываю, – ответил Егор, наполняя бокалы вином. – За новорожденного? – предложил он, подняв бокал.

– Давай. Пусть наш сын растёт здоровым, – согласилась Милана. – Раздался тихий звон бокалов. – Вещи в шкафу. Выбери что нужно, а я поутюжу. Так почему ты их оставил?

– Мы выбирали и покупали их вместе с тобой. Каждая вещь напоминала о тебе. Мне и без них было несладко. Господи, как же мне было плохо без вас. После твоего дня рождения, я понял, что могу вас потерять без возврата. Эти полгода дались мне тяжелее десяти лет безответной любви. Наверное, так постепенно и сходят с ума, становятся безумными, – говорил он, глядя ей в глаза.

– Давай, не будем говорить о грустных вещах. Ещё по глотку вина и принимайся за ужин, пока он не остыл, – предложила Милана, подняв свой бокал. Она минуты три наблюдала, как Егор ест. Она знала, даже если Егор голоден, но блюдо ему не нравится, он ест медленно, «пускаясь» в разговоры, и наоборот ест молча, если блюдо ему по вкусу. Сейчас был именно такой момент. – Ты будешь чай или кофе? – спросила она, делая глоток вина.

– Ни то, ни другое – я почти сыт, – ответил он, заканчивая ужин.

– Ты почему в суд не явился?

– Я сразу сказал, что не согласен с разводом. Я не мог с ним согласиться. Если бы нас развели – это произошло бы без моего участия. Лана, они не будут переносить больше сроки. Ты не передумаешь? – с надеждой спросил Егор.

– Не передумаю. Думать не о чем. Я забрала заявление месяц назад, – сказала она и посмотрела на мужа, который поднялся из-за стола, подошёл, подхватил её на руки и прижал к себе. – Пусти. Ты меня либо задушишь, либо уронишь.

– Лана, я буду хорошим мужем и примерным отцом, – говорил Егор, отпуская её. – Прости меня за всё. Любимая моя, я не могу без вас. Я хочу быть счастливым здесь и сейчас с вами. Если бы не ты...

«Он смотрел на ее лицо, заслонившее весь мир, вглядывался в него и понимал, что только фантазия влюбленного может найти в нем так много таинственного. Он знал – есть более прекрасные лица, более умные и чистые, но он знал также, что нет на земле другого лица, которое обладало бы над ним такой властью. И разве не он сам наделил его этой властью?» Эрих Мария Ремарк

<https://ru.depositphotos.com/10826366/>